

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВЫПУСК
XXXV

№ 4
октябрь-декабрь

ТАШКЕНТ
2014

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекстанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

- Стр. 1: Паломническое путешествие по святым местам Византии (С. 11).
Стр. 2: Корней Чуковский с внучкой, Еленой Чуковской (сер. 1960-х, фото из архива Е. Чуковской); обложка книги «Вавилонская Башня» (худ. Л. Фейнберг); страница первой публикации «Блудного сына» в журнале «Наука и религия» (1988, № 5) (С. 71).
Стр. 3: Миниатюра из рукописи XV века (Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Петербург); продавец рукописей и литографий в «книжном ряду» рынка на ташкентском Ипподроме (1976 г., фото А. Джумаева); список книг Кори Мулло Абдуллаха Худжанди (С. 24).

Восток Свыше. 2014, № 4 (XXXV)

© Ташкентское и Узбекстанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил ИВЕРОВ. Письмо 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Еще одно, последнее сказанье...» 900 лет преставления преподобного
Нестора Летописца, Печерского (27 октября около 1114 года) 6

Новостные страницы иеродиакона *Михаила (СТОЛЯРОВА)*

«Просветила ум и сердце...» 10

ДИСКУССИЯ

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО. Существует ли судьба? 12

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

*Татьяна СТЕКЛОВА. Братья Богородицкие – настоятели ташкентских
храмов. По материалам архивных документов* 20

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

*Александр ДЖУМАЕВ. Среднеазиатские библиофилы. Частные
библиотеки позднесредневековой Бухары и Туркестана* 24

*Евгений БЕТТЕР. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»
Ранние страницы истории Национальной библиотеки
Узбекистана имени А. Навои* 31

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Местная больница

Сергей АБАШИН. Сельская больница глазами этнолога 40

*Виктор МОИСЕЕНКО. Режим Амалиного дома.
Сырдарьинские этюды* 51

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...» На вопросы ВС отвечает литературный критик, редактор отдела поэзии журнала «Новый мир» Павел КРЮЧКОВ	63
Павел КРЮЧКОВ. «Научить свой народ...» Корней Чуковский – составитель сборника библейских преданий для детей	71
Александра ДАВШАН. «Родина детства, храни тебя Бог от метелей...» 1940-е – 1950-е годы в лирике Александра Файнберга	77
Альбина МАРКЕВИЧ. «Счастливых снов и дней!...» Воспоминания о ташкентском детстве (1930-е – 1940-е годы)	83
Книжные страницы Вадима МУРАТХАНОВА Усто Мумин: победа над биографией	92

ПРОЗА

Андрей ВОЛОС. Должник (главы из нового романа)	95

РЕЦЕНЗИИ

Тема: Русский роман – 2014

Алексей УСТИМЕНКО. Экскурсия по аду (Захар Прилепин. «Обитель»)	127
Лилия КАЛАУС. Египетские четки (Владимир Шаров. «Возвращение в Египет»)	131
Бах АХМЕДОВ. Чайка Фролова (Всеволод Бенигсен. «Чакра Фролова»)	133
Юлия КОЛОТОВКИНА. Верно найденный ключ (Наталья Громова. «Ключ. Последняя Москва»)	136

Авторы номера	139

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2014 год	140

Информация для авторов	143

Михаил ИВЕРОВ

ПИСЬМО

Я написать правдиво не умею,
в моих чернилах – талая вода,
но ты не осуди мою затею.
Москва напоминает мне Сугдею,
пока не наступили холода.

Исправно отсылает директивы
из Генуи премудрый кардинал,
перелагая ветками оливы
составленный для нас оригинал.
Везут рабов с окраин ойкумены,
бояре дышат воздухом измены,
и козни строит ущемлённый лях.
За Яузой в заснеженных полях
ордынские разгуливают кони.
Закатный луч вошёл в иконостас.

Пылает Пантократор на иконе.
Игумен Сергей молится о нас.

Календарные страницы *главного редактора*

«Еще одно, последнее сказанье...»

*900 лет преставления преподобного Нестора Летописца, Печерского
(27 октября ок. 1114 года)*

В школах древнерусские жития, как известно, не проходят. Ни в российских, ни, тем более, за пределами России. Успеть бы вдолбить школьникам, о чем там писала Татьяна Онегину.

Раздел древнерусской литературы, – пишет один из преподавателей, – в школьных учебниках занимает всего десять-двенадцать страниц. Изучается одно лишь «Слово о полку Игореве». Несколько строк уделено «Повести временных лет», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщине», «Почучению» Владимира Мономаха. Семь-восемь произведений, да и то вскользь, на семь веков истории литературы*.

Этот курс не только убог – он еще и однобок.

«Слово о полку Игореве» – выдающееся произведение; однако, мало кто из книжников знал о его существовании. Знали «Повесть временных лет», «Киево-Печерский патерик» и первые жития древнерусских святых. Ими вдохновлялись, их цитировали, им подражали.

У преподобного Нестора было чем вдохновляться и чему подражать. Особенно в его «Чтении о житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба».

...Вот Святополк, наущаемый нечистым, решает погубить своих младших братьев – возможных конкурентов в борьбе за обладание киевским «столом».

Призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Пуцьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его».

Вот Борис, добровольно отказывающийся от борьбы со старшим братом.

---

* «Древнерусская литература в средней школе» (knowledge.allbest.ru/pedagogics/3c0b65635a3ac79b4c43b88521306c37_0.html).

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими.

Оставшись почти без охраны, Борис молится в шатре...

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные Путьша, Талец, Елович, Ляшко.

Какое-то время Борис, истекая кровью, был еще жив...

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце.

Умертвив Бориса, Святополк отправляет убийц ко второму своему брату – Глебу.

Святой же [Глеб] плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он – приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха...

Можно было бы цитировать и дальше – настолько захватывает несторовское повествование.

Приведу лучше другую цитату, для контраста.

На примере «Чтения...» мы можем судить о характерных чертах агиографического канона – это холодная рассудочность, осознанная отрешенность от конкретных фактов, имен, реалий, театральность и искусственная патетика драматических эпизодов...

Так оценивал «Чтение...» один из самых авторитетных историков древнерусской литературы О.В. Творогов в своей «Литературе Древней Руси» (пособии для учителей, изданном в 1981 году). Эта цитата, кстати, «висит» и в Википедии, в статье о «Чтении...».

Пусть читатель судит сам, насколько к приведенным отрывкам можно применить определение «холодная рассудочность». Или о том, правомерно ли требовать от автора жития «конкретных фактов»... Житие – прежде всего художественное произведение, а не документальная биография. Вряд ли кому-то придет в голову упрекать Пушкина в «фактической неточности» образа Бориса Годунова. Или Толстого – в несоответствии его Кутузова – Кутузову «историческому».

Что же до обвинения Нестора в «театральности»... Что ж, преподобный Нестор обладал величайшим даром драматургической убедительности. То, что он описывал, – действительно *видишь*. Святополка, посылающего своих дружинников на убийство. Окровавленное тело святого Бориса, обернутое в шатер. Плывущую по реке ладью с

Глебом. Выпавшие из рук гребцов весла...

Если это и «театральность» – то в самом высоком, шекспировском смысле. Не случайно при чтении жития на память приходят сцены из «Ричарда III» или «Макбета».

Как писал еще в 1920-е годы М.Д. Присёлков (филолог «старой» школы, ученик Шахматова):

Два произведения Нестора выделяются среди произведений той эпохи своими грандиозными размерами, свободной литературной манерой, вдумчивым и оригинальным построением, печатью крупного таланта.

Жития, написанные преподобным Нестором, далеко превосходили современную им житийную словесность и надолго остались образцами для подражания.

А как же «Повесть временных лет»?

С ней – сложнее; «Повесть» не дошла до нас целиком. Дважды она подвергалась переделке: в 1116 году – игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, в начале XIII века – печерским монахом Поликарпом. Наконец, сам Нестор, создавая «Повесть», включил почти без переделок в свой труд историческую хронику, составленную в Печерском монастыре при игумене Иоанне (возможно – самим Иоанном).

Выделить в ней то, что было написано самим Нестором, – непросто.

И все же, талант великого писателя просвечивает сквозь все переделки. Не в частности – в целом. Так иконы и фрески другого русского святого – Андрея Рублева – продолжают восхищать, несмотря на все позднейшие «подновления».

Нестор создал удивительно целостную – при всем обилии фактов и событий – архитектуру «Повести».

«Повесть временных лет» Нестора, – снова сошлюсь на М.Д. Присёлкова, – закрыла собой предшествующий труд игумена Ивана (так! – Е.А.), но сама оказалась произведением необычайной жизненности... Она сохранилась как единое целое, не будучи закрыта или отстранена какой-либо последующей летописной работой.

Хронологию событий вели и до преподобного Нестора, и после него. Но история – нечто большее, чем простая запись событий. Это взгляд на текучее и изменчивое – с точки зрения вечного; на частное – с точки зрения целого. Объединив широкий и разнородный круг источников, Нестор сумел осмыслить историю Руси как часть всемирной истории, истории спасения человеческого рода.

Вместе с митрополитом Илларионом – автором «Слова о Законе и Благодати», Нестор является первым русским ученым, ценителем книжного знания.

Велика ведь бывает польза от учения книжного, – читаем мы в «Повести», – книги наказуют и учат нас пути к покаянию, ибо от книжных слов обретаем мудрость и воздержание. Это реки, напоющие вселенную, от которых исходит мудрость. В книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то приобретешь великую пользу для своей души. Ибо тот, кто читает книги, беседует с Богом или святыми мужами.

...О жизни преподобного Нестора почти ничего не известно.

Человек, создавший историю, «откуда есть пошла Русская земля», о своей – личной – истории умолчал.

Николай Карамзин назвал Нестора «Российским Геродотом». Геродот, однако, довольно часто писал о себе, своей жизни, своих путешествиях. Мы знаем, где и когда он родился; знаем, где и когда умер.

Нестор о самом себе не писал ничего. Он был черноризцем, монахом. И, как монах, проявлял смиренномудрие.

Упоминает о своей жизни он только дважды.

В Житии преподобного Феодосия Печерского сообщает, что составил его на основе рассказов старших монахов – ибо сам поступил в монастырь уже при игумене Стефане, который сподобил его, Нестора, «мнишеской одежды» и возвел в диаконский сан.

В другом месте называет своим первым житийным трудом «Чтение» о святых страстотерпцах Борисе и Глебе.

Это все, что «русский Геродот» написал о своей жизни.

И еще немного – о себе самом: «Невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству»...

Избранников Божиих сожителю, иноче честный и летописче преславный, отче преподобне Несторе, прими приносимыя с любовью смиренныя похваления наша. Ты же, яко имея велие дерзновение на небеси, молися тепле о стране нашей и людех ея, во еже избавитися нам от всякаго зла, да зовем ти: радуйся, Несторе, земли Русския первый летописателю (Акафист преподобному Нестору Летописцу, кондак I).

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

«Просветила ум и сердце...»

2-3 октября в Духовно-административном центре епархии прошла международная конференция «Семья и семейные ценности в современном обществе». В работе конференции приняли участие духовенство Ташкентской и Узбекистанской епархий, исследователи и ученые из Узбекистана и России, студенты Ташкентской Духовной семинарии.

«Одной из угроз современному обществу, – сказал митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, обращаясь к участникам конференции, – является утрата традиционных семейных ценностей... На мой взгляд, общество, в котором попираются эти ценности, установленные Самим Богом в Его Заповедях, обречено на крах и самоуничтожение».

Конференция была организована Просветительским отделом Ташкентской и Узбекистанской епархий на средства гранта Фонда поддержки гуманитарных и просветительских инициатив «Соработничество».

Важным событием в жизни епархии стал **визит Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Владимировны** (4–14 ноября). Подготовка к этому событию велась почти год, – до сегодняшнего дня ни один из глав Дома Романовых не посещал Узбекистан.

Визит начался 4 ноября, в праздник Казанской иконы Божией Матери, с посещения ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора. В этот день за Божественной литургией главе Среднеазиатского митрополичьего округа митрополиту Ташкентскому и Узбекистанскому Викентию сослужили епископ Исилькульский и Русско-Полянский Феодосий, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим, духовенство собора. По окончании Богослужения в честь Главы Российского Императорского Дома было возглашено многолетие.

В этот же день Ее Императорское Высочество посетила Дом приемов Министерства иностранных дел Республики Узбекистан – бывший дворец Великого Князя Николая Константиновича. В последующие дни глава Дома Романовых побывала в Хиве, Самарканде и Бухаре, встретила с представителями национальных культурных центров, общественностью, творческой и научной интеллигенцией, представи-

телями Духовного управления мусульман Узбекистана, ответила на вопросы журналистов во время пресс-конференции 14 ноября.

О малоизвестных страницах сопротивления гитлеровскому режиму в Германии на рубеже 1942–1943 годов поведала передвижная **выставка «Белая роза»**, открывшаяся 20 ноября в Духовно-административном центре.

Выставка рассказывает о деятельности группы немецких студентов-медиков, организованной уроженцем Оренбурга Александром Шморелем. В 1942 году Александр Шморель вместе со своим другом Гансом Шолем начал сочинять и распространять листовки антигитлеровского содержания, подписанные «Белая роза». В феврале 1943 года группа была раскрыта, ее участники казнены на гильотине. В феврале 2012 года Русская Православная Церковь за рубежом канонизировала Шмореля (Александр Мюнхенский).

На выставке показаны уникальные материалы, повествующие о судьбе основных участников группы, отдавших свои жизни в борьбе против фашизма, о пребывании студентов-антифашистов на Восточном фронте, о процессах по делу «Белой розы».

Организаторами выставки выступили Представительство Россотрудничества в Узбекистане, Фонд «Белой розы» (Мюнхен, Германия), Оренбургский благотворительный фонд «Евразия», Ташкентская и Узбекская епархия, посольства России и Германии в Узбекистане.

Почти месяц пребывал в Свято-Успенском соборе Ташкента **ковчег с частицей мощей святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца**. 26 ноября он был доставлен главой Округа митрополитом Викентием в Бишкекскую и Кыргызстанскую епархию.

В завершение – о **паломническом путешествии по Древней Византии**. С 15 по 20 декабря 65 паломников из Средней Азии посетили древние святыни Константинополя, Эфеса, Лаодикии, Мир Ликийских и Анталии. А 19 декабря, в день памяти святителя Николая Чудотворца, в городе Демре (Миры Ликийские), в том самом храме, в котором 1700 лет назад служил этот святой угодник Божий, митрополит Викентий совершил Божественную литургию. «Все мы, – сказал в своем архипастырском слове митрополит Викентий, – молились здесь о людях, живущих в епархиях нашего округа, чтобы по молитвам святителя Николая Чудотворца благодать Божия посетила всех нас и защитила от различных бед и напастей, просветила ум и сердце для видения своих грехов, в которых мы могли бы каяться».

Таковы основные события в жизни епархии за октябрь-декабрь 2014 года; более подробная информация о них представлена на епархиальном сайте www.pravoslavie.uz.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Существует ли судьба?

От редакции. Эссе Алишера Файза «Судьботворчество» (ВС, № 1-2 (XXXIII), 2014) вызвало различные отклики у читателей – как сочувственные, так и полемические. В публикуемой ниже статье постоянного автора нашего журнала, протоиерея Сергея Стаценко, понятие судьбы рассматривается с точки зрения православного учения о человеческой свободе.

...Нет ни одного столь порочного и преисполненного неисцелимой гнилости учения, как учение о судьбе и роке. Помимо того, что оно влагает в души совращенных богохульное, нечестивое и гибельное мнение и убеждает говорить о Боге то, чего никто не сказал бы даже о демонах, оно также разрушительно влияет на нашу жизнь, все наполняет беспокойством и большим смятением...

Святитель Иоанн Златоуст. О судьбе и провидении. Слово 5-е.

Понятие судьбы в различных системах мысли описывается по-разному – порой в совершенно противоположных чертах. Но есть в них и общее – это взгляд на судьбу как на некую predeterminedность, заданную или Высшей Силой, или пока не изученными природными законами, или совокупностью так называемых «прошлых жизней». Но сам принцип «запрограммированности» жизни человека обычно не ставится под вопрос. Что, в общем, характерно для оккультных представлений, набирающих силу в современном обществе.

Что такое судьба в общепринятом понимании?

Это совокупность всех обстоятельств и явлений, определяющих жизнь человека от ее начала до конца. Под судьбой или роком чаще всего подразумевают некую заданность всех мыслей, слов и действий, которая ведет к заранее предсказанному результату. Судьба предполагает четко обозначенные для человека или для какого-либо другого существа хронологические точки: зачатие, рождение и смерть. Рок предполагает бессмысленность потуг человека что-либо изменить в неотвратимом ходе событий. Единственное, что ему остается, – смириться с тем, что происходит.

Вопрос о признании влияния судьбоносных алгоритмов в жизни человека для православного богословия, и в частности христианской антропологии, имеет перво-

степенное значение. От его решения зависит многое. Главное же – правильное понимание человеком самого себя. От того, каким будет ответ, зависит, в итоге, отношение человека к самому себе.

В силу неотмирности христианства и его постоянной маргинальности по отношению к явлениям мирской жизни, в данном размышлении хотелось бы осветить отношение к понятию судьбы с позиций богословия и нравственного учения Православной Церкви. Здесь в первую очередь нужно указать на полную радикальность во всех отношениях всех явлений в пространстве духовного мира. В нем все происходит по принципу «свято место пусто не бывает»: либо присутствуют добрые духи, либо злые; мы можем присутствовать либо в Царстве Божиим, либо в царстве дьявола. Нейтральных существ и промежуточных состояний между добром и злом там просто не может быть.

В мире духовном явление или предмет должно рассматривать с позиций онтологического радикализма – либо что-то существует, либо этого нет вовсе. С этой точки зрения и должна рассматриваться и судьба: либо она существует, либо ее нет. А модель движения подопытной крысы в некоем экспериментальном тоннеле, где существует лишь одно, заданное направление, а свобода дана только в выборе способов движения, – с этой позиции слишком материальна, слишком «человечна», а потому далека от подлинной реальности.

Логика Божественная и логика человеческая

Веруем, что всеблагий Бог предопределил к славе тех, которых избрал от вечности; а которых отвергнул, тех предал осуждению, не потому, впрочем, чтобы Он восхотел таким образом одних оправдать, а других оставить и осудить без причины; ибо это несвойственно Богу, общему всех и нелицеприятному Отцу... но поелику Он предвидел, что одни будут хорошо пользоваться своею свободной волею, а другие худо; то по сему одних предопределил к славе, а других осудил.

Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви
о православной вере (1723 г.).

С момента грехопадения наших предков между Богом и человеком возник антагонизм, – и с каждым поколением он, судя по всему, все больше усиливался. Сравнить это можно с проблемой отцов и детей: человек выступает в роли бунтующего подростка, но живущего при этом не поисками высших идеалов, а скорее, стремлением достичь максимального жизненного комфорта и удовлетворения своих запросов. Господь, как мудрый Родитель, пытается постоянно вразумлять нас различными способами. Иногда – непосредственно через Откровение, а иногда – просто отступаясь на время от родительской опеки, чтобы мы «обожглись», поняли на опыте, к чему ведет непослушание.

Логика Бога – если так можно сказать – основана на стремлении, *чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Мы же живем по логике достиже-

ния личного комфорта. И эти две логики в большинстве случаев вступают в полное противоречие.

При этом, однако, человеку предоставлена абсолютная свобода выбора между добром и злом, и в этот выбор Господь не вмешивается. В противном случае мы не смогли бы воплотить в себе образ Божий; не смогли бы отвечать за себя в вечности. Никто не смел бы спрашивать с нас за порожденное нами в жизни зло, поскольку это было бы заложено Самим Творцом.

Бог есть Свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин. 1, 5), и уж тем более злоба и нелюбовь никак не могут являться Его атрибутами. И если кажется, что «бог» *создает условия* для реализации зла в любом виде, то это существо никак Богом являться не может.

Таким образом, признание предопределенности жизни человека логически приводит к одному из выводов о том, что: либо мы, люди, являемся только лишь продуктом какого-то эксперимента; либо Бога вовсе нет; либо то, что нас программирует – совершенно не то, о чем мы думаем. Но если, повторим, *Бог есть Свет и нет в Нем никакой тьмы*, то остается только признать, что в человеческой жизни никакой судьбы нет. Нет некоего прописанного свыше сценария, в котором заложен алгоритм действий, предполагающий четкую дату рождения, смерти, основных этапов жизни и ее ключевых событий. Нет – и не предполагается даже в виде намека. Мы – образ Божий и воплощаем в своей жизни весь потенциал свободы, вложенной в нас как одно из свойств Божиих.

Благодать и свобода

...Человеку, созданному по образу и подобию Божию, дарована свободная воля. Он – не только частица вещества, организованная в живое существо и подчиненная, как все в вещественном мире, закону причинности. Он – носитель того таинственного и непостижимого начала свободы, которая делает его волю первопричиной тех или иных действий, ничем иным, кроме этой свободной воли, не обусловленных. Поступки человека не механические явления физического мира. Они не есть автоматические следствия какой-то причины, вне воли заключенной, и не являются простым следствием физико-химических процессов в самом человеке, они определяются его собственной волей, ибо воля его, как начало свободное, является в причинном ряде явлений причиной в себе.

Свенцицкий Валентин, протоиерей. Диалоги.
Диалог 8-й «О промысле и свободе воли».

Напротив, принятие концепции судьбы означает отрицание свободы в человеке. И в первую очередь – свободы выбора. Здесь следует дать более подробное толкование понятия свободы человека в христианстве.

Неверно рассматривать христианство как целостную вероучительную систему: христианский мир неоднороден, и в толковании Писания христианские конфессии разнятся друг с другом.

Например, в Римско-католической церкви утвердилось мнение, что первозданный человек – Адам в паре с Евой, изначально созданный в некоем несовершенном виде, доводился в Эдеме до совершенства особым присутствием Божиим – благодатью. Эта благодать в момент грехопадения якобы была отнята, что привело человека к несовершенству. Оставим в стороне долгие рассуждения о неприемлемости этой точки зрения, хотя бы исходя из того, что Бог изначально создал все *хорошо весьма* (Быт. 1,31).

Православная традиция говорит о другой форме присутствия благодати в человеке. «Для Восточных отцов благодать не есть нечто внешнее, извне приданное человеческому естеству, она укоренена в самом акте сотворения человеческой природы». Изначальная гармония и совершенство человека, заложенные при творении, были искажены человеком через акт непослушания Богу. Но полностью Бог никогда не оставлял человека, не отстранялся от него в Своей благодати. Человек обретает иную возможность собственного спасения для вечности. Соработничество, синергия Бога и человека, сотрудничество Божественной благодати и свободы человека – это основа спасения каждого.

Благодать, однако, не является подавляющей, программирующей мысли и действия человека силой. Отношения благодати и свободы можно описать с помощью такой аналогии: сравним человека с учеником, которому предоставлена полная свобода в учебе. В тот момент, когда ученик проявляет желание получить знание или приобрести умение, Учитель начинает помогать ему. Если же ученик не проявляет желания, Учитель не навязывает ему своей помощи.

Можно привести и другое сравнение. Человек попал в болото, которое грозит его затянуть. Откуда-то сверху протянули руку помощи. Тонущему достаточно протянуть свою руку, чтобы ухватиться за руку Спасителя. При желании он может отпустить руку Спасителя, а может держаться за нее до полного освобождения из трясины. Здесь нет навязывания помощи, насильственного «вытаскивания за воротник». Человек может выпустить руку Спасителя, но Спаситель Свою руку никогда не убирает и всегда ждет от нас *желания* и нового усилия в собственном спасении.

Таким образом, даже в деле нашего спасения, нет никакого предопределения. Мы свободны выбрать и *озеро огненное* (Откр. 20, 14-15), свободны выбрать и вечную жизнь. Благодать как особое присутствие Божие никогда не навязывается нам.

Судьба и предведение Божие

...Бог все предвидит, но не все предопределяет. Так, Он предвидит то, что находится в нашей власти, но не предопределяет этого; ибо Он не хочет, чтобы явился порок, но не принуждает силою к добродетели. Таким образом, предопределение есть дело Божественного повеления, основанного на предведении. Бог, по Своему предведению, предопределяет то, что не находится в нашей власти; ибо Бог уже предопределил по

Своему предведению все так, как того требует Его благодать и справедливость.

Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Глава XXX «О предведении и предопределении».

Возвращаясь к теме разности богословских позиций, следует сказать, что не все христианские деноминации отвергают понятие судьбы. Ранний протестантизм в ряде направлений известен своим полным отрицанием Священного Предания и исповеданием предопределения Божия в жизни каждого человека. Казалось бы, их рассуждения находят серьезную аргументацию в Новом Завете: *Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил* (Рим. 8, 29-30).

Чтобы попытаться объяснить это с православных позиций, необходимо дать чуть более подробное описание некоторых свойств Божиих.

Всемогущество Творца, его пребывание вне физического времени (2 Пет. 3:8) предполагает полное знание о жизни любого человека. Как не назвать это предопределенностью?

Но православное богословие говорит не только о том, что Бог знает прошлое, настоящее и будущее человека. Для Бога все категории времени воспринимаются в настоящем моменте. Бог знает и *все возможные пути* жизни человека, во всем бесчисленном их множестве. «Бог совершенным образом знает все внешнее, действительное и возможное, необходимое и случайное, прошедшее, настоящее и будущее».

Попробуем рассуждать с точки зрения обыденной логики. Один из ее постулатов гласит: если я предприму какое-либо действие, то получу определенный результат. Если я буду заниматься атлетизмом, упражняться в поднятии тяжестей, то в конце концов приобрету силу и «накаченную» фигуру. Знание это достоверно и подкреплено опытом. Но освобождает ли меня наличие этого знания от необходимости заниматься, преодолевая боль в мышцах и усталость? Конечно же, нет! Знание не порождает требуемого результата. Мы должны понудить себя к этой работе и эту работу совершить.

С этой же позиции любое действие человека является действием, определяемым свободой воли человека, а Бог выступает только Свидетелем нашего выбора и последующего действия. Как писал крупный православный богослов XIX века, епископ Макарий (Булгаков): «Бог предвидит не одни действия наши, но вместе и их причину – нашу свободу, – предвидит то, что мы совершим наши действия по своей воле, что, если захотим, мы совершим, вместо их, другие действия, которые также Он предвидит, и следовательно, если решимся предпочесть одни действия другим, – наш выбор будет зависеть от нашего произвола». И если исходить из утверждения, что наша свобода способна породить бесконечное множество путей нашего выбора, то можно утверждать, что Бог видит и все множество этих вариантов. Для непримиримых оппонентов можно сказать и так: Бог видит бесконечное множество судеб одного человека, что обесмысливает само понятие судьбы как единственного варианта развития событий.

Астрология для «удобообольщаемых»

...Убедить удообообольщаемых, что касающееся житейских дел не в Божией состоит воле, но зависит от такого-то соединения звезд и от истекающей отсюда силы, наиболее всего относится к цели вредоносного демонского естества. Итак, если приятно демонам отвращать человека от Бога, – заблуждение же в этом действительно отвращает, – то ясно оказывается заключающееся в этом демонское некое усилие, обманом обольщающее тех, которые думают, будто бы вся сила в звездах, а не взирают на всемогущее Божие владычество.

Святитель Григорий Нисский. Против учения о судьбе

Об этой сфере оккультного «знания», где судьба человека определяется расположением звезд, сказано много. Астрологию как лженауку развенчивала и светская наука, и философия, писались и направленные против нее обширнейшие богословские трактаты.

Каждому читателю сейчас доступна глобальная информационная сеть Интернет. И каждый может на досуге проверить предсказания астрологов за предыдущие годы. Если взять какого-нибудь разрекламированного в свое время Павла Глобу – то у него нет ни одного сбывшегося предсказания! Иногда только хватало сообразительности логически перенести развивающиеся в конце года события на год будущий. При этом, ничтоже сумняшеся, «оракулы от звездочек» продолжают нести в массы информационные «фантазмагории».

Повышенный интерес к астрологии в современности не случаен, а простимулирован. Причина прозаична. Человеку, живущему в падшем состоянии, довольно тяжело заниматься внутренней духовной работой, трудно быть христианином в Церкви. При этом в человеке заложена тяга к духовному. Эти два обстоятельства приводят к поиску «облегченной духовности». На спрос рождается и предложение. Духовность-light (легкая) представлена в самых разнообразных формах, чаще всего – в виде оккультизма. Астрология входит в сферу оккультных знаний, но имеет существенное отличие – в ней не обязательна идея Бога, не предписывается вера в духовный мир. Она сугубо материальна. Вера в предопределенность жизни в этой системе взглядов сводится к восприятию человека самого себя обычной частью «природы», животным чуть более сообразительным, чем остальные...

Автору этих строк приходилось работать в массовых изданиях, популярность которых зарабатывалась, в том числе, и публикацией гороскопов. Приходилось видеть, как какой-нибудь гороскоп двухгодичной данности перекидывался на другой знак Зодиака и преподносился как новейшая информация, по принципу «у кого-нибудь да совпадет». Или давалась банальнейшая информация, например: «в первой декаде января Овнам не следует выходить легко одетыми – велика вероятность простуды»...

Единственное практическое действие астрологических предсказаний в плане воздействия на судьбу состоит в том, что, читая гороскопы, люди часто *подсознательно программируют себя*, невольно подстраивая события своей жизни под «предсказание».

И все же есть предопределение Свыше!

...Предопределение ко спасению следует понимать как выражение непреклонной воли Божией сделать все необходимое для спасения тех, кто хорошо пользуется своей свободной волей, кто со страхом и трепетом совершает свое спасение (Флп. 2, 12), кто «ищет благодати и свободно покоряется ей» (Послание восточных патриархов, член III) и остается верным до смерти (Откр. 2,10).

Воронов Ливерий, прот. Догматическое богословие. Лекция XI. «О Божественном предопределении ко спасению».

Отрицание свободы выбора у человека подводит нас к выводу о том, что человек мало чем отличается от марионетки, все действия которой определяются движениями невидимых нитей в руках неведомого кукловода. Человек, обремененный судьбой, становится своего рода биологическим роботом, действующим по строго определенной программе. А его убежденность в собственной свободе является не чем иным, как иллюзией, обусловленной той же действующей «судьбоносной» программой.

Повторяясь, замечу, что в таком случае обесмысливается и один из главных христианских постулатов из области антропологии – ответственность человека за прожитую жизнь в совокупности деяний, слов, мыслей и намерений. Если бы мы были пленниками судьбы, то на Страшном Суде были бы вправе сказать Богу, что Он не имеет никакого права за что-либо судить нас, поскольку мы не были предоставлены самим себе и действовали по Его программе, которую Он заранее написал для нас.

Воспользуемся методом доказательства от противного. Представим себе, что понятие предопределения стало для нас априорным утверждением. Каков следующий логический шаг человека, придерживающегося взгляда о заданности всех своих действий? Для такого человека сразу снимаются все нравственные границы, поскольку ответ за свершенные деяния будет держать не он сам, а Тот, Кто предопределяет. Понимание предельной условности своей свободы подводит человека к тому, чтобы в заданности действий обеспечить себе тот же самый максимальный комфорт и, при возможности, максимальное наслаждение. Понятие добра и зла он поворачивает в направлении: добро – то, что мне выгодно; зло – то, что мне мешает. Отпадает всякий смысл нравственного роста. Обесмысливается необходимость построения гармоничных отношений с окружающими. Теряет всякое значение стремление к спасению в вечности.

Если развивать идею о частичной или полной предопределенности, – мы можем со спокойной совестью идти на поводу у своих страстей, вплоть до полной разнузданности, будучи убеждены в том, что не несем ответственности за движущий нами неумолимый рок...

И все же есть предопределение Божие в жизни любого человека. Предопределение, буквально приговаривающее нас к единому исходу. Вновь посмотрим на утверждение о том, что Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Логическое ударение теперь здесь следует делать не на цель, а

на объект – *все люди*. В этой фразе заложена идея о безусловном предопределении для каждого из представителей человечества. Господь предопределяет каждому человеку спасение в вечности. Однако в нашей воле – активно сопротивляться этому предопределению, что у многих из нас получается, увы, очень успешно.

Тут может возникнуть вопрос: если нас неотвратимо влечет к спасению и к блаженству в будущей вечной жизни, то как встроиться в этот процесс? Что нужно сделать, чтобы получить рецепт этого спасения? Ответ прост – признать Христа своим Спасителем; жить по Его заповедям, изложенным в Евангелии; беспрерывно общаться с Ним, понимая Его как живого Бога; жить в Его Церкви; распространять Его слово; делиться со всеми радостью обретения спасительной благодати!

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его, каковую Он в неизмеримости даровал нам во всякой премудрости и разумении» (Еф. 1, 3-8).

Может возникнуть еще и вопрос о природе этого вожделенного блаженства, о том, нужно ли оно нам вообще. Ответить можно еще одной цитатой из Священного Писания, где говорится о главной тайне будущего века: *...Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). В Любви кроется раскрытие этой тайны...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Развернутую критику идеи о реинкарнации см.: *Кураев А., протодиак.* Куда идет душа. Раннее христианство и переселение душ. – Ростов-на-Дону: Троицкое слово: Феникс, 2001.

² *Давыденков О., прот.* Догматическое богословие. Учебное пособие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 473.

³ Более подробно об этом см.: *Огицкий Д.П., Козлов М., свящ.* Православие и западное христианство. Учебное пособие для духовных семинарий и духовных училищ. – МДА, издательство «Отчий Дом», 1995.

⁴ *Малиновский Н.П.* Очерк православного догматического богословия. В 2 т. – М.: Православный свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2003. Т. 1. § 18. «Свойства существа Божия как Духа». П. 3. «Всеведение Божие; его предметы».

⁵ *Макарий (Булгаков), архиеп.* Православно-догматическое богословие. В 2 т. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. Т. 1. С. 126.

Татьяна СТЕКЛОВА

Братья Богородицкие – настоятели ташкентских храмов

По материалам архивных документов

Известными православными священниками в Ташкенте в конце XIX – начале XX веков были два брата Богородицких, Константин и Петр. Они приехали в Туркестанский край по призыву владыки Григория (Полетаева, 1892–1895) и всю свою последующую жизнь посвятили религиозно-просветительской деятельности в крае.

О священническом служении братьев Богородицких рассказывает большое число архивных документов, хранящихся в фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Краткому обзору сведений, содержащихся в этих документах, и посвящена эта статья¹.

Старший брат Константин Богородицкий родился 7 января 1856 года, окончил Казанскую Духовную Академию и был единственным священником в Туркестанском крае со степенью кандидата богословия. Служение он проводил в Ташкентском военном Спасо-Преображенском соборе*, настоятелем которого стал после ухода за штат протоиерея Андрея Малова. Настоятелем этого собора он оставался вплоть до ухода на фронт Первой мировой войны.

Протоиерей Константин Богородицкий был одним из инициаторов создания в 1895 году Уездного отделения Епархиального училищного совета для всей Сырдарьинской области. Об этом говорится в письме настоятеля Ташкентского Спасо-Преображенского собора протоиерея Константина Богородицкого Главному инспектору училищ Туркестанского края Ф.М. Керенскому (отцу Александра Керенского). Отец Константин уведомлял Керенского об открытии уездного отделения по Сырдарьинской области и просил его быть членом Ташкентского отделения².

Другим свидетельством религиозно-просветительской деятельности отца Константина является письмо Совета Управления Туркестанской общины сестер милосердия Председателю Туркестанского окружного управления от 23 мая 1897 года.

* Спасо-Преображенский собор (архитекторы А.И. Рязанов, И.М. Погосский, В.С. Гейнцельман; освящен 11 июля 1888 г.) находился на площади напротив резиденции генерал-губернатора Туркестанского края (ныне – площадь Независимости). Был снесен в начале 1930-х. (Прим. В.С.)

В письме сообщается о назначении отца Константина Богородицкого духовником и законоучителем сестер Туркестанской общины вместо убоившего протоиерея Владимира Невоструева³. В 1904 году отец Константин был назначен законоучителем Ташкентского Мариинского училища⁴.

Активное участие принимал протоиерей Константин Богородицкий в жизни и деятельности Туркестанского окружного управления Российского общества Красного Креста и Туркестанской общины сестер милосердия. Он входил в руководство общины⁵ и какое-то время был ее попечителем⁶.

В апреле 1910 года за «благотворительную и общепользную деятельность» протоиерей Константин Богородицкий был представлен к награде⁷. На это представление последовал ответ от 11 декабря 1910 года Протопресвитера военного и морского духовенства, что награждение настоятеля Спасо-Преображенского собора будет рассмотрено при очередном представлении священнослужителей к наградам в 1911 году⁸. Однако награду о. Константин так и не получил...

В журнале заседаний Туркестанского окружного управления от 15 декабря 1911 года в п. 4 значится: «...избран казначеем Управления на следующее 2-хлетие протоиерей К. Богородицкий»⁹.

В письме Председательницы Туркестанской общины сестер милосердия Председателю Туркестанского окружного управления от 28 мая 1914 года сообщается об избрании протоиерея К. Богородицкого Товарищем Председательницы Комитета и Попечительницы¹⁰.

Но уже в письме от 6 декабря 1915 года Туркестанского управления Попечительнице Общины сестер милосердия сообщается, что вместо выбывшего протоиерея Богородицкого выбран член Окружного управления протоиерей М. Андреев¹¹.

Как видно из документов, жизнь и служение протоиерея Константина Богородицкого – настоятеля военного собора*, благочинного военных церквей и Попечителя Туркестанской общины сестер милосердия, были до его ухода на фронт Первой мировой войны весьма деятельными.

После окончания войны протоиерей К. Богородицкий в 1918 году возвращается в Ташкент и служит настоятелем Спасо-Преображенского собора вплоть до своей кончины в 1922 году.

А теперь о младшем из братьев – священнике Петре Богородицком.

Младший брат, Петр Богородицкий, родился 15 декабря 1863 года. Окончил Рязанскую духовную семинарию с аттестатом второго разряда. Служение проводил в Ташкентской Иосифо-Георгиевской церкви**, настоятелем которой был вплоть до своей кончины в 1918 году.

* В воспоминаниях протопресвитера Георгия Шавельского (1871–1951) описывается столкновение, произошедшее между о. Константином и вел. князем Николаем Константиновичем: «Прибыв однажды к настоятелю Ташкентского военного собора, прот. Константину Богородицкому, он в категорической форме потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с 17-летней гимназисткой. Прот. Богородицкий отказался исполнить просьбу, ибо великий князь состоял в браке. Великий князь ушел от него возмущенный “оказанной ему несправедливостью”». (Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954). (Прим. ВС.)

** Иосифо-Георгиевская церковь (освящена 22 декабря 1868 г.; перестроена в 1874 г. по проекту Н.Ф. Ульянова) находилась рядом с дворцом великого князя Николая Константиновича. В 1960-е здание было перестроено под Театр кукол, в 1990-е годы – снесено. (Прим. ВС.)

При Иосифо-Георгиевской церкви была создана церковно-приходская школа. Отец Петр Богородицкий был не только законоучителем, но и уездным наблюдателем Сырдарьинского отделения Епархиального училищного совета¹².

В деле Туркестанской Духовной консистории хранится письмо от 10 декабря 1907 года Главного инспектора училищ Туркестанского края Н. Остроумова с представлением о. Петра Богородицкого к очередной награде за труды по учебному ведомству¹³. На документе начертана резолюция епископа Димитрия (Абашидзе, 1906–1912). Почерк владыки убористый, трудночитаемый, но суть понятна – наградить саном протоиерея.

В этом же фонде имеется прошение прихожан Иосифо-Георгиевской церкви от 5 августа 1908 года с просьбой благословить поднесение золотого креста настоятелю о. Петру Богородицкому в связи с 15-летием служения. «Одинаково доступный для всех, – писали прихожане о своем настоятеле, – от первого ташкентского богача до последнего бедняка, кроткий и обходительный в обращении, миролюбивый, терпеливый, трудолюбивый ... он снискал себе общую любовь и уважение многочисленных прихожан и духовных детей»¹⁴. Особо отмечалась в прошении забота о. Петра об украшении и благоустройстве Иосифо-Георгиевской церкви: «...наша церковь до поступления о. Петра имела убогий вид, а теперь отличается благолепием, несмотря на значительный упадок доходности, вызванный всероссийской смутой...»¹⁵.

На прошение наложена резолюция епископа Димитрия (Абашидзе): «Да благословит Бог...»¹⁶.

Следующий документ из этого же фонда – письмо от 19 августа 1910 года Главного инспектора училищ Туркестанского края Н. Остроумова о согласовании назначения настоятеля Иосифо-Георгиевской церкви протоиерея П. Богородицкого законоучителем во вновь открытое 2-е Ташкентское четырехклассное училище. На письме имеется разрешительная резолюция епископа Димитрия (Абашидзе)¹⁷.

Поскольку протоиерей П. Богородицкий был принят на работу по учебному ведомству, то, как и полагается, на него было заведено личное дело¹⁸. В деле имеется формулярный список о. Петра Богородицкого, содержащий сведения биографического характера, о рукоположении, наградах и др.

В фонде Туркестанского Епархиального училищного совета имеется доклад от 10 июля 1916 года уездного наблюдателя церковно-приходских школ III округа Туркестанской епархии Ташкентскому городскому голове Маллицкому, где приводятся сведения о приходской школе при Иосифо-Георгиевской церкви. В документе отмечено, что «школа пользуется доверием у родителей. Учащиеся умеют читать, писать, считать, имеют знания по истории и географии...». Упомянут и детский церковный хор, который часто выступал на различных городских мероприятиях¹⁹.

Последний документ относится к 1918 году: по учебному ведомству издается приказ об увольнении учителей Закона Божия священников М. Андреева и П. Богородицкого в связи с отделением церкви от государства²⁰. В этом же году оканчивается земная жизнь протоиерея Петра Богородицкого. По некоторым сведениям, был погребен в Иосифо-Георгиевской церкви (через четыре года там же будет погребен и его брат, о. Константин)...

Разумеется, архивные документы дают очень скудные сведения о деятельности братьев Богородицких в Ташкенте. Их биографии, как и биографии других известных церковнослужителей Туркестанского края, еще ждут своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сведения о деятельности братьев Богородицких находятся в фондах ЦГА РУ: «Туркестанский епархиальный училищный совет» (И-66), «Управление учебными заведениями в Туркестанском крае» (И-47), «Туркестанская община сестер милосердия Российского общества Красного Креста» (И-76), «Туркестанское окружное управление Российского общества Красного Креста» (И-81), «Туркестанская Духовная консистория» (И-961).

² Письмо хранится в деле за 1895 год с Правилами об уездных отделениях Епархиального училищного совета и учреждении священников-наблюдателей ЦГА РУ, ф. И-47, оп. 1, д. 219, л. 102, 105, 110.

³ ЦГА РУ, ф. И-47, оп. 1, д. 1926, л. 43, д. 1928.

⁴ ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 27, л. 389-390.

⁵ Так, в годовом отчете за 1906 год Туркестанской общины сестер милосердия наряду с подписями руководства общины стоит подпись протоиерея Константина Богородицкого (ЦГА РУ, ф. И-76, оп. 1, д. 116, л. 19-31).

⁶ В протоколе заседания членов Туркестанского окружного управления от 9 апреля 1909 г. значится: «...протоиерей К. Богородицкий назначается попечителем Общины сестер милосердия, вместо выбывшей попечительницы К.А. Мищенко...» (ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 131, л. 23).

⁷ См.: «Список наградам (так! – Т.С.) протоиерея Ташкентского Спасо-Преображенского собора, члена Попечительского совета Туркестанской общины сестер милосердия К. Богородицкого», хранящийся в фонде Туркестанского окружного управления ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 150, л. 17-18, 29-30.

⁸ ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 150, л. 85.

⁹ ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 185, л. 58 об.

¹⁰ ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 195, л. 3.

¹¹ ЦГА РУ, ф. И-81, оп. 1, д. 212, л. 16.

¹² Так, в журнале испытательной комиссии церковно-приходской школы Ташкентской Иосифо-Георгиевской церкви за 1906 год имеется подпись уездного наблюдателя о. Петра Богородицкого (ЦГА РУ, ф. И-66, оп. 1, д. 3, л. 319).

¹³ ЦГА РУ, ф. И-961, оп. 1, д. 903, л. 73.

¹⁴ ЦГА РУ, ф. И-961, оп. 1, д. 948, л. 214-215 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦГА РУ, ф. И-961, оп. 1, д. 1031, л. 45-45 об.

¹⁸ ЦГА РУ, ф. И-47, оп. 1, д. 1929, 1930.

¹⁹ ЦГА РУ, ф. И-66, оп. 1, д. 9, л. 30-31 об.

²⁰ ЦГА РУ, ф. И-47, оп. 1, д. 1730.

Александр ДЖУМАЕВ

Среднеазиатские библиофилы

Частные библиотеки позднесредневековой Бухары и Туркестана

*Акл мегуяд бехони сад китоб...
Вещает разум: «Сотню книг прочти!»
Книга любви (Ишк-нама), XVII век*

До середины XIX века в Средней Азии преобладали частные библиотеки, и их состав, вплоть до появления книгопечатен-литографий, всецело зависел от социального положения собирателя. Библиотеки крупных властителей включали собрания раритетов и роскошных, художественно оформленных манускриптов.

Достаточно вспомнить известный рассказ Абу Али ибн Сины о том, как он, в благодарность за исцеление амира Нуха ибн Мансура (976–997), получил в Бухаре доступ в его библиотеку. Библиотека правителя располагалась в отдельном здании с множеством комнат и содержала коллекцию редчайших книг, частью которых и смог воспользоваться будущий великий мыслитель¹. Был здесь и свой «каталог» – списки книг, и Ибн Сина в первую очередь ознакомился со «списком книг предшественников». Такие списки и краткие перечни (*фихрист, руихат*) были типичны для собирателей книг. Именно они, сохранившись после исчезновения самих библиотек, позволяют составить представление о круге чтения и книжных увлечениях просвещенного человека минувших эпох².

Судьбы больших библиотек часто трагичны, как и судьбы государств, в которых они создавались и существовали. Костры из книг «озаряют» историю и западной, и восточной цивилизаций. Библиотеки погибали в пожарах междоусобных и прочих войн или подвергались чисткам в результате смены идеологий. Но примеров обратных – когда смена династий и режимов не влекла за собой уничтожения библиотек, – все же больше. Библиотеки, так же, как казна или гарем, становились «добычей» завоевателя, переходя к нему по праву победителя. Так, основу придворной библиотеки шейбанидского правителя в Бухаре в начале XVI века составила библиотека, принадлежавшая темуридскому правителю³. Она «автоматически перешла в собственность победителей как законное наследие и престижный трофей»⁴.

Страсть к составлению библиотек захватывала некоторых венценосных особ не меньше, чем заботы о расширении и безопасности своих государств. Таким, например, был правитель Бухары шейбанид Убайд Аллах-хан (1487–1540). Он не только собирал лучшие рукописи для своей дворцовой библиотеки, но и собственноручно занимался перепиской книг. В свободное от государственных дел время Убайд Аллах-хан любил проводить литературно-музыкальные и научные собрания (*маджлисы*). По рассказу литератора Зайн ад-Дина Васифи, участвовавшего одно время в этих *маджлисах*, правитель поручил своим просвещенным собеседникам заняться поисками в Бухаре полного собрания сочинений (*куллийата*) поэта Мавлана Катиби. В доставленной Убайд Аллах-хану рукописи оказалось около 30 тысяч бейтов⁵.

И все же, не дворцовые библиотеки определяли состояние книжной культуры в Средней Азии. Скорее, наоборот, их закрытость и недоступность для просвещенного читателя за пределами дворца выводила из круга доступного чтения немалое число научных и художественных сочинений. Это был своеобразный средневековый «спецхран», тщательно оберегаемый, доступный лишь избранным.

Более важную в развитии книжной культуры Средней Азии роль играли частные библиотеки, владельцами которых были представители интеллигенции (в первую очередь учителя школ, преподаватели медресе – мударрисы) и, в особенности, духовное сословие (казии, имамы, уламо, муллы, муфтии), по роду своей деятельности связанные с книгой. Новые сторонники книжного дела, общественных и частных библиотек появились на рубеже XIX–XX вв. в лице отдельных представителей нарождающегося просветительского движения – джадидов. Бережное, почти сакральное отношение к рукописной книге поддерживалось в этой среде многовековой традицией, освященной преданием – хадисами пророка Мухаммада. Еще и в первые десятилетия XX века в многочисленных книгах и статьях теологического характера можно найти призывы к жертвенному терпению в поисках знания и духовных книг. Так, в статье о ранних предшественниках духовных ученых (*уламо*) приводится рассказ Ибн ал-Мукри о том, как в поисках одной только рукописной книги (*бир нусха китоби учун*) Ибн Фузала он совершил путешествие в семьдесят мест и перенес различные лишения⁶.

С появлением литографий стали публиковаться списки книг, находящихся в книготорговой лавке или непосредственно в типографии и при необходимости высылаемых заказчикам наложенным платежом. Обычно эти списки публиковались в приложении к изданиям, а также на отдельных листах. Это значительно облегчило составление частных библиотек.

Такой список литературы, имевшейся у книготорговцев (*китобфурушлар*) на книжном базаре (*китоб бозори*) Ташкента, дается, к примеру, в качестве приложения к изданию «Книги о Хатаме на тюркском» (*Хатам-нама-йи турки*; Самарканд, 1900)⁷. Он состоит из 31 наименования; отдельно сообщается о наличии разнообразных казанских изданий по новометодному обучению (*усул-и джадид*) и «казахских сказаний» (*козокча киссалар*)⁸. Список этот весьма показателен: он отражает читательские интересы общества того времени и, соответственно, состав небольших частных библиотек. Повторяя в какой-то части приведенный ниже «обязательный список» учащихся мактабов и медресе, он значительно расширяет его. Перечислю некоторые из названных здесь книг, сгруппировав их по рубрикам. Так, из лирической и мистической поэзии

здесь указаны: Ходжа Хафиз (большого и малого объема), Навои (большого и малого объема), Мирза Бедиль, Фузули, Диван Машраба, Хикматы Султана Арифина (Ходжа Ахмада Яссави), Хувайдо Чимийани, Суфи Аллаяр. Из литературы духовного содержания и «учебных пособий»: «Сказание о пророках на тюркском» (*Кисас ал-анбийя турки*)⁹, «Сокращенное [руководство по мусульманскому праву] на тюркском» (*Турки Мухтасар*)¹⁰, «Ключ к раю» (*Мифтах ал-джинан*)¹¹, «Путь благочестивых» (*Маслак ал-муттакин*)¹², «Мудрость источника» (*Хикмат ал-айн*)¹³, «Комментарий Муллы» (*Шарх-и Мулла*)¹⁴, «Законоведение Кайдани» (*Мулла Шамс ад-Дин Мухаммад бар Фикх Кайдани*)¹⁵, «Райский сад мучеников на тюркском» (*Равзат аш-шухада турки*)¹⁶, «Четыре книги» (*Чахар китаб*)¹⁷, «Достаточное» (Кафийа)¹⁸, «Прописи» (*Муффридат*) и т.д.

Из книг фольклорного характера для широкого чтения – уже названная «Книга о Хатаме на тюркском» (*Хатам-нама-йи турки*) и сочинение о приключениях дервишей «Четыре дервиша» (*Чахар дарвиш*).

Распространение литографированной книги открыло новые возможности для собирателей личных библиотек. В этот период литографии в личных библиотеках начинают все больше доминировать над рукописями¹⁹. В «Списке книг Кори Мулло Абдаллаха Худжанди» (*Руихат-и китобхои Кори Мулло Абдаллох Худжанди*; один лист, по-видимому, – начало XX века²⁰) перечислено сорок две книги, из которых только две рукописные (*калами*), а остальные – издания (*чоп*). Доля книг нерелигиозного содержания в этом списке незначительна – диваны стихов Хафиза и Бедилья, учебник по арифметике, учебники по арабской грамматике, несколько известных толковых словарей персидской и арабской лексики...

Вся будущая интеллектуальная элита обучалась в медресе Бухары, Хивы, Коканда и других городов Туркестана, многие из студентов располагали своими собственными библиотеками²¹. Обычно библиотека, которой пользовался студент медресе, состояла из вполне определенного набора книг. Часть из них могла быть затребована из библиотек медресе, в которых он проходил обучение. Но чаще студенты старались сделать для себя копии этих книг либо приобрести их литографированные издания. В «обязательный список» книг в данной среде (начиная с мактабов) входили: Коран, *Чахар китаб*, диваны стихов Ходжи Хафиза, Бедилья, Алишера Навои, Фузули, Машраба, сочинения Суфи Аллаяра «Стойкость слабых» (*Сабат ал-аджизин*)²² и *Маслак ал-муттакин*, «Догматы» (*Акаид*)²³, *Хикмат ал-айн*, *Фикх Кайдани*, «Комментарий Чархи» (*Тафсир-и Чархи*)²⁴ и целый ряд других²⁵. Круг чтения расширялся в зависимости от интересов читателя. Добавлялись другие сочинения: относящиеся к классической художественной прозе и поэзии Востока, религиозно-дидактической литературе, народные «повести» и рассказы (кысса, дастаны, хикайаты), специальные книги по мусульманскому праву...

Студенты активно приобщались к чтению рукописных книг и литографий. Известны случаи, когда провинившемуся студенту наказанием назначалась переписка книг. Зараженные «книжной болезнью», студенты посещали в больших городах книжные базары или специальные ряды с книготорговлей. Там чаще всего и происходило пополнение собраний частных библиотек. Книжные базары таили в себе много неизвестного и неоткрытого, здесь же можно было заказать поиск или изготовление рукописной копии необходимого сочинения. Особенно выделялась в этом

смысле Бухара. По общему признанию российских ученых конца XIX – начала XX веков, Бухара считалась главным «поставщиком» восточных рукописей²⁶. Здесь находился крупный транзитный пункт импорта и экспорта рукописей и литографий в города Средней Азии и всего мусульманского Востока. Отсюда вывозились и книги для рядовых личных библиотек. Например, в рукописи «Повествование о хадже Ишана Машраба» (*Хадж-нама-йи Ишан Машраб*) на первом листе имеется интересная выписка частного лица – по-видимому, владельца рукописи. В ней сообщается о приобретении в Бухаре нескольких экземпляров книг (*Аз Бухорои шариф чанд адад-и китоб овардаги*) и перечисляются их названия²⁷.

Выпускники туркестанских медресе расселялись по всей Средней Азии, Казахстану, Поволжью и другим регионам Российской империи, увозя с собой и свои библиотеки. Так поддерживались очаги письменной мусульманской культуры не только в традиционных городских центрах Мавераннахра, но и далеко за его пределами. В российской востоковедческой и иной литературе можно найти немало свидетельств о посещении духовных лиц в разных городах и уголках региона с целью осмотра их личных библиотек. Известный искусствовед Б.П. Денике писал об одном таком осмотре в своем дневнике в октябре 1924 года: «Осмотр Оша. Был у 80-летнего муллы Кудрат-Уллы Тохрбаева, владельца библиотеки»²⁸. Во время прохождения службы в армии в 1976 году в Кизыл-Арвате (Туркменистан) мне удалось посетить старожила города, муллу-туркмена преклонного возраста и ознакомиться с его библиотекой, состав которой также имел много общего с перечисленными выше списками книг.

Иной, чрезвычайно широкий и разнообразный по тематике состав имели личные библиотеки выдающихся собирателей из числа сановников высокого ранга, принадлежавших к интеллектуальной элите своего времени. К ним относился крупный государственный деятель, ученый и интеллектуал, бывший одно время кази-калоном – верховным судьей Бухары, – Мухаммад-Шариф Садри Зиё (1867–1932). Он обладал прекрасной личной библиотекой, поступившей впоследствии в фонды Института востоковедения им. Беруни АН Республики Узбекистан (в ее современном состоянии – более 300 томов, содержащих 855 сочинений)²⁹. Знакомство с ней по каталогу (*фихрист*), составленному владельцем библиотеки, говорит о широком диапазоне представленных в ней традиционных мусульманских знаний. Это труды крупнейших философов и ученых (ал-Фараби, Ибн Сины, Мухаммада ал-Газали, Насир ад-Дина ат-Туси, Мирзы Улугбека и многих других), диваны и отдельные поэмы знаменитых и менее известных поэтов (Низами Ганджави, Джалал ад-Дина Руми, Хусрава Дихлави, Са’ди Ширази, Джами, Алишера Навои, Фузули), исторические хроники (Наршахи, Хондамир, Хафиз Таниш Бухари), сочинения суфийских шейхов... Показательно, что в ней, судя по опубликованному *фихристу*, не было ни одного европейского издания.

Собирателями частных библиотек нового типа стали представители джадидского движения в Бухаре и Туркестане. Их интерес к книгам не ограничивался только приобретением дорогостоящих манускриптов. Он включал в себя большое число новых литографированных и типографских книг, поступавших из городов и регионов России, стран мусульманского Востока (Турции, Индии, Ирана), европейских государств. Интересной «акцией» в книжном мире той поры стал подарок читающим бухарцам книги Шайха Са’ди Ширази «Гулистан». Она была отпечатана известным крымско-татарским просветителем, лидером джадидов России и Средней Азии Ис-

маилом Гаспринским (1851–1914). Эта книга, изданная в Бахчисарае, наглядно демонстрировала новые технические возможности и качество типографского издания. Она содержала типографскую вклейку с посвящением восхождению на престол Бухары Сайида Амира Алим-хана, на которого, очевидно, Гаспринский возлагал надежды в плане содействия культурным реформам³⁰.

Некоторые из джадидов (например, Махмудходжа Бехбуди) владели собраниями, которые включали также книги и журналы из России и европейских стран. Отдельные сохранившиеся экземпляры книг того времени на русском языке демонстрируют приверженность их хозяев традиции делать заметки и комментарии на полях (*хашийа*). Это позволяло читателю выразить свое отношение к тем или иным проблемам, поднимаемым в издании, и вступить в своеобразный диалог с автором³¹.

Среди книжных собраний джадидов выделялась небольшая, но тщательно подобранная библиотека известного просветителя, политического деятеля, ученого и поэта Абдурауфа Фитрата (1886–1938). Бухарский интеллигент, получивший традиционное образование в медресе, Фитрат хорошо знал цену настоящего каллиграфического искусства и рукописной книги. После победы Бухарской революции он одно время был министром (*назиром*) просвещения в правительстве Бухарской Народной Советской Республики. В январе 1921 года Фитрат вошел в состав комиссии по поиску и приобретению в Бухаре «старых исторических библиотек» (*эски тарихий кутубхоналари*). Благодаря деятельности этой комиссии были собраны и сохранены ценные рукописи. Среди них, например, и «ноты узбекской музыки» (*узбек музикасининг нутоси*), под которыми, очевидно, следует понимать так называемую хорезмскую тамбурную нотацию³². В 1934 году Фитрат продал свое собрание рукописей Государственной библиотеке Узбекистана. Среди 150 экземпляров рукописей его собрания было немало редких манускриптов³³.

Особый интерес Фитрат проявлял к сочинениям, связанным с историей культуры и музыкальным искусством. Он разыскивал списки «Трактата о музыке» Абд ар-Рахмана Джами. Фитрату была доступна рукопись «Трактата о музыке» среднеазиатского музыканта Дарвиша Али Чанги (втор. пол. XVI – 20-е гг. XVII в.), известная ныне под № 449 в собрании Института востоковедения АН Республики Узбекистан. Она стала одним из главных первоисточников при написании им книги «Узбекская классическая музыка и ее история»; на полях отдельных ее листов (листы 21а-22а) сохранилась запись, сделанная рукой Фитрата и подписанная им³⁴. Это позволяет предположить, что рукопись могла какое-то время принадлежать Фитрату. Знал Фитрат, по-видимому, и другой список «Трактата о музыке» Дарвиша Али Чанги (№ 468), который находился некоторое время в собственности Назирата Просвещения Бухарской республики³⁵.

Новая эпоха, ориентированная на светские культурные ценности, во многом, особенно на первом этапе, вытеснила из оборота литературу на арабской графике. Тем не менее, еще в начале 1970-х годов продавцов восточных рукописей и старопечатных книг-литографий можно было видеть на вещевых рынках на Куйлюке – вдоль реки Чирчик, а позже – на рынке «Ипподром». Образовав небольшой, обособленный от «вещного мира» ряд, они раскладывали на расстеленных газетах свой товар. И по их внешнему виду, и по предлагаемым ими книгам можно было легко догадаться, что многие из этих китобфуруши – бывшие представители мусульманского духовенства: кари, муллы, распродающие свои личные библиотеки.

Летом 1974 года мне представилась и возможность познакомиться с одним из таких библиофилов. Случилось это во время студенческой фольклорной экспедиции в Фаришский район Джизакской области. На пару дней мы остановились в кишлаке Карабал у Утамуроода Санакулова, приходившегося родственником одному из участников экспедиции³⁶. Односельчане называли Санакулова Кози-бобо (Дедушкой Судьей) за его принадлежность в прошлом к сословию судей-казиев. Кози-бобо, как оказалось, имел коллекцию рукописей и старопечатных книг. Все они были сложены в стеновых нишах (*токча*), но не в вертикальном положении (как это принято в европейской традиции), а горизонтально, одна на другую. Много книг, по словам самого Кози-бобо, он привез в свое время из Бухары. Не имея достаточного опыта чтения рукописного текста, я пытался разобраться с некоторыми из них. И когда я прочитал несколько начальных строк в одной литографии, Кози-бобо тут же великодушно подарил мне этот солидный том с пожеланием научиться читать книги, написанные арабским письмом. Позже выяснилось, что эта книга – широко известное в прошлом в Мавераннахре и популярное вплоть до начала XX века сочинение по ханафитскому фикху в трех томах «Салат-и Мас'уда» («Ма'судова молитва») Факиха Шайха Мас'уда ибн Йусуфа Самарканди (XIV век) в бомбейском литографированном издании 1896 года. Книга содержала массу ценных сведений по истории исламской культуры, в том числе – музыкальной культуры нашего региона.

На этом воспоминании я завершаю свой очерк, основанный на отдельных документальных источниках и разрозненных личных наблюдениях, о старинной культурной традиции у народов Средней Азии – собирать личные домашние библиотеки и бережно сохранять книжную культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ибн Сина (Авиценна)*. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1980. С. 48.

² Публикацию *фихриста* библиотеки Садри Зиё, а также обзор библиотечного книжного дела, коллекционирования рукописей и частных библиотек в Бухаре начала XX века, с указанием библиографии, см. в книге: *Вохидов Ш., Чориев З.* Садри-и Зия и его библиотека (из истории книги и книжной культуры в Бухаре в начале XX века). Книга 1. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2007. С. 3–34 и далее. См. также опубликованный каталог библиотеки Хивинского хана Мухаммада Рахимхана II (Феруза): *Эркинов А.С., Полвонов Н.Т., Аминов Х.А.* Мухаммад Рахимхон II – Феруз кутубхонаси фехристи (Хоразмда китобат ва кутубхоначилики тарихидан). – Тошкент: Янги аср авлоди, 2010.

³ См.: *Акимушкин О.Ф.* Средневековый Иран: Культура, история, филология. – СПб.: Наука, 2004. С. 368–383.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ См.: *Болдырев А.Н.* Зайнабдин Васифи – таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). – Сталинабад: Таджикское гос. изд-во, 1957. С. 137. См. также: *Зайн ад-Дин Васифи*. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А.Н. Болдырева. Том I. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 228–229 (л. 376).

⁶ *Уламо салафининг бакиёси* // Ал-Ислох. Мусульманский журнал Ислах. Ташкент, 1915, дж. 1, № 6, с. 166.

⁷ *Хатам-нама-йи турки*. Ма' хашт Рисала-йи хикайа-йи гарибайи маргуб. – Самарканд: Типо-лит. Г.И. Демурова, 1900. Хагам-Тай – арабский поэт (из племени тай, ум. ок. 605 г.), был знаменит своей храбростью и щедростью. Его имя вошло в поговорки, встречается в топонимике Средней Азии.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Сочинение Насир ад-Дина Рабгузи (начало XIV в.), состоящее из жизнеописаний пророков – от ранних и до Мухаммада и праведных халифов.

¹⁰ Составлено Убайдулло ал-Махбуби (конец XIII – начало XIV вв.) на предыдущее сокращение («Викайа») основного труда по ханафитскому праву «Ал-Хидайа» Бурхан ад-Дина ал-Маргинани (XII в.).

¹¹ Сочинение Мухаммада Муджира Ваджих адиба (вторая половина XIV в.) по вопросам соблюдения мусульманских обрядов.

¹² Сочинение туркестанского религиозного мыслителя и поэта Суфи Аллаиара (род. в Каттакургане; ум. в 1720–1721 или 1723 г.) на персидском языке в стихах с изложением обязанностей мусульманина, разделяющего суфийские ценности.

¹³ Труд Наджм ад-Дина Али ал-Казвини ал-Катиби (ум. в 1276 г.) на арабском языке по метафизике и физике с включением сведений по астрологии и космографии, пользова-

лось широкой известностью в Средней Азии, осваивалось в медресе.

¹⁴ Комментарий Абд ар-Рахмана Джами (закончено в 1492 г.) на учебный трактат по арабской грамматике Ибн ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.).

¹⁵ Краткое руководство для совершения канонических мусульманских обрядов Лутфуллы ан-Насафи ал-Кайдани (ум. в 1349 г.), издано вместе сочинением другого автора – Муллы Шамс ад-Дина на полях (*бар хашииа*).

¹⁶ Сочинение Хусайна Ваиза Кашифи (ум. в 1504-1505 г.) о Мухаммаде, Фатиме, Али, Хасане, Хусейне и других шиитских мучениках.

¹⁷ Сборник из четырех сочинений по религиозным вопросам ханафитского толка, написанных в разное время в стихах и прозе, часть – в форме вопросов и ответов наподобие катехизиса; использовался в качестве учебника в школах и медресе.

¹⁸ Известный учебный трактат по грамматике арабского языка Ибн ал-Хаджиба (ум. в 1249 г.).

¹⁹ Здесь можно привести обратный пример: в библиотеке крупного бухарского сановника и интеллектуала Садри Зиё (см. далее в основном тексте), напротив, литографированные издания представлены значительно меньше, чем рукописи.

²⁰ Из личного собрания автора.

²¹ О библиотеках Бухары в историко-архитектурном аспекте, в том числе в составе медресе, см., в частности: *Юсупова М.А.* Библиотека Мавераннахра (вопросы истории и архитектуры) // «Пространство Азии – перекресток культур: от прошлого к будущему». Материалы научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. – Ташкент, 2014. С. 39–53.

²² Сочинение Суфи Аллаяра (см. о нем в прим. 12) в стихах на тюркском суфийского назидательного характера. Содержание книги иллюстрируется поучительными рассказами (*хикаят*) из истории ислама, мифологии и суфийской практики.

²³ «Акаид», или «Акаид ан-Насафи» – краткое изложение основ мусульманского вероучения на арабском языке – сочинение законоведа ханафитского толка Наджм ад-Дина Абу Хафса Умара ан-Насафи (ум. в 1142 г.).

²⁴ Комментарий на Коран Мавлана Якуба Чархи (ум. в 1447 г.), известного суфийского теоретика братства Накшбандийа, ученика Бахауддина Накшбанда.

²⁵ Список учебной литературы по основным дисциплинам, изучавшимся в медресе, приводится в статье: *Наливкин В.* Что дает средне-азиатская мусульманская школа в образовательном и воспитательном отношениях? // Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. – С.-Петербург, 1900. С. 215–278; см. также: *Ахмад Донши.* Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное. Подгот. текста и коммент. Р. Хади-Заде. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 212-214; *Абд ар-Рауф Фитрат.* Оила. Баку, 1916. С. 160; *Айбек.* Детство. Повесть // Айбек. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуля-

ма, 1986. С. 221, 231, 248, 261, 267-268; *Кары-Ниязов Т.Н.* Размышления о пройденном пути. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 74, 75-76, и многие другие.

²⁶ См.: *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Наука, 1965. С. 361.

²⁷ Из личного собрания автора.

²⁸ «Он никогда никому не сделал зла...» Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей. Составление, вступительная статья, справочный аппарат, подбор иллюстративного ряда Т.Г. Алпаткиной. – М.: Государственный Музей Востока, 2006. С. 47.

²⁹ См.: *Вохидов Ш., Чориев З.* Садр-и Зия и его библиотека...

³⁰ *Шайх Са'ди.* Гулистан. Издатель: Сахиб-и имтияз ва мудир-и рузнаме-йи «Тарджиман» Исма'ил Гаспрински. – Багчасарай, Крым, Россия: Изд-во газеты «Тарджиман», 1291/1874-75. – 228 стр. (Издание в библиотеке автора статьи).

³¹ Такие карандашные пометки и комментарии в арабской графике имеются, например, на полях книги Ф.Р. Вейсса «Нравственные основы жизни» (перевод с французского. Издано В.И. Асташевым. Том I. С.-Петербург: в типографии В. Безобразова и Комп., 1881. – 310 стр. (Из личного собрания автора).

³² М.И. Узбек билим хай'атининг тузулиши ва унинг ишлаган ишлари // Инкилоб мажмуаси. Сон 9-10, февраль – март 1923. – Ташкент, 1923. С. 79 (в арабской графике).

³³ Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои (1870–1970) / Отв. ред. Д. Таджикива. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1977. С. 77. Собрание Фитрата получило высокую оценку специалистов-востоковедов: «Рукописи коллекции А. Фитрата представляют особую ценность как по уникальности содержащихся в них сочинений, так и по их значимости для изучения истории Средней Азии» (*Рожанская М.М., Матиевская Г.П., Лютер И.О.* Насир ад-Дин ат-Тузи и его труды по математике и астрономии в библиотеках Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Душанбе. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 26).

³⁴ Эти сведения сообщены исследователем наследия Дарвиша Али Чанги Д.А. Рашидовой.

³⁵ Свидетельство тому – обнаруженная нами приписка на поле листа 346 трактата Дарвиша Али Чанги, сделанная, возможно, Фитратом, так как она указывает на высокую компетентность автора в вопросах истории музыки Средней Азии. См.: *Джумаев А.* Трактаты о музыке в сборной рукописи № 468 из собрания Института востоковедения АН РУз // Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии. Очерки историографии и источниковедения. [Сб. ст.]. / Отв. редактор Д.А. Алимова. – Ташкент, 2014. С. 248.

³⁶ Этим участником экспедиции был Абдуманнон Назаров (1953–2005), впоследствии – известный музыковед, доктор искусствоведения.

Евгений БЕТГЕР

«Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»

Ранние страницы истории Ташкентской государственной публичной библиотеки имени Алишера Навои*

Черняев прибыл в край, будучи предубежден против всей системы кауфманского управления, в котором он не видел ничего, кроме хаоса и злоупотреблений¹. Вслед за новым начальником края, по его инициативе, приехала в Туркестан сенаторская ревизия во главе с Ф.К. Гирсом, проработавшая целый год и оставившая обширный том своих трудов, в котором вскрывала недостатки предшествующего управления и намечала вехи желательных реформ².

Вскоре после приезда Черняева в Ташкент с его стороны начались гонения на многие из учреждений, основанных Кауфманом. Одной из первых жертв этих антикауфманских настроений Черняева и была Ташкентская публичная библиотека, на которую он, по его собственным словам, «немедленно обратил внимание»³.

В числе приехавших с вновь назначенным генерал-губернатором приближенных к нему лиц находился известный писатель Всеволод Владимирович Крестовский⁴, состоявший при Черняеве в должности чиновника особых поручений в чине подполковника. Ему-то Черняев и поручил обследовать публичную библиотеку, вероятно, как писателю и знатоку литературы и книг. Крестовский произвел порученную ему ревизию и дал библиотеке уничтожающую характеристику, которую он облек в форму рапорта. Последний был опубликован в № 49 Туркестанских ведомостей за 1882 год⁵ и представляет из себя любопытный документ из истории русской культуры мрачной эпохи восьмидесятых годов, поры реакционнейшего царствования Александра III. Значение этого позорного для В.В. Крестовского документа, несомненно, выходит за пределы только местных туркестанских интересов и бросает зловещую тень на всю фигуру талантливого, но ретроградного писателя.

Рапорт его подчеркивал в качестве основных недостатков библиотеки следующие три момента: «а) крайне слабое использование ее со стороны читателей – за десять лет существования библиотеки она имела всего лишь около 320 подписчиков,

* Продолжение. Начало в ВС № 3 (XXXIV), 2014.

бравших книги на дом (пункт 5); б) неправильное расходование отпускаемых казной на пополнение библиотеки сумм, идущих не на приобретение серьезной и полезной литературы, а «лишь на выписку различных газет и журналов, до юмористических листков включительно» (пункт 6); в) несерьезный, даже легкомысленный и «тенденциозный» характер, которым отличается использование книг со стороны читателей библиотеки. Этот пункт Крестовский аргументировал тем, что «наибольшим вниманием со стороны этих читателей пользуются романы: “Всадник без головы”, “Черная собака”, “Черная женщина”, Сказки Бокаччио (так! – ВС), произведения Велло, Ксавие де-Монтепена, Грегора Самарова и т.п.»⁶.

Главнейшее же зло он усмотрел в том, что «еще большая доля внимания подписчиков посвящается повременным изданиям, между коими первое, по количеству спроса, место занимает журнал “Дело”, затем “Отечественные записки”, “Вестник Европы” и проч. Из русских авторов наибольший спрос оказывается на сочинения Щедрина (Салтыкова), Добролюбова, Писарева, Некрасова и Михайлова (Шеллера)» (пункт 7).

В результате своего обследования писатель Крестовский пришел к поразительному выводу, что

хотя Ташкентская публичная библиотека и обладает довольно значительным выбором книг для чтения серьезного, в особенности по отделам азиатскому и туркестанскому, но большинство ее читателей сочинениями этого рода вовсе не интересуется, а то, что составляет предмет интереса этого большинства (судя по количеству и качеству спроса), к сожалению, низвело это прекрасное по своей мысли учреждение на степень обыкновенной публичной читальни, с довольно низменным и отчасти тенденциозным характером.

Таким образом, главный упрек библиотеке со стороны видного русского литератора, каким все же был В.В. Крестовский, заключается в том, что ее читатели требовали по преимуществу произведения самых передовых наших писателей и интересовались наиболее прогрессивными русскими журналами, а библиотека удовлетворяла этот спрос, тем самым выполняя свою прямую и священную обязанность быть сеятелем «разумного, доброго, вечного», как любили выражаться в старину. Чиновник особых поручений, отлично знающий, что ждет от него начальство, здесь явно взял в Крестовском верх над его писательским достоинством, и он решился подписать то, что подписал, запятнав себя навсегда как виновник большого культурного несчастья в жизни Туркестана. И никакие попытки замазать этот недостойный факт не смоят черного пятна с памяти автора «Петербуржских трущоб»⁷.

Основательную отповедь дал Крестовскому по существу всех его обвинений Н.В. Дмитровский⁸.

Рапорт Крестовского пришелся новому генерал-губернатору как нельзя более кстати в качестве материала для составления обвинительного акта против старых порядков, и Черняев не преминул его незамедлительно использовать. Предписание Крестовскому о производстве ревизии было дано Черняевым 30 ноября⁹, а 13 декабря, т.е. ровно через две недели, был подписан приказ за № 312¹⁰, в котором генерал-губернатор, на основании донесения своего чиновника особых поручений, находит, что направление Ташкентской публичной библиотеки «нимало не соответствует

серьезным и полезным целям, какие имелись в виду высшей администрацией Туркестанского края» при ее учреждении. А так как на ее «поддержание ежегодно расходуются казною довольно значительные средства», то Черняев

«признал за более полезное: 1) прекратить с 1-го января 1883 года дальнейшее существование Ташкентской публичной библиотеки как самостоятельного учреждения; 2) из книг по азиатским вопросам и из сочинений научного характера по всем отраслям знаний образовать книгохранилище при Ташкентском музее, коему и передать упомянутые издания; 3) средства, ассигнуемые на библиотеку, отнести на содержание музея и пополнение его литературой; 4) военные книги передать в библиотеку штаба туркестанского военного округа; 5) сочинения русских и иностранных классических авторов и издания общеучебного характера передать в учебные заведения; 6) все же остальные издания и книги смешанного и праздного характера... продать с публичного торга».

Приказ этот был воспринят жителями Ташкента как гром из ясного неба и вызвал не только чувство негодования и огорчения по поводу ликвидации единственной в городе библиотеки, заботливо подбиравшейся в течение почти 15 лет, но и попытку, правда, весьма скромную, протеста против этого «величайшего акта вандализма»¹¹. Это спровоцированное писателем Крестовским распоряжение Черняева не только лишало ташкентцев возможности удовлетворять свои умственные потребности, но и ставило в крайне затруднительное положение людей, занимавшихся в крае научными исследованиями¹². Ташкентцы, столь болезненно воспринявшие печальное известие об уничтожении библиотеки, в поисках возможности сохранить дорогое для них учреждение обратились к содействию Ташкентской городской думы. Последней была подана записка за подписью 12 гласных о том, что поскольку библиотека создавалась не только на казенные средства, но и путем пожертвований и вкладов отдельных лиц и ученых организаций, постольку она является в равной мере государственной и общественной собственностью. Ввиду этого не следует ли думе, обязанной оберегать не одни хозяйственные, но и умственные интересы своих сограждан, принять меры к сохранению столь необходимой для них единственной в городе библиотеки. Городовое положение предусматривает право городского общественного управления содержать собственные библиотеки. Этим правом могла бы воспользоваться Ташкентская городская дума, обратившись к генерал-губернатору с просьбой о передаче на ее попечение упраздняемой ташкентской публичной библиотеки, вместо того, чтобы закрыть ее, как дорого стоящую для казны.

Записка эта, прочитанная в думском заседании 22 декабря, т.е. через 9 дней после подписания Черняевым приказа № 312, была единогласно одобрена думой, и на том же заседании состоялись выборы депутации для возбуждения перед главным начальником края соответствующего ходатайства. Однако, осведомленный о намерениях думы и о предпринятых ею шагах, направленных по сути дела к отмене его варварского распоряжения, Черняев выразил думе свое полное неудовольствие, что и было доложено ей на заседании 19 января 1883 года. Тем все дело с думским протестом и кончилось¹³.

Заккрытие библиотеки состоялось, и с 1 января 1883 года она перестала существовать. Для разборки и распределения книг между учреждениями была назна-

чена специальная комиссия под председательством М.И. Бродовского¹⁴, в составе А.Н. Лагоды, В.Ф. Ошанина, В.В. Чуйко (библиотекаря публичной библиотеки), Е.Н. Николаева (владельца дома, где помещалась библиотека) и П.В. Коробчевского¹⁵. Комиссия проработала целых девять месяцев, так как ей пришлось рассортировать 13 040 томов, каковыми располагала библиотека на 1 января 1883 года. Все эти книги были распределены так: штабу туркестанского округа 2496 томов по военным вопросам, гимназиям – 846 томов русских и иностранных писателей-классиков и госпиталю – 514 томов беллетристического содержания. Все же остальные издания, т.е. книги научного содержания и имеющие отношение к Востоку, а также периодические издания – 9184 тома – были оставлены музею, запакованы в ящики и помещены в генерал-губернаторской канцелярии для хранения впредь до окончания ремонта здания, предназначенного для музея и его книгохранилища¹⁶. В архиве библиотеки сохранился до наших дней объемистый рукописный каталог принадлежавших ей в 1882 году книг и журналов, на котором имеются пометки, сделанные комиссией и указывающие, куда должна поступить та или иная книга. Из этих пометок видно, напр[имер], что книги, переданные в госпиталь, первоначально имелось в виду продать.

Дело в том, что намеченная приказом № 312 «продажа с публичного торга» библиотечных книг была Черняевым словесно отменена по ходатайству сырдарьинского областного врача Э.О. Околова¹⁷, который просил отдать подлежащие продаже издания в Ташкентский военный госпиталь для чтения больных¹⁸. Несмотря на длительный срок своей работы, Комиссия, как видно из упомянутого каталога, подчас решалась на продажу таких книг, которые вряд ли можно было отнести к числу изданий «праздного характера», потребных лишь для «любителей легкого чтения». Таковы, напр[имер], «Записки» Бенвенуто Челлини, направленные в госпиталь вместе с Поль-де-Коком, Берлинскими и Парижскими тайнами, «Наследницей миллионера» и т.п. В таком же положении оказался и ряд видных русских поэтов и писателей, вроде Измайлова, Марлинского, Тютчева, Помяловского, Решетникова, Левитова, Квитки-Основьяненко, Глеба Успенского и «Ста русских литераторов» изд[ания] Смирдина. Вместе с тем тот же каталог показывает, что Комиссия весьма заботливо отнеслась к сохранению почти всех периодических изданий за музеем, будущее книгохранилище при котором она справедливо рассматривала как преемника упраздняемой и как основу будущей Ташкентской публичной библиотеки, в возрождение которой Комиссия, по-видимому, твердо верила. Это было сделано под тем предлогом, что в журналах, наряду со статьями «смешанного характера», заключается много материалов научного содержания или относящихся к Средней Азии и Востоку¹⁹. Изъяты были только 6 военных журналов: Военный, Оружейный и Морской сборники, Инженерный и Артиллерийский журналы и Морской вестник, переданные в штаб; Педагогический сборник, уступленный гимназии, и «Магазин иностранной литературы»²⁰ (уголовные романы и приключения), отданный в госпиталь. Таким образом, в «Книгохранилище при Ташкентском музее» остались не только имевшиеся в публичной библиотеке комплекты иллюстрированных журналов безусловно «смешанного содержания», как, напр[имер], «Всемирная иллюстрация», «Пчела», «Нива» и пр., но даже и такие «тенденциозные» органы, как «Дело», «Современник», «Отечественные

записки», «Вестник Европы», о внимании к которым со стороны читателей библиотеки писатель Крестовский доносил в своем рапорте (или, вернее, рапортовал в своем доносе) Черняеву. Любопытно также решение Комиссии о напечатанных в Берлине «Демоне», «Стихотворениях» Лермонтова и «Горе от ума», по-видимому, подлежащих передаче в гимназию: «В Музей как заграничное издание»²¹. Все это говорит о том, что Комиссия старалась забронировать как можно больше книг за музеем. В этом заслуга и председателя ее М.И. Бродовского, и ее члена В.Ф. Ошанина, который особенно настаивал на сохранении журнальных комплектов²².

Широкой общественности факт разрушения Ташкентской публичной библиотеки и сопровождавшие его моменты стали известны позже. Лишь в 1885 году появились цитированные выше данные Д.Л. Иванова и Н.Н. Каразина*, а в конце года о закрытии библиотеки Черняевым написала и газета «Новости», из которой сведения об этом заимствовала французская газета «Журналь де Сан-Петербург». Не обративший внимания на свидетельства таких видных лиц, какими были геолог Иванов и художник (и писатель) Каразин, Черняев почему-то счел необходимым реагировать на заметки названных газет и опубликовал в «Новом времени» Письмо в редакцию от 11 ноября 1885 года²³, в котором категорически опровергает «навязанную ему роль халифа Омара». Оправдание это построено довольно неуклюже и не лишено противоречий. Оно немедленно вызвало возражения «Новостей», «Света», «Русского курьера» и «Восточного обозрения», показавшие, что тогдашнее общественное мнение не простило бравому генералу совершенного им акта вандализма. Самое же серьезное и наиболее обстоятельное обвинение Черняева было напечатано за подписью Максимовича в № 10 «Новостей» за 1886 год²⁴ и принадлежит перу ташкентского инженера Е.П. Дубровина²⁵. В нем с уничтожающей убедительностью отменяются все поползновения М.Г. Черняева обелить себя и представить свою деятельность в Туркестане как «расчищение нивы от сорных трав»²⁶. Все эти попытки совершенно неосновательны, и Черняев, вместе со своим подручным, писателем Крестовским, навсегда войдут в историю культурной жизни Туркестана с лаврами Герострата²⁷.

Катастрофа, произошедшая с библиотекой, однако, не уничтожила ее, а лишь прервала ее деятельность на довольно продолжительный срок. По приказу Черняева от 4 декабря 1883 г. за № 243²⁸, вместо нее было открыто 27 декабря того же года²⁹ «Книгохранилище при Ташкентском музее», под каковым названием и возобновила свою работу по существу прежняя публичная библиотека, так как, несмотря на все происшедшие с ней перипетии, в новом книгохранилище осталось 70 процентов ее прежнего книжного состава. Книги, предназначенные музею, в декабре 1883 года были перенесены из канцелярии генерал-губернатора в здание упраздненной Черняевым ташкентской химической лаборатории³⁰, которое находилось на месте, занимаемом Гос[ударственной] Публичной Библиотекой в настоящее время³¹. Здание это было в 1883 году значительно меньше, и в нем-то разместился музей и его книгохранилище. С тех пор библиотека никуда более не переходила, и таким образом, с 27 декабря 1883 года она непрерывно ведет свою работу на одном месте уже 62-й год.

Одновременно с приказом № 243 были обнародованы «Правила для пользования

* О жизни и творчестве Н. Каразина – см.: Шафранская Э. Николай Каразин: известный, забытый, возвращенный // ВС, 2013, № 2 (XXX). (Прим. ВС).

книгами из имеющегося при музее книгохранилища». Пункт 10 этих правил предусматривает «особый комитет», которому принадлежит общее наблюдение за книгохранилищем и музеем. В том же приказе упомянуто, что оба эти учреждения находятся в ведении хозяйственно-статистического отделения генерал-губернаторской канцелярии и что в состав «особого комитета» назначены: главный инспектор училищ А.И. Забелин, старший чиновник особых поручений М.И. Бродовский, директор мужской гимназии Н.П. Остроумов и делопроизводитель канцелярии С.А. Иванов.

На первом же заседании этого комитета, состоявшемся 6 января 1884 г., было постановлено расширить состав «Наблюдательного комитета» (как он стал именоваться с этого времени) и пополнить его новыми членами, «которые бы своими научными и практическими сведениями или вообще своим знакомством с местной природой и населением могли принести пользу делу». Были намечены кандидатуры, между прочим, В.Ф. Ошанина, С.М. Граменицкого – впоследствии крупного деятеля народного просвещения в Туркестане (умер в 1919 г.), и А.Н. Вышнегорского – знатока местных наречий³². Лица эти были утверждены Черняевым и присутствовали уже на следующем заседании Наблюдательного комитета 6 февраля³³. В число членов комитета вошел и В.В. Крестовский³⁴, но за отъездом (вместе с покинувшим навсегда Туркестан Черняевым) он участия в работах комитета не принимал и дальнейшего вредного влияния на библиотечные дела оказывать уже не мог.

В опубликованных протоколах наблюдательного комитета, между прочим, констатируется беспорядочное размещение книг в книгохранилище и наличие огромного числа не систематизированных еще сочинений – явный результат только что пережитых библиотекой печальных событий.

Весьма характерно, что во всех перечисленных документах официального порядка, в том числе и в правилах (кроме протоколов Наблюдательного комитета), идет речь не о музее и книгохранилище при нем, а наоборот, сначала о книгохранилище, а затем уже о музее. Даже бывший заведующий упраздненной Публичной библиотекой В.В. Чуйко, переведенный в музей, именуется «библиотекарем книгохранилища (он же смотритель музея)». Все это довольно ясно показывает, что не только члены комитета, составлявшие правила, но и сам Черняев, утверждавший их и подписавший приказ от 4 декабря, воспринимали дело так, что главную роль в этом двойном учреждении играет библиотека, а музей является лишь придатком к ней.

Это ненормальное положение не могло продолжаться долго. Виновник разгрома библиотеки – Черняев уже 21 февраля 1884 года был отчислен от должности и уступил свой пост ген[ерал]-ад[ъютанту] Н.О. Розенбаху³⁵. Последний прибыл в Ташкент 2 июня и ровно через два месяца – 2 августа 1884 г. состоялось его распоряжение о полном восстановлении Ташкентской публичной библиотеки³⁶. Все книги, розданные в конце 1882 года по различным учреждениям, были ей возвращены, и культурная сокровищница Туркестана возродилась к новой жизни. С этого времени она была соединена с музеем, и совместное существование этих двух учреждений продолжалось до самой революции. Наблюдательный комитет был несколько расширен: в его состав были введены, между прочим, Н.А. Маев, редактор Туркестанских ведомостей и известный путешественник по Средней Азии, знакомый нам Н.В. Дмитриевский и натуралист А.И. Вилькинс. В ноябре того же года в число его членов был

включен также Ю.Ф. Крачковский, впоследствии попечитель Виленского учебного округа³⁷. Общее число членов комитета было доведено до 14. Одновременно были изданы новые правила «Ташкентской публичной библиотеки и находящегося при ней музея», составленные из 19 пунктов³⁸. Тогда же Розенбах утвердил Инструкцию библиотекарю и Наблюдательному комитету, которая точно очерчивала круг обязанностей библиотекаря, характер его взаимоотношений с комитетом и роль этого последнего. В этой инструкции есть любопытные параграфы, свидетельствующие о признании невозможности для библиотекаря одними своими силами успешно вести библиотечную работу. Таков, напр[имер], § 5, в котором комитету предлагается помогать библиотекарю в распределении и печатании каталогов. § 6 еще более категоричен и требует от каждого члена комитета заведования известным отделом библиотеки (или музея) и заботы о его благоустройстве и пополнении. Из § 10 видно, что библиотекарь (он же хранитель музея) является лицом, подчиненным Наблюдательному комитету, так как присутствует на его заседаниях лишь по специальному приглашению³⁹.

После ухода в январе 1884 года В.В. Чуйко с должности библиотекаря на его место был назначен П.Н. Малевинский⁴⁰, которого с весьма отрицательной стороны характеризует ташкентский бытописатель Добросмыслов⁴¹ и который совершенно не был склонен подчиняться Наблюдательному комитету. По словам того же автора, положение библиотеки в эти годы было не блестяще, и деятельность Малевинского, который имел высоких покровителей и чувствовал себя полным хозяином и библиотеки, и музея, тормозила все благие начинания комитета.

Между тем обычная работа библиотеки шла своим чередом. Комплектование ее производилось довольно усиленными темпами, так как с 9184 томов в момент ее превращения в книгохранилище при ташкентском музее, ее фонд к 1 января 1887 г. возрос до 15 740 томов, считая в том числе и книги, возвращенные ей при восстановлении, т.е. за 3 года она обогатилась на 2700 томов. Одновременно библиотека начала приобретать и восточные рукописи, потому что к 1889 году в ней уже оказалось 87 манускриптов⁴². Какое количество из них поступило в описываемый период, к сожалению, мне неизвестно. Бюджет ее в 1886 г. составлял 3330 руб.⁴³.

Что касается до Наблюдательного комитета, то он просуществовал, безрезультатно воюя с П.Н. Малевинским, лишь около 2½ лет, до 1 января 1887 года. С этого момента вошло в силу новое Положение об управлении Туркестанским краем, в котором комитет не был предусмотрен. Приказом № 162 от 31 декабря 1886 года он был распущен⁴⁴. Коллегиальное управление таким сложным учреждением, как библиотека, было заменено единоличным, так как библиотека и музей поступали в ведение управляющего канцелярией генерал-губернатора. Научное руководство, плохо ли, хорошо, но осуществлявшееся знающими специалистами, в числе коих, как мы видели, были очень авторитетные лица, превратилось в бюрократическую опеку со стороны важнейшего в Ташкенте чиновника. Это, конечно, не могло содействовать благоприятному ходу дел ни в библиотеке, ни в соединенном с нею музее. Если прибавить к этому, что сами заведующие далеко не всегда соответствовали своему назначению (как в случае с Малевинским), то станет ясно, что упомянутое новое положение об управлении краем для библиотеки оказалось не очень благоприятным.

Но зато, согласно ему, библиотека из Ташкентской была переименована в Туркестанскую, чем подчеркнута была ее роль как книгохранилища, переросшего свой городской масштаб и приобретшего краевое значение. В истории библиотеки началась новая пора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср[а]в[ни]: Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Истор[ический] вестн[ик], 1913, ноябрь. С. 438; Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташк[ент], 1912. С. 256.

² Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. Б[ез] о[значенного] м[еста] и г[ода]. Секретно. На правах рукописи. (Издано в 25 экземплярах).

³ Черняев М. Письмо в редакцию // Новое время, 1885 г., № 3490. (Турк[естанский] сборн[ик], Т. 389).

⁴ Всеволод Крестовский (1840–1895) – поэт и прозаик, литературный критик; наиболее значительным его произведением считается роман «Петербургские трущобы» (1864–1866). В ВС печатался его путевой дневник «В гостях у эмира Бухарского» (XVIII–XXII). (Прим. ВС).

⁵ Перепечатан в 1 томе «Трудов Государственной Публичной Библиотеки УзССР». Ташк., 1935. С. 13–14.

⁶ «Черная собака» – роман Густава Эмара о партизанской войне с Пруссией в Эльзасе (1870–1871 годы); «Черная женщина» – любовный роман Николая Греча; «Сказки Бокаччио» – вероятно, имеется в виду «Декамерон»; Ксавье де-Монтпен (1823–1902) – автор авантюрно-исторических романов; Грегор Самаров – псевдоним немецкого писателя Иоганна Мединга (1829–1903), написавшего серию романов, имевших большой успех в Германии в 1870-х годах. Некоторые из них были посвящены русской истории («Императрица Елизавета», 1881; «Петр Третий», 1883, и др.). (Прим. ВС)

⁷ Ср[а]в[ни], напр., изображение этого факта, как достойного похвалы «преобразования» Ташкентской библиотеки, в биографии Крестовского Ю. Ельца. (Собрание сочинений В.В. Крестовского, изд. «Общественная польза», т. 1. СПб., 1898. С. XVIII).

⁸ Дмитровский Н.В. Эпизод из жизни Туркестанской публичной библиотеки, основанной К.П. Кауфманом // Кауфманский сборник. М., 1910. С. 128–137.

⁹ См.: Рапорт Крестовского. Турк[естанские] вед[омости], 1882, № 49.

¹⁰ Турк[естанские] вед[омости], 1882, № 50.

¹¹ Так квалифицирует этот приказ один из современников – Г.П. Федоров (цит. соч., С. 440). Выражает сожаление по этому поводу и художник Н.Н. Каразин, называя библиотеку «прекрасным учреждением, в котором ощущалась такая огромная потребность для края». (Живописная Россия, т. X. СПб. – М., 1885. С. 173). «Едва не уничтоженными» Черняевым считает библиотеку и музей П.П. Семенов, вице-председатель Русского географического общества. (Туркестан и За-

каспийский край в 1888 году // Изв[естия] Русск[ого] геогр[афического] о[бщест]ва, т. XXIV, 1888. С. 316).

¹² Напр., Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Изв[естия] Русск[ого] геогр[афического] о[бщест]ва, т. XX, 1884. С. 211.

¹³ См.: Максимович. Ташкент. (Корреспонденция) // Газета «Новости», 1886, № 10 (Турк[естанский] сборн[ик], Т. 389).

¹⁴ Михаил Иванович Бродовский (1838 – ?) – агроном, статский советник; с августа 1867 года находился по делам службы в Туркестане, принимал участие в военных походах. Служил делопроизводителем генерал-губернаторской канцелярии, старшим чиновником особых поручений по учебной части. 12 декабря 1874 года был командирован в Америку для изучения хлопководства на год. В 1878 году был председателем комиссии по изучению обычного права киргиз. 2 мая 1899 года был назначен управляющим канцелярией генерал-губернатора и состоял в этой должности до 14 октября 1901 года, когда вышел в отставку. (Прим. ВС).

¹⁵ Приказ № 313 от 13 декабря 1882 г. // Турк[естанские] вед[омости], 1882, № 20.

¹⁶ См.: Дмитровский Н.В. [Указ. соч.] С. 137–138.

¹⁷ Доктор медицины Э.О. Околов был хорошо известен в Ташкенте в 80-х и 90-х годах. В бытность главным врачом Ташкентского военного госпиталя он открыл курортные свойства Чимганской долины и основал в ней первую военно-санитарную станцию в 1880 году.

¹⁸ См.: Дмитровский Н.В. [Указ. соч.] С. 136. Таким образом, Э.О. Околов своим ходатайством оказал несомненную услугу библиотеке, так как из госпиталя почти все переданные туда книги были возвращены.

¹⁹ Там же, с. 138.

²⁰ «Магазин иностранной литературы» – ежемесячный журнал, издававшийся под редакцией А. Афанасьева-Чужбинского в Петербурге в 1873–1874 годах. (Прим. ВС).

²¹ Рукописный каталог 1882 г. С. 328.

²² Об этом мне рассказывал со слов покойного В[асилия] Ф[едоровича] его сын, проф. Л.В. Ошанин.

²³ 1885 г. № 3490 (Турк[естанский] сборн[ик], Т. 389).

²⁴ Ташкент. (Корреспонденция). (Турк[естанский] сборн[ик], Т. 389).

²⁵ Ср[а]в[ни] мой «Отчет Туркестанской Государственной Библиотеки за 1923 год». С. 24, прим. 1.

²⁶ Отзвуки этой полемики мы находим еще через 6 лет после эпизода с библиотекой в цитированной уже статье Иванова «Одна из наших окраин» (Русск[ий]

вестн[ик], 1889, кн. XI. С. 191-192). Упрекая П.П. Семёнова в несправедливых нападках на Черняева, автор старается оправдать последнего, извращая при этом фактическую сторону дела.

²⁷ Ср[а]в[ни:] *Плятт Ив.* Из прошлого Туркестанской публичной библиотеки // Газ. «Русский Туркестан», 1902, № 142.

²⁸ Турк[естанские] вед[омости], 1883, № 49.

²⁹ Ср[а]в[ни:] «Объявление от Ташкентского музея» // Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 5.

³⁰ Приказ об упразднении химической лаборатории (№ 328 от 20 декабря 1882 г.) опубликован в том же 50-м № Турк[естанских] вед[омостей] за 1882 год, что и приказ о ликвидации библиотеки. Там же напечатаны приказы об упразднении горного комитета (№ 316 от 15 декабря), школы шелководства (№ 327 от 19 декабря), организационных учреждений Сырдарьинской области (№ 329 от 20 декабря) и ирригационных управлений в Кураминском уезде и Ферганской области (№ 330 от того же числа). Уничтожение всех этих основанных Кауфманом учреждений, как показывают эти приказы, происходило целыми пачками и, конечно, не может быть объяснено только одним желанием «расчищать ниву».

³¹ Следом пребывания лаборатории в библиотечном здании является наличие специальной вытяжной печи в нынешней комнате-складе рядом с т[ак] н[азываемым] «Красным уголком».

³² См.: Журнал Наблюдательного за музеем и книгохранилищем комитета // Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 4.

³³ Протокол заседания Наблюдательного за музеем и книгохранилищем комитета 6 февраля (ошибочно января) 1884 г. // Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 7.

³⁴ Губительная роль его в деле уничтожения публичной библиотеки была забыта, и он был избран как «известный наш писатель».

³⁵ См.: Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 2. Официальный отдел.

³⁶ Приказ № 197 // Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 31.

³⁷ Отец нашего крупного ученого акад. И.Ю. Крачковского (Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 46, приказ № 242 от 8 ноября).

³⁸ Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 31. В эти правила было внесено изменение в сторону понижения платы за пользование книгами и в отношении порядка хранения залоговых денег приказом № 243 от 8 ноября того же года. (Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 46).

³⁹ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. С. 265 и сл.

⁴⁰ Приказ от 12 января 1884 г. № 17 // Турк[естанские] вед[омости], 1884, № 4.

⁴¹ См.: *Добросмыслов А.И.* Цит. соч. С. 218.

⁴² *Каль Е.Ф.* Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Ташк., 1889.

⁴³ Проект Положения об управлении Туркестанского края, составленный в 1902–3 гг. Комиссией под председательством Тайного Советника Несторовского. Б[ез] о[значенного] м[еста] и г[ода]. С. 440.

⁴⁴ Турк[естанские] вед[омости], 1887, № 1.

Сергей АБАШИН

Сельская больница глазами ЭТНОЛОГА

От редакции. В московском издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга известного российского этнолога, постоянного автора ВС Сергея Абашина «Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией»*. Книга посвящена истории Средней Азии с конца XIX века и до распада Советского Союза. Вся эта история дана через описание селения Ошоба в Ферганской долине (Таджикистан). В книге приведено множество документов и устных историй, рассказывающих о завоевании региона, становлении колониального и советского управления, медицине, жизни махалли и т.д. С любезного разрешения автора мы публикуем, в сокращенном варианте, один из очерков книги. В одном из ближайших номеров журнала также планируется организовать обсуждение этой книги.

Учреждение

Больница – не просто место, где ставят диагноз, лечат или выдают справки. Больница – это социальный институт, возникший в определенного типа обществе, которое можно назвать капиталистическим, индустриально-городским, рациональным, современным, европейским или космополитическим. Иначе говоря, больница появилась когда-то и где-то не сама по себе, а как часть целого комплекса других социальных институтов, представлений и практик, с ней тесно связанных.

Сказанное означает, что роль больницы в Ошобе нельзя рассматривать изолированно от всех тех изменений, которые произошли в советское время. Это были взаимосвязанные процессы, дававшие кумулятивный эффект. Государство заново формировало социальное пространство – инициировало строительство каналов и дорог, орошение новых земель, обустройство новых поселений, проведение электричества, телефонных линий и так далее. Государство же заботилось об обеспечении всех необходимых производственных процессов рабочей силой, которая должна

---

* Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 720 с.: илл. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

была иметь определенный уровень образования, профессиональных навыков, а также быть здоровой, то есть обладать физической способностью к воспроизводству¹. Больница одновременно была и необходимым условием для трансформации общества, и результатом этой трансформации, поскольку функционировала как институт на определенной технологической/инфраструктурной базе.

Первые медицинские учреждения – назову их «европейского типа» – появились в Ферганской долине еще в конце XIX века, но были немногочисленны, малодоступны из-за языковых и религиозных барьеров и плохо оснащены. У меня нет свидетельств того, что жители Ошобы обращались туда за помощью, хотя не могу исключить, что единичные случаи такого рода имели место – и тогда заболевшим приходилось ехать в Чуст, Наманган, Коканд или Ходжент, где такие учреждения существовали.

Планомерная и массированная интервенция европейских медицинских институтов и средств лечения началась только в советское время.

Где-то в 1928-1929 годах в Ошобе побывало несколько «русских» (точную национальность мы, конечно, не знаем) врачей, которые сделали всем местным жителям прививки от оспы. Будущий учитель Т.К., который жил до этого в Ташкенте, одно время помогал им как переводчик². В 1935–1944 годах в Ошобе жила «русская» женщина по фамилии Марченко, она была медсестрой (или врачом?) и работала в ошобинском медпункте³. После войны в кишлак приехала еще одна «русская» женщина, по имени Нюся (фамилию я узнать не смог), которая на фронте вышла замуж за ошобинца Эгамберды Ходжамбердыева, первого в кишлаке кавалера множества правительственных наград. На войне она была санитаркой, умела делать повязки, уколы, поэтому работала в ошобинском ФАПе (фельдшерско-акушерском пункте) – единственном медицинском учреждении кишлака и сельсовета.

С середины 1950-х годов в ошобинском ФАПе работал местный житель Р., зарплату он получал через сельсовет, и вести дела ему помогал охранник сельсовета. В ФАП поступали лекарства, и в случае каких-либо эпидемий Р. назначал их. В его обязанности входило, как он признавался, не столько лечить, сколько выписывать справки о болезни, на основании которых человека можно было освободить от работы (например, беременную женщину, рассказывал он мне, освобождали на один месяц до и на один – после родов), – тогда, правда, он не выдавал бумажки, а просто говорил бригадиру или председателю колхоза, кто болен. Часто, не скрывал Р. в разговоре со мной в 1995 году, его просили дать освобождение от работы люди, которые ничем не болели, но имели какое-то срочное личное дело, – такие разрешения ошобинцам он иногда давал и по просьбе райса.

Масштабное расширение медицинской сети началось с переходом местной экономики на хлопок и вообще увеличением численности жителей Ошобы. В конце 1950-х годов отдельные ФАПы появились в Оппоне, Шеваре и Гудасе. В 1964 году в Ошобе построили больницу, в которой было сначала 15, а потом 25 коек, включая 13 в терапевтическом отделении, 10 – в детском, две – в родильном. Всего в больнице было 24,5 ставки, из них 3 ставки врачей (два общих врача и один зубной), 11 – среднего медицинского персонала (медсестры, патронажные сестры, акушеры, фельдшеры), 5 – младшего медицинского персонала и 5,5 ставки – остальные⁴. В 1975 году число ставок увеличилось до 30,75, включая 3,5 ставки для врачей, но они были заняты не

полностью⁵. В каждом ФАПе было еще по 3 ставки – фельдшер, акушер и младший медицинский персонал, позже открыли четвертый ФАП в Олме, а количество ставок во всех ФАПах уменьшили до двух (одна ставка фельдшера и по 0,5 на акушера и младший персонал)⁶. Главврачом стал Хамид Хамраев (родом из Исфары), он был единственным врачом в Ошобе и работал всего около полугода; потом какое-то время главврачом был Нишонбай Усманов (родом из Пангаза), а после, один за другим, – два выходца из Кырк-кудука. Как говорилось в отчете за 1965 год, не все врачи «соглашаются на работу в этих горных сельских больницах»⁷.

С 1979 по 1985 годы главврачом в Ошобе был Курбонбай Икрамов, родом из Ашта (он жил в Аште и каждый день приезжал на работу в Ошобу). После Икрамова главврачом впервые стал ошобинец – Ашурали Дехканов, который после армии учился в медицинском институте в Душанбе, а в 1982 году приехал в Ошобу и через несколько лет был назначен на эту должность. В начале 1990-х годов в кишлаке началось возведение более просторного здания для больницы – в 1995 году одно крыло уже было построено и функционировало, но другое еще строилось, и средства на его завершение найти было трудно. Как признавался мне главврач, «я опоздал, раньше – кто первый проявлял инициативу, тот получал деньги на развитие, а я пришел поздно». В Мархамате также было начато строительство нового здания больницы, но и оно в начале 1990-х годов было приостановлено⁸.

Локальная система здравоохранения в начале 1990-х годов была устроена таким образом: ошобинская больница подчинялась Центральной районной больнице в Шайдане, куда в случае необходимости отправляли наиболее тяжелых больных (и где, кстати, главврачом тогда тоже был ошобинец). Районная больница подчинялась областному отделу здравоохранения – там утверждали на должность и увольняли врачей, назначали главврача, принимали отчеты и давали методические указания, но сами начальники из области редко бывали в Ошобе и не вмешивались во внутреннюю жизнь местной больницы. Районный же главврач был в курсе всей текущей работы. Деньги для больницы, в том числе на питание больных и на лекарства, распределял финансовый отдел райисполкома, минуя районную больницу (сами лекарства и продукты в 1995 году приходилось самостоятельно доставать в райпо, где в тот момент тоже работал ошобинец, и в районной аптеке). Средствами помогал в случае необходимости глава района. Далее деньги проходили через бухгалтерию сельсовета.

Ошобинская больница имела права участковой больницы в сельсовете Ошоба, у нее было шесть филиалов (ФАПов) в Шеваре, Олме, Мархамате, Гудасе, Нижнем Оппоне и Етти-тепа. До 1993 года ФАП был и в Верхнем Оппоне, но потом здесь образовалась СеВА (сельская врачебная амбулатория), которая формально подчинялась главврачу ошобинской больницы (он получал отчеты, принимал и увольнял работников), но финансировалась отдельной строкой через райфинотдел. СеВА, в отличие от ФАПов, самостоятельно выдавала справки и больничные листы, минуя ошобинскую больницу. ФАПы в Нижнем Оппоне, Гудасе и Етти-тепа, хотя и финансировались через больницу в Ошобе, справки и больничные листы выдавали через оппонскую СеВА.

Вся система здравоохранения в сельском совете/джамоате (включая ФАПы и

СеВА) имела 106,5 штатной единицы (в том числе 13,25 единицы для врачей), реально же числилось 103 человека (в том числе 10 врачей), но работало еще меньше, так как многие женщины из числа младшего персонала находились в отпуске по уходу за новорожденными детьми. В СеВА было 12,5 штатной единицы, работало восемь человек; в Ошобе – 86 штатных единиц; в Шеваре и Олме – 2,5 единицы, работало же два человека; в Мархамате – 7 единиц; в Гудасе – 3,5 единицы, работало три человека; в Етти-тепа – 1,5 единицы, работал один человек; в Нижнем Оппоне – 3,5 единицы, работало три человека. Врачами в основном были мужчины, женщины работали медсестрами и в качестве обслуживающего персонала.

В 1986 году в ошобинской больнице были образованы три отделения: детское (один пост – 20 коек), терапевтическое (один пост – 25 коек) и родильное (один пост – 10 коек). Ашурали Дехканов закупил хирургическое оборудование и хотел вызвать одного ошобинца, который работал тогда хирургом в Душанбе, для организации хирургического отделения. Кроме стационарных имелись участковые работники, за каждым из них была закреплена определенная часть населения, которую они обходили не реже одного раза в месяц. Участковому врачу начислялась дополнительная надбавка за выслугу лет, а кроме того, каждый врач получал надбавку за ночное дежурство (все врачи и шоферы по очереди дежурили в больнице, чтобы выезжать к больным по срочному вызову) – тарифы оплаты определялись сверху.

Социальная сеть

Больницу невозможно рассматривать только как институт, привнесенный в Ошобу извне и выполняющий роль внешнего регулятора локальной жизни. Как и другие институты, больница изначально была включена в местные социальные сети, местную политику и местные отношения власти⁹.

Этот факт становится очевидным, если мы присмотримся к родственным связям главного врача больницы – Ашурали Дехканова. О его предках мне известно немного; вместе с отцом, Мирхолдором, который уехал из Ошобы, он довольно долго, около десяти лет, жил в Пангазе. Один из братьев Дехканова был заведующим молочной фермой в колхозе «Калинин», другой родственник по отцовской линии – бригадиром. Сестра вышла замуж за Ахмаджана Султанова, который раньше работал главным агрономом в «Калинине», а в 1995 году был председателем сельского совета/джамоата.

Самое же примечательное то, что жена Ашурали Дехканова – дочь Имамназара Ходжаназарова.

Ненадолго вернемся к председателю колхоза и его карьере.

В 1970-е годы конфигурация разных отношений и коалиций внутри Ошобы уже не имела принципиального значения, поскольку изменились многие исходные структурные и институциональные условия власти. Учителя как носители особого знания быстро теряли свое значение и статус – теперь образование, партийность и русский язык стали доступными и для других жителей кишлака. Председатель сель-

совета после создания в Ошобе единого большого колхоза окончательно утратил свой общественный вес и стал фигурой второстепенной. Должность раиса, в руках которого сосредоточивались огромные материальные ресурсы и которому, по сути, подчинялись все остальные местные начальники, стала намного более весомой – теперь он сам мог снимать и назначать своих подчиненных и ему не нужно было, как Умурзакову, поддерживать баланс между разными местными акторами. Хлопковая монополия усилила связи раиса с районным и областным руководством, а это означало, что судьба председателя колхоза отныне зависела от соотношения сил не внутри ошобинского сообщества, а за его пределами.

Изменение структурных условий изменило и значение родственных связей. В частности, в местной политике стала возрастать роль такого фактора, как дети. Это объясняется тем, что руководитель теперь находился у власти на протяжении нескольких десятков лет, и повзрослевшие дети становились для него и объектом особой заботы, и дополнительным ресурсом для политики влияния. Это хорошо видно на примере Ходжаназарова, который очень внимательно отнесся к устройству своих детей на работу и подбору их брачных партнеров.

У Ходжаназарова было трое сыновей и пять дочерей. Старший сын, работавший мастером на строительном комбинате, трагически погиб. Средний сын – Охун – тоже работал мастером на строительном комбинате, затем служил в КГБ и милиции; его жена – дочь А. Исмадиерова, известного в Ошобе человека, многолетнего председателя районо и потомка Исамата, к роду которого принадлежали Одинамат-аксакал и Мирхолдор-аксакал. Младший сын Ходжаназарова – Расул – работал в райпо, а в 1995 году занялся бизнесом. Старшая дочь в 1995 году работала заместителем председателя сельсовета и числилась парторгом сельсовета; ее муж, Файзулла Абдуллаев, сделал хорошую карьеру – на строительном комбинате, начав с должности мастера, дослужился до поста директора, а в конце 1994 года был назначен главой Аштского района (один из его братьев был замначальника районной санэпидемстанции, другой – руководителем районной ГАИ). Вторая дочь раиса вышла замуж за Ашурали Дехканова. Мужем третьей дочери стал не ошобинец: его отец был родом из Камышкуртана и работал заместителем начальника районного отделения милиции, а потом перешел на должность начальника одного из управлений внутренних дел в Душанбе. Четвертая дочь Ходжаназарова вышла замуж за близкого родственника Абдумалика Холдорова – того, который работал в Адрасмане и в 1966 году первым из ошобинцев получил звание Героя Социалистического Труда. Пятая дочь, уже после моего отъезда из Ошобы в 1995 году, вышла за сына бригадира Нишонбая Эргашева, влиятельного в кишлаке человека.

Что обращает на себя внимание в выборе Ходжаназаровым брачных партнеров для своих детей? Во-первых, существенная роль родственного фактора – одна невестка (Исмадиерова) и один зять (Холдорев) уже были в довольно близком родстве с семьей раиса. Предпочтительное заключение брака с родственником – это устойчивая практика, которая имеет множество оснований, не обязательно одинаковых в каждом конкретном случае. Для одних семей это способ снизить расходы на свадебные ритуалы, для других – возможность сохранить землю и дом в рамках круга «своих», для третьих – вариант более комфортного общения с родственниками невестки

(куда) и более надежный способ уберечь молодую семью от конфликтов, для четвертых – своеобразное обязательство близких родственников друг перед другом, своего рода подтверждение взаимной лояльности, близости, что, конечно, имеет значение и для союза этих родственников в местной общинной политике.

Во-вторых, некоторые из зятьев хотя и были ошобинцами – в этом Ходжаназаров придерживался (за одним исключением) правил локальной эндогамии, – но происходили из семей, которые подолгу жили за пределами Ошобы: семья Абдуллаева – в Оби-Аште, Дехканова – в Пангазе. Можно предположить, что Ходжаназаров на каком-то этапе своей жизни стремился дистанцироваться от внутренней, повседневной жизни ошобинского сообщества, от местных конфликтов и союзов и поэтому предпочитал расширять свои контакты за пределами кишлака, действуя тем не менее в логике установившихся неформальных правил.

В-третьих, ни сыновья Ходжаназарова, ни большинство его зятьев никак напрямую с колхозом «Калинин» связаны не были. Ходжаназаров с помощью родственных связей скреплял отношения колхоза, которым руководил, с другими социальными институтами, где мог – устанавливал через родство контроль над ними, добавляя к официальным инструментам воздействия неформальные альянсы и интересы.

Я описал только те отношения, которые связывали главврача ошобинской больницы и председателя колхоза. Однако это была не единственная, хотя, может быть, самая важная сеть отношений. Все, кто работал в больнице, и особенно врачи, так или иначе пользовались возможностями своего положения и предоставляли их в распоряжение своих родственников и знакомых. Поэтому во многих влиятельных ошобинских семьях имелся кто-нибудь, кто работал в медицинской сфере (например, один из сыновей Юсуп-раиса Юлдашева – врач в Мархамате, тогда как другой сын был заведующим фермой в колхозе). В любой момент каждая из такого рода побочных сетей, занимающая подчиненное положение, могла волею судьбы или в результате определенной борьбы превратиться в основную и стать источником еще больших выгод для ее участников¹⁰.

Итак, больница как набор зданий, оборудования, разного рода архивов с данными на всех жителей Ошобы была одной из частей разветвленной локальной сети властных связей, куда входили руководители района, председатель и другое колхозное начальство, председатель сельсовета и его заместитель, представители других социальных институтов, обладающих ресурсами и влиянием. Больница, которая ввела новые практики и классификации в ошобинское общество и являлась инструментом государственного контроля, была, уже в качестве властного ресурса, присвоенна местными локальными группами и использовалась ими для укрепления своего влияния и власти.

Хозяйство

Несмотря на то, что теоретически обязанности институтов здравоохранения заключались в оказании разного рода медицинских услуг и осуществлении медицинского (и вообще социального) контроля над местным населением, в действи-

тельности их функции выходили далеко за рамки сугубо лечебной деятельности. Местная больница несла бремя дополнительных обязанностей, которые были связаны с задачами колхозной экономики.

Больница имела свой особый бюджет, в который помимо оплаты труда врачей и других работников входили финансы на поддержание всей текущей деятельности, закупку оборудования и материалов, содержание больных и так далее. Больница, как и другие важные для государства социальные институты, была включена в сложную игру вокруг «выбивания» дополнительных ресурсов, аргументации необходимости расходов и различного рода способов их «укрытия» в теневых зонах, где контроль государства был слабее и можно было перенаправлять ресурсы в соответствии с локальными интересами различных фигур и групп. То же строительство больничных зданий требовало больших денежных и материальных потоков, а значит, вовлечения в их формирование и распределение колхоза и строительных организаций – все они получали свою долю бюджетного пирога. Так, председатель колхоза «Калинин», осваивая инвестиции в расширение хлопковых площадей, использовал все формальные и неформальные рычаги, чтобы привлечь новые капиталовложения в свое хозяйство и на свою территорию, расширить производственную и социальную сферы, которые требовали бы новых и новых денежных вливаний. Больница была одной из таких сфер – не первой, но и не последней в шкале приоритетов, а координация усилий райса и главврача позволяла удвоить давление на вышестоящие органы управления и получить, соответственно, большее внимание и более выраженный материальный эффект.

У больницы были и другие экономические возможности, которые могли быть источником дополнительных доходов. Например, при каждом ФАПе имелось свое небольшое хозяйство – участок (скажем, в Шеваре это было 10-12 соток земли), где можно было выращивать деревья, овощи, зелень, пшеницу, держать пчел и так далее. Основная работа фельдшера в летний сезон заключалась именно в том, что он и его семья трудились на таком участке: больных в этот период было немного, так как все должны были работать в колхозе и на собственных домашних участках.

В советское время за больницей было закреплено 50 гектаров колхозной (хлопковой) земли, а кроме того, многие работники больницы брали по 1-2 гектара земли на обработку. В обязательном порядке хлопковые участки раздавались всем санитаркам, сторожу, шоферам; врачи от обязанности работать в поле были освобождены. Такая практика закончилась в 1991-1992 годах. В прошлом больница также помогала колхозу обрабатывать хлопок, собирать его (отправляли людей в поле на пять-шесть дней), собирать сено (около двух недель), – за это колхоз ничем не платил медработникам, только устраивал, как положено в случае хашара, угощение.

В конце 1980-х или начале 1990-х годов больница заключила с колхозом договор и взяла в аренду 20 (потом – 10) гектаров земли: заранее подсчитывали, какой доход принесет урожай хлопка с участка, из этого дохода высчитывали плату колхозу за тракторы, удобрения и разные услуги, а всю оставшуюся прибыль перечисляли больнице. В самой больнице эти 20 гектаров разделялись на участки для всех желающих, и потом каждому работающему из полученных доходов по колхозным расценкам начисляли зарплату. Это было выгодно, так как обычно больница собирала

со своего участка больше хлопка (а за сверхплановый урожай шла дополнительная надбавка к цене). Ясно, что такая схема могла действовать лишь при некоторой поддержке начальства, которое решало, какой план дадут, сколько расходов и доходов начислить. Эти хитрости позволяли получать сверхдоход, но в результате именно из-за споров по поводу последнего главврач был недоволен (ему казалось, что доход больнице колхозные бухгалтеры начисляют заниженный), и поэтому от аренды отказались. Услышав от Дехканова эти объяснения, я спросил его: «А почему вы не обратились к своему тестю (Ходжаназарову), чтобы он проверил бухгалтеров и решил проблемы?». Главврач ответил: «Не буду обращаться, а то кругом скажут, что вот, мол, председатель защищает свою родню. Не буду я спорить, драться из-за их махинаций».

Впрочем, возможно, главврач отказался от аренды потому, что договорился с райсом о более выгодной схеме: колхоз выделил больнице участок в местечке Тахтапез¹¹. На участке выращивались зелень и овощи, которые использовались для питания стационарных больных и медперсонала, там же содержалось около 50 барашков и коз – их резали на праздники и устраивали угощение для работников больницы. Этот участок колхоз выделил больнице в полное ее владение (то есть не в аренду или другое временное пользование) на рубеже 1980–1990-х годов, на основании республиканского постановления о выделении земли для больниц. В то время орошаемый участок занимал площадь около 2-3 га, работники больницы своими силами расширили его до 15 га, построили там десятикомнатный дом, спортплощадку и чуть ли не каждый день летом выезжали туда на отдых.

В 1995 году, в условиях кризиса и натурализации экономики, колхоз принял решение выделить для больницы 20 гектаров засеянной пшеницей земли, и в больнице нашлись 30 человек, желающих работать на уборке урожая. Сам главврач, чья зарплата катастрофически уменьшилась на фоне инфляции, был тоже не прочь взять землю и убирать пшеницу.

Корпорация

Принадлежа к государственной структуре и будучи вписанной в локальную сеть властных отношений, больница имела свою автономию – иерархию, ритуалы и практики, корпоративную идентичность, жаргон, интересы. Члены медицинского сообщества ощущали себя отдельной группой, по отношению к которой все остальные – это действующие или потенциальные пациенты, обезличенная и подчиненная категория людей. Врачи и в меньшей степени другие медицинские работники получали специфическое образование, которое давало помимо профессиональной информации и навыков умение говорить особым идеологическим языком, включающим осуждение отсталости, вредных и неправильных обычаев, ошибочных взглядов и так далее. Нельзя забывать также, что врачи получали высшее образование в городе и на русском языке, то есть сами во многом русифицировались и привыкали к городским пище, одежде, манерам поведения.

Как и учителя, врачи имели в ошобинском обществе особые привилегии, связанные с их правом нарушать локальные нормы поведения во имя сохранения советской лояльности. Приведу два примера.

В 1995 году своего рода символом современности в ошобинской больнице была работавшая в ней разведенная молодая женщина, которая каждый день приходила на работу с макияжем и модной прической и, что особенно бросалось в глаза, без обязательного атрибута кишлачного женского наряда – шаровар (*лозим*, что в переводе буквально означает «необходимые»). Со своей семьей она долгое время жила в поселке Кансай, где привыкла к городским модам и образу жизни, а вернувшись в Ошобу, не стала их менять, несмотря на то, что это слишком ее выделяло и привлекало к ней внимание. Профессиональное пространство больницы делало вкусы и предпочтения этой женщины легитимными, поэтому никто не мог высказать ей каких-то замечаний или претензий. Правда, современность этого пространства охранялась формальными и неформальными властными институтами: стоит добавить, что дядя (*амаки*) этой женщины был председателем сельсовета, среди других ее близких родственников были еще один врач и колхозный бригадир.

Второй пример – празднование в ошобинской больнице Дня медицинского работника. Признаюсь, в 1995 году, когда я наблюдал это мероприятие, у меня не было к нему особого интереса. Все происходившее казалось мне рутинным, скучным, однообразным. Теперь, когда прошло много лет и я не погружен в ту, уже далекую повседневность, я вспоминаю это событие как поразительное и совершенно необычное смешение самых разных стилей и практик.

Празднование происходило в недавно построенном корпусе нового здания больницы, в широком холле, где были расставлены столы и скамейки. Расположение участников повторяло обычную структуру вечеринок (*базм*) на свадьбах и других увеселительных мероприятиях: мужчины разместились в одной половине холла, женщины – в другой. Внутри каждой группы не было заметно никакой социальной иерархии. Руководители больницы находились тут же и никак не выделялись из общего ряда¹². Несмотря на явное гендерное разделение, это все-таки был общий стол, где всем одновременно подавали горячую пищу и где между двумя половинами происходило общение. Как и в случае с вечеринками, это считалось советским стилем и было своеобразной данью «европейскому» характеру больницы как особого государственного учреждения.

Таким же «советским» было угощение – различные закуски, свежие и непременные сушеные фрукты, орешки. Однако диссонансом к нему был суп-шурпа (*шўрва*), который обычно подают в более традиционной ситуации (правда, не было плова). На мужской половине появилась водка, но, как это обычно бывает в публичной обстановке, все участники делали вид, что пьют спиртное тайком. Разумеется, это видели все, и спиртное было публичной, но символически скрываемой частью происходящего действия.

Несколько неожиданной для меня была игра, в которой всем предложили поучаствовать и которой руководила молодая девушка: это было что-то вроде обмена вопросами и ответами, заранее записанными и случайно, наугад подбираемыми друг к другу. Я, к сожалению, не записал подробно, что происходило во время этой игры и

какие вопросы и ответы звучали. Подобными играми развлекались иногда студенческие компании первокурсников или группы новоприбывших в домах отдыха – когда нужно было быстрее познакомиться друг с другом и преодолеть барьеры в общении. Кто придумал устроить такую игру на Дне медицинского работника в ошобинской больнице, я не узнал, но выбор такого необычного для жителей кишлака времяпрепровождения явно был попыткой скопировать опыт советского досуга, который воспринимался как русский/европейский. Возможно, конечно, что у такого рода игр были местные прототипы, но в советское время прежние игры и гулянья были переосмыслены, получили новое идеологическое обоснование, дополнительную степень свободы общения между полами и возрастными группами, стали более распространенными и даже обязательными.

Музыку на вечеринке исполнял местный ансамбль, в целом это был стандартный танцевально-молодежный репертуар современных узбекских песен. Опять же неожиданно прозвучали песни на русском языке, причем в стиле шансона с характерным полублатным жаргоном.

Танцы не служили способом заигрывания и ухаживания. Присутствующие мужчины и женщины были в основном женатыми и замужними, разного возраста, и это требовало от них соблюдения у всех на виду правил приличия. Конечно, в самих танцах присутствовал элемент дискотеки. Обычно ошобинцы танцевали на каких-то семейных праздниках, куда они приходили в качестве родственников, соседей или друзей, и тогда танцы выражали радость по случаю тех или иных торжественных событий в жизни близких людей. В танцах на праздновании Дня медицинского работника легитимный повод был совсем другим, не относящимся к жизни людей в Ошобе, этот повод был где-то вовне – в государственном устройстве, в официальных речах и отчетах. Люди тем не менее перенесли и на это мероприятие более привычные им практики поведения, одомашнили его, «обошобинили».

Праздник по случаю Дня медицинского работника был, возможно, организован по настоянию сверху, возможно – по собственной инициативе (по привычке с советских времен), но как бы то ни было, такая вечеринка, подобно любым другим вечеринкам, являлась механизмом формирования и поддержания социальных связей. В данном случае речь шла о социальных связях внутри больницы, которая оказывалась уже не только инструментом и ресурсом, но и особым социальным пространством со своими символами, границами, внутренней иерархией, ритуалами и идентичностью. Как отдельная социальная единица больница выступала и когда кто-нибудь из ее работников устраивал увеселительные или поминальные угощения: в этом случае представители больницы должны были прийти туда именно в качестве отдельной и самостоятельной группы. Точно так же, если в каком-то доме, который просто находился рядом с больницей, проводились поминки, праздничные пиршества (*туй*) и ритуалы чтения Корана (*хатми-қуръон*), то в больницу направляли отдельное приглашение – как в отдельную семью, и представители больницы приходили на это мероприятие. Больница становилась, таким образом, субпространством внутри общего ошобинского пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Lasker J.* The Role of Health Services in Colonial Rule: The Case of Ivory Coast // *Culture, Medicine and Psychiatry*. 1977. № 1. P. 277–297.

² Возможно, речь идет о приезде одного из обследовательских лечебных отрядов, которые в 1920–1930-е годы объезжали селения Ферганской долины, проводили осмотры и делали прививки. См.: *Cavanaugh C.* Backwardness and biology: medicine and power in Russian and Soviet Central Asia. 1868–1934. Columbia University, 2001. PhD dissertation). P. 217–219 и др.

³ Т.Г. Марченко упоминается в числе районных депутатов от Ошобы (Филиал Государственного архива Согдийской области Республики Таджикистан в городе Канибадаме (далее – ФГАСО РТ), ф. 117, оп. 3, д. 5, л. 202), то есть она не только была медицинским работником, но и олицетворяла власть в кишлаке.

⁴ См.: Аштская районная центральная больница. 1965 год // ФГАСО РТ, ф. 131, оп. 1, д. 151, л. 27 об.

⁵ См.: Годовой отчет Аштской ЦРБ за 1975 год // ФГАСО РТ, ф. 131, оп. 1, д. 162, л. 282, 282 об.

⁶ См.: Годовой отчет Аштской райбольницы, СВУ, ФАП за 1965 год // ФГАСО РТ, ф. 131, оп. 1, д. 150, л. 153–154; Годовой отчет Аштской ЦРБ за 1975 год // ФГАСО РТ, ф. 131, оп. 1, д. 162, л. 128–130.

⁷ Годовой отчет Аштской райбольницы, СВУ, ФАП за 1965 год // ФГАСО РТ, ф. 131, оп. 1, д. 150, л. 163.

⁸ В 2010 году, в мой второй приезд, новая ошобинская больница была достроена и оснащена, здание же в Мархамате так и осталось бездействующим.

⁹ О социальных сетях в структурах власти регионального уровня см., например: *Wegerich K.* «A Little Help from My Friend?»: Analysis of Network Links on the Meso Level in Uzbekistan // *CAS*. 2006. Vol. 25. № 1–2. P. 115–128.

¹⁰ В 2010 году должности главврача, председателя колхоза и председателя сельсовета занимали уже другие люди – родственники Ходжаназарова потеснили с этих выгодных позиций.

¹¹ Тахтапез – самый большой родник между Ошобой и Шайданом, в 5–6 км от Ошобы. (По местной этимологии, Тухта-Пес – «место, где останавливался больной проказой»).

¹² Впрочем, насколько я знаю, после мероприятия посиделки продолжались в более узком кругу старших врачей и некоторых присоединившихся к ним важных гостей.

(Окончание следует.)

Виктор МОИСЕЕНКО

Режим Амалиного дома

Сырдарьинские этюды*

«Трупстанция»

Затравили на нашем «кустовом» объединении улиц и переулков, примыкающих к каналу, фронтовики двух семейных мужиков: Борискина дядю Мишу и Брылова дядю Гришу.

У них была бронь, и на войну они не попали. Их пыняли на уличных торжествах, у ворот их домов, поддавая жару криками: «За юбки женщин и за рахитичные тельца наших детишек прятались?! Бронь у них!». Больше доставалось Брылову дяде Грише, – дядя Миша Борискин на неделю выезжал в степь к своей бригаде экскаваторщиков, а дядя Гриша шел улицей Некрасова к Трупстанции, предшественнице нынешней санэпидстанции. Не помогли заявления руководителей Трупстанции, что она и районная больница держатся на золотых руках Брылова, собравшего из хлама полуторку. Увещевали фронтовиков и женщины: мол, Мишу и Гришу не пынять, а благодарить надо. Борискин, роя со своей бригадой сбросовый и оросительный каналы в степи, подкидывал вдовам и очень бедствовавшим попутно выловленную рыбу, а Брылов подбрасывал им веток гребенщика, или, как он называл, степной сирени, и стеблей гузапаи.

Гонения прекратились только тогда, когда дядя Миша Борискин устроил самых ретивых преследователей к себе в бригаду – помощниками машиниста. Правда, фронтовики там не продержались и года (когда можно было уже оставить себе выданный комплект из ватных брюк и ватной телогрейки и две спецовки из «бронированной», очень крепкой, парусины). Степное безлюдье, постоянный ремонт стареньких экскаваторов, очень высокие нормы выработки были не по силам их надорванному на войне здоровью. Вокруг только заросли туранги и тала**, солончаки, на поверхности которых хозяйничали пустынная осока и мятлик. Работа была большой государ-

* Продолжение. Начало в ВС № 4 (XXXII), 2013, и №№ 1-2, 3 (XXXIII, XXXIV), 2014.

** Туранга – вид тополей, растущих в условиях засушливого климата. Тала – ива. (Прим. ВС.)

ственной важности. Для сравнения: с территории, где 27 поселенцев трудились первый год с помощью шести быков и лошадей, обрабатывая 80 га засоленных земель (60 га были пущены под хлопчатник, 12 га – под зерновые, 6 га – под арбузы и дыни), получили только 32 тонны хлопка (урожайность была 8-10 центнеров с гектара) и 5,5 тонн зерновых. А в результате мелиоративных работ, проведенных бригадами экскаваторщиков, урожайность с 20–20,5 дошла к 1970-м годам до 34 центнеров с гектара. Дядя Гриша Брылов сумел улестить своих преследователей, привязав к ручкам дверей их домов засахаренные бруски меда с собственной пасеки. Привязывал их шкурками отмоченной коры тутовых деревьев, бывшими в то время в ходу вместо дефицитного шпагата.

Тропстанция появилась в Сырдарье в 1936 году, раскинувшись на большой территории между улицей Некрасова и Больничным переулком, на земле, отобранной у двух семей, растивших здесь с 1923 года кукурузу и овощи. В 1935 году вышло постановление о восьми сотках для индивидуальных застройщиков в черте поселка. Через год после выхода постановления началось урезание избыточных соток у не успевших выгодно расстаться с лишней землей. А земля под Тропстанцию была занята чуть ли не на следующий день после постановления райисполкома. Торопили обстоятельства. Бедность, антисанитария вызывали среди жителей поселка острые формы тропических лихорадок, переносимых зараженными грызунами и насекомыми. В архивных документах отмечены болезни, которыми страдали жители района. Это ришта, лейшманиоз, сибирская язва, дифтерит и особенно донимавшая всех малярия. Работников станции наделили большими полномочиями, поэтому операцию по обеззараживанию от грызунов и кровососущих насекомых они проводили не церемонясь. Шли цепочкой по улицам в противогозазах, без спроса заходили во дворы, обрабатывали отхожие места, кучи навоза, углы кладовых, пустоты под крыльцом... Даже злые собаки смиренно поскуливали в будках, получив порцию ядовитой струи из аппаратов, похожих на велосипедные насосы.

Обозленные жители называли контору «Трупстанцией», потому что после обработок отмечались случаи падежа домашней птицы, копошившейся в навозе, и любимых кошек, словивших отравленных мышей. Но работники не обращали внимания на этот ропот. Из-за болезней, принимавших эпидемический характер, страдали народнохозяйственные планы. Люди плохо закреплялись на освоенных участках. Иногда население ополчалось на продавцов бахчевых, считая дыни распространителями малярии.

В 1947–1948 годах в хлопководческие хозяйства района уговорили переселиться жителей горных районов Джизакской области, а одно хозяйство – имени Собира Рахимова – на 80% состояло из этих переселенцев. Через год все вернулись назад, страдая от приступов малярии, неведомых жителям горных кишлаков. Впоследствии они снова вернулись, и им позволялось только раз в год, до начала пахотных работ, возвращаться в родные места – во время массового окота мелкого скота. Это было очень важно для животноводов, от этого зависело их благополучие на целый год: в горы приезжали оптовые закупщики каракуля из Бухары и Самарканда, давали денежный залог и терпеливо ждали два месяца, до появления у ягнят «товарного вида».

Об окончательной победе над тропическими лихорадками в районе докладывал

6 ноября 1959 года председатель райисполкома Сырдарьинского района А. Умаров. Особая заслуга в этом принадлежала заведующему сырдарьинской Тропстанцией Бахрому Халиковичу Халикову и главному санитарному врачу Авдею Николаевичу Мельниченко. Они наладили работу по дезинфекции водоемов со стоячей водой, раздаче населению хины для профилактики и изготовлению специальных факелов на дуговой основе, с которыми подростки в вечернее время бегали по улицам поселка. Это привело к небольшому увеличению числа астматиков, зато тропические лихорадки отступили бесповоротно.

Большую роль сыграло в этом и открытие районной бани на седьмом километре между Бахтом и Сырдарьей. Прямо в поле, справа от дороги, возникло здание, выкрашенное в зелено-белые тона. От строительного участка № 4 по субботам и воскресеньям к бане совершали регулярные рейсы отентованные бортовые машины, с сооруженными из досок посадочными местами. Их заполняли люди с тазиками, свертками чистого белья и длинными, еще не ошпаренными кипятком растительными мочалками, выращенными на своих дворах. Баня была очень популярной до 1972 года, пока у границы школы № 2 не была выстроена городская баня с парилкой, бассейном, отдельными кабинками. Старая баня еще лет шесть использовалась психоневрологическим детским учреждением на территории колхоза имени Ахунбабаева, но за нерентабельностью в 1988 году была разрушена. Новая баня работала чуть дольше, до 1990 года. В 1992 году здание выкупил бывший начальник железнодорожной милиции и превратил в кафе «Колос», ставшее очень популярным.

Одним из серьезных испытаний для санэпидстанции было распространение холеры летом 1964 года. Карантинные мероприятия охватили все регионы Центральной Азии. В Сырдарье все население, от мала до велика, было оперативно пропущено через двое ворот: в ворота санэпидстанции со стороны улицы Некрасова входили и, получив болезненный укол «под лопатку», выходили через другие ворота в Больничный переулок, в том же году переименованный в переулок Бахор.

Переименования

Кстати, о переименованиях. Наименование, переименование считались делом большой политической важности. Соответствующей комиссии при райисполкоме надо было угадать достойного революционного или литературного деятеля, которого не начали бы вскоре вычеркивать из истории. Очень помогали комиссии революционные даты. Например, территория напротив районной милиции, где находится здание суда и магазины, называется «Десятилеткой», хотя никакой школы-десятилетки там никогда не было. Просто сырдарьинцы таким образом облегчили для себя длинное название, данное находившейся там заготовительной конторе. В одном помещении в заготконторе стояли бочки с соленой рыбой, в другом – мешки с зерном на массивных столах, во избежание мышиных и крысиных атак, фляги с хлопковым маслом, а в здании, которое затем около тридцати лет служило медвытрезвителем, хранилась шерсть и высушенные каракулевые шкурки. Всему этому было присвоено имя «Заготконтора имени десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции».

А часть колхоза «Правда», застроенная частными домами, и ныне носит название «Двадцатилетка». Там было с 1937 года небольшое хлопководческое хозяйство имени двадцатилетия Октября – в период пика сталинских репрессий опасались давать предприятиям имена даже проверенных большевиков. В 1947 году освоенным территориям между совхозами «Сырдарья» и «Гигант» дали название в честь тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, и в народном обиходе эта территория тоже до настоящего времени называется «Тридцатилеткой». Распространенным явлением было наименование освоенных территорий в честь партийных съездов. За совхозом «Ленинград», а ныне «Синдаробад», по имени долго правившего председателя Синдарова, от Сырдарьи в пустыню Кызылкум уходят животноводческие хозяйства имени 18-го, 19-го, 21-го и 22-го съездов КПСС. Двадцатому съезду почему-то места не нашлось. Кстати, после переименований улиц и колхозов имени Сталина, в Сырдарье улица Сталина с 1956 года стала носить имя Алишера Навои. А на границе Узбекистана с Казахстаном сохранилось большое совхозное отделение № 3 под названием Сталинское. На территории этого отделения во время войны образовалась рыболовецкая бригада, добывавшая рыбу в реке Сырдарье для очень важного в то время вагоноремонтного ташкентского завода имени Кагановича. Бригада, состоявшая из крепких людей, занималась и охотой. Все они были освобождены от призыва в армию. Были отмечены претензии людей к поведению этих освобожденных заготовителей во время войны. Но вернувшиеся фронтовики предпочитали с ними не связываться, так как эти люди и после войны ходили с ружьями, заброшенными за спину.

Гостинцы от лисички

Житель Сырдарьи, Кирдяшкин Борис Алексеевич, сразу после войны возглавил железнодорожный отдел милиции. За месяц до его возвращения с фронта умерла жена от туберкулеза. Восьмилетняя дочь Мила помогала растить пятилетнего братишку. «Сколько у меня было дежурств, – рассказывает ветеран, – столько и встреч со смертью. Такая публика по поездом иногда подбиралась, что хоть войсковую операцию проводи. И воровали, и грабили, были и убийства, а особенно не любили мы поезд Ташкент–Джалал-Абад. Его и в Ташкенте не любили. Ставили на крайние от платформы пути. Водой его заправляли у нас в Сырдарье, с царской водокачки, где до 1972-го заправлялись все маневровые паровозы. Нас в отделе было шесть человек, и мы этот поезд еще с разъездов встречали. Напряженным временем на станции был период, когда начинали чистить станционный туалет. Один раз восемь грудных младенцев выловили. Едва уговорили комиссию в акте указать их возраст «меньше пяти месяцев», значит не люди еще, а зародыши, а так бы страшное ЧП по службе было».

Детей вырастить, сохранить от болезней, прокормить, одеть, обуть было делом непростым и для благополучных семей. А ведь много было отчаявшихся женщин, оставшихся один на один с нуждой. Если бы не времена атеизма, вера в Бога сгладила бы безнадежность и отчаянье. На помощь государства в старости и на случай болезни тогда особо не рассчитывали. Надеялись только на себя да на воспитанных в уважении к себе и к труду подраставших детей. Как это и было из века в век. За обе-

денным столом часто спрашивали детей: «Будешь кормить папку и мамку, когда они станут старенькими?», и ребенок, уплетая кашу, кивал головой: «Буду». Часто рассказывали детям истории с воспитательным значением. Например, такую.

«В давние времена трудно жилось людям. Земля скудно родила. Враги налетали, забирали последнее. И решили люди, ради спасения детей, вывозить старых и ослабевших родственников в дальний овраг. Оставляли им кусочек хлеба и, пятась и крестясь, просили прощения у отца и матери, со слезами приговаривая, что, мол, и меня так же в свое время дети отвезут в овраг. Вот везут так-то одного старика, а время было особенно трудное, весна, а сеять нечем. Сын говорит отцу: «И мы, батя, долго не протянем, скоро свидимся на том свете», – а старик отвечает: «Ты погоди, сын, убиваться. Вот отвезешь меня в овраг, – снимите с мужиками с крыш всю солому да растрясите ее над полями, тем и спасетесь». Так и сделали мужики, и хоть редкие были всходы от застрявшего в соломе зерна, но спаслись люди от смерти. И перестали вывозить стариков в овраг, стали ценить их жизненный опыт».

...Приход в Сырдарье к стабильности и сытости почему-то все запомнили по-разному. Говорят, что это стало заметно после реформы денег в 1949 году. В магазинах появилась дешевая камбала из Аральского моря. Рядом стояли бочки с килькой, мелкой соленой рыбешкой, которую вначале ели с головками и внутренностями. Вспоминают уменьшение очередей за хлебом, появившийся в продаже без карточек сахарный песок. Детей ставили на колени перед табуреткой, насыпали каждому горкой сахарный песок, вручали кусок мягкого хлеба: «Макай и жуй». Хвалились числом вложенных в граненый стакан с чаем ложек сахара. Нормальным считалось – четыре чайных ложечки на стакан. Те, кто помоложе, вспоминают появление в больничном ларьке квадратного куса шоколадного сливочного масла. Продавщица тетя Соня, развернув промасленную бумагу, долго сверялась с ценником, а стоявшая очередь была в радостном возбуждении.

Появились имущественные, наследственные вопросы, и оказалось, что многие пожилые семейные пары, прожившие вместе и 20, и 25 лет, не прошли в свое время государственную регистрацию. Главное, считали они, – что они объявили себя парой перед родственниками и знакомыми. Теперь пожилые «молодожены» с разных концов улицы, крадучись, спешили к левому крылу тогда еще одноэтажного здания райисполкома. Быстро расписывались, отклоняли торжественные поздравления и исполнение баянистом туша, так как в его репертуаре еще не было вальса Мендельсона. И теми же путями возвращались домой, – а чего людей смешить? Шутники и так подковыривают: «Что? Целину поднимать ходили?». И уже дома вспоминали начало семейной жизни, когда имущества – одна поломанная расческа, худая одежда, чайник да топор. И хорошо еще, если повезло с хозяином дома, в котором снимали комнату. А теперь в доме своем коврики немецкие с павлинами и оленями над кроватями, три или пять венских стульев, тоже прибывших из Германии в счет репарации, китайский термос, полыхающий красным огнем окраски, самодельные табуретки, на окнах ситцевые занавески, ламповый радиоприемник да два кабанчика в хлеву.

Больше уделяли внимания обучению детей, и времени им больше уделяли. Уходя на работу, отцы брали с собой «термоски», кусок хлеба в вафельном полотенце;

в жестяной кружке с рисунком адмиралтейского шпиля и надписью «Ленинград» – тушеная капуста с кусочками обжаренного свиного сала, два или три вкрутую сваренных яйца. Из этого рабочего обеда оставляли к вечернему приходу домой гостинчики от «лисички и зайчика». Передавая гостинцы детям, приговаривали: «Лисичка и зайчик так и сказали, передайте Саше и Тане». Начинались детские расспросы: «А где ты их встретил? А откуда они нас знают? А завтра они еще что-нибудь передадут?»...

Тетя Дуня

Запомнился страшный эпизод, рассказанный жительницей соседствующего с рисо-рушкой маленького домика, Евдокией Николаевной Труниной, тетей Дуней: «Пошли мы в железнодорожный барак с Феклой, вдовой моего старшего брата, проведать наших. Зашли сначала к Мане Медведёвой, ну она сразу и ставит на керосинку чайник из самоварной меди, а из глубины столика с дверцами достает на блюде кусковой сахар. А ее дочка Люба, трех лет, стала тянуться к нему, прямо изводится. Мать переставляет блюдечко подальше по столу, а та извивается между нами и тянется к другой стороне стола. Мане надоело следить за дочкой, – прервала беседу, шлепнула девочку по ручкам и вдруг выговорила: «Да будь ты...». Как услышали мы это с Феклой, не сговариваясь, подскочили и, не прощаясь, припустились до дому. А Любочка недели через три в болезненном жару сгорела, и молюсь я до сих пор и за ее душу, и за душу ее покойной ныне матери. И сильно чувствую и свою вину. А жизни у троих у нас, присутствующих на этом страшном греху, очень горько сложились. Похвастаться нечем...».

Тетя Дуня – вдова. Недавно потеряла старшего сына, помогает заготовками на зиму его материально ослабевшей семье. Внуки все лето толкутся у нее во дворе. Младший сын тоже работал на ташкентском кабельном заводе. Сейчас инвалид по здоровью и «закладывает». Когда запьет, семья выгоняет его к матери, в Сырдарью. А у матери только три старых курочки – рубить жалко, сроднилась с ними. Держала когда-то и по двадцать курочек, а в кастрюлю все равно было некого отправить. Те клушки, только вывели цыплят, месяц в нормальный вес приходят будут, а эти еще подростки, зачем зазря переводить, пусть до срока растут-гуляют. А эти три старые курицы охраняют тетю Дуню лучше собак, ночью поднимают шум под окнами, значит, хулиганы за алюминиевыми кружками в кладовку лезут. Тетя Дуня на них участковому не заявляет, вспоминает, как свои сыновья трудно росли, плохо питались и тоже лазили по чужим садам. Большая радость и подспорье тете Дуне и ее ровесницам – государственная пенсия. Она примиряет с болезнями, и умирать не хочется. Есть еще одна большая жизненная мечта – купить диван. Купить диван и сидеть на нем как барыня. Старший сын обещал помочь с его приобретением, но не успел выполнить обещанное. А младший сын и не обещает.

Жизнь облегчилась для тети Дуни, по ее словам, с 1953 года. 4 марта 1953 года она родила младшего сына, радовалась счастью, а 5 марта – всех рожениц заставили плакать. Объявили о смерти Сталина. Заведующая с акушерками обходили палаты и убеждались, все ли плачут.

Роддом

Родильный дом Сырдарьи до 1949 года располагался по улице Кирова, а отдельными хозяйственными постройками выходил на переулок Комсомольский. В том углу был вырыт колодец, и построена прачечная, склад для дров и старого инвентаря стоял перед узким главным корпусом, невдалеке – приземистая кухня с глиняной односкатной крышей.

С таким разбросом вспомогательных помещений и теснотой палат старого корпуса покончили, когда в два приема было возведено большое нетиповое помещение с частым расположением огромных окон. Строили методом народной стройки, чем могли помогали районные предприятия, четвертый стройучасток навез двенадцать огромных куч глины из сводившихся по округе курганов. За стройкой следили и частично финансово распоряжались два честных пожилых человека: сторож и завхоз родильного дома, Тарасюк и Савон. Добровольцы замачивали глину, вытаптывали ее, а затем желающие из высокой стопки вытягивали формовочные станки, с увеличенными в полтора раза объемами по сравнению с обычными станками. По совету стариков – такой кирпич прослужит дольше.

Формовка кирпича оплачивалась в день работы. Ставить подсушенные кирпичи на ребро приходили дети из окрестных домов. И тоже получали свои копейки. Высушенный кирпич собирали в пирамидки подростки. С ними тоже честно рассчитывались, отгоняя более взрослых посредников, приводивших для работы пацанов, а затем забиравших часть заработанного. Нередко подзаработать приходили и городские пижоны: те, кто обычно демонстрировал себя у двух городских будок с газированной водой, завезенных сюда высланными крымскими татарами. Пижоны по часу лениво тянули из кружки газировку и закусывали ее коржиком. Но и на демонстрацию красивой жизни нужны были деньги. Один из модников вешал на одно плечо друга свои брюки, на другое – рубашку в мелкую вертикальную полоску, вкладывал в руки ему пару тряпичной обуви, вычищенной зубным порошком, брал формовочный станок и начинал пробежки от глиняных куч до места выкладки кирпичей. У друга была еще одна обязанность – в случае появления Раи Маженько пронзительно свистнуть. Тогда работник мог отсидеться за кучей кирпичей, пока Рая не скроется за зарослями шиповника у своей калитки.

Рая, одна из трех выдающихся сырдарьинских красавиц, была занята уходом за больной матерью, позволяла себе появиться на танцах только на один вальс. Духовой оркестр танцплощадки с ее появлением начинал играть вальс «Березка». К Рае сватались многие завидные женихи, но она вышла замуж за пожилого фельдшера, делавшего обезболивающие уколы ее матери. У Раи трое детей. Два сына – специалисты по холодильным установкам, и дочь – библиотечный работник. Мамину красоту из детей никто не унаследовал. Всех слегка портит насмешливый лупоглазый взгляд папы-фельдшера.

И нашим героям новый роддом принес большое родительское счастье. У Борискиных дяди Миши и тети Нюры родился вымоленный сын Юра. В войну они удочерили шестилетнюю девочку Раю. Считалось, что промерзший до костей на холодном экскаваторном сиденье дядя Миша детей иметь не мог...

А у Брылова дяди Гриши, вдобавок к трем довоенным девочкам – Любе, Гале и Нине, в 1952 году родилась Наташа, в 1956 – Таня. Мы с Таней родились в одной палате в апреле месяце, с разницей в два дня, и десять лет учились в одном классе.

«Печать Амалии»

Огромный новый родильный дом был выстроен очень своевременно. С 1950-х годов начался настоящий демографический бум. Пешком роженицы шли к роддому, пешком из него и уходили, отставая шага на два от мужа, гордо вышагивавшего с ребенком на руках. Тетя Муся Абросимова, проработавшая акушеркой более сорока лет, вспоминает, что почему-то еще не принято было приходить с цветами. Двойняшек отцы уносили в простыне, как в авоське, шли домой, осторожно меняя руки с дорогой ношей.

Тете Мусе 94 года, два года назад поломала шейку бедра, за ней сейчас ухаживают сын и дочь, сами уже несколько лет находящиеся на пенсии. Акушерка вспоминает, что дети в Сырдарье почему-то в основном рождались с двух до четырех часов ночи. По трое-четверо родов за ночь. Акушеры к утру были вымотанные, но к приходу заведующей надо было переглядеть стопки высушенного белья. Ни минуты свободной не было и у санитарок, дисциплина была строжайшая. За недочеты в работе и даже за опоздания можно было угодить в сталинские лагеря.

Заведовала роддомом в те времена Амалия Багратовна Петросян. На работе себя не жалела, строго спрашивала и с коллектива. Держать себя в форме ей помогали большие дозы крепко заваренного кофе, что, в конце концов, и подорвало ее здоровье. Она жила с больным сыном, получившим родовую травму. С подросткового возраста сын начал сильно полнеть. Уходя на работу, Амалия Багратовна оставляла сына в кресле на колесиках, на перекрестке улиц Правды и Ленина, под присмотром пожилой родственницы. Гриша проводил весь день в созерцании людей и очень оживлялся, когда к нему обращались с приветствием.

Амалия Багратовна и сама принимала роды, делала это очень энергично, помогая роженицам собственными локтями направлять плод на выход, хватала ребенка за показавшееся личико, и в Сырдарье до сих пор ходит шутка о «печати Амалии»: будто бы у сырдарьинцев, которых приняла Амалия, – несимметричные лица.

С уходом из жизни Амалии Багратовны ослабла дисциплина этого медицинского учреждения, новорожденных стали допекать инфекции, особенно замучил стафилококк. Районный родильный дом перевели в нововыстроенное здание поселка Бахт. А здание сырдарьинского роддома выкупил врач Сангинов, теперь здесь располагается его частная клиника. В палате, где родился я, находится кровезаборный кабинет, а на том месте, где в апреле 1956 года стояла кровать, на которой я провел первые дни жизни с матерью, стоит стул, на нем сидит словоохотливая медсестра Азиза, которая уверенно заявила, что Амалия Багратовна еще жива. Пусть будет так: Амалию Багратовну помнят многие, пока помнят – она живет. Вспоминают, как она в союзе с городским прокурором Хасановым Батыром-ака и райвоенкомом Яценко остановили «эпидемию» убийственных драк среди молодежи. Дрались кастетами, выплавив в свинцовых пластинах отверстия для пальцев. Подвигом считалось не пожалеть в

драках дорогих чешских «корочек» фирмы «Батя» из города Злина. Пинали «корочками» лежащих на земле...

Ходили по домам, не считаясь с временем. Амалия Багратовна извлекала из памяти такие чувствительные подробности появления на свет и инициаторов драк, и их жертв, что эта «эпидемия» постепенно сошла на нет.

Подвели ее больные почки. Через год после смерти Амалии Багратовны ушли из жизни ее сын Гриша, пожилая родственница с таким неподходящим ей именем Джульетта и лучшая подруга Амалии Багратовны – Любовь Григорьевна Брылова, жившая напротив входных дверей в роддом.

Наверное, Амалия Багратовна, столько лет простоявшая у входа в мир сырдарьинских жителей, много знала и о другом мире. Собрать там дорогих ей людей не составило труда.

Осенние праздники

Праздничные застолья сырдарьинцы устраивали в середине осени. По всем терраскам заканчивали рубить на зиму капусту, дети уже не могли смотреть на сладкие кочерыжки, объевшись ими до икоты. В бочках, вымоченных с августа, доходило молодое вино; гармонист Петр Дмитриевич, проветривая меха и прогуливая кнопочки, подбрасывал на улицу звуки «Барыни»...

К середине осени подгадывали свое возвращение домой завербованные на разные стройки молодые мужчины района. Если до вербовки парень слыл ненадежным для семьи и хозяйства, то по приезде со стройки получал от земляков уважение и восхищение. Удивлял новым костюмом, разговором «за всю страну». Гулянья обычно начинались стихийно, как пожар, перекидываясь из дома в дом. Громко кричались, а не пелись песни. Особенно популярными были «Куда ведешь, тропинка, милая?» и привезенная со строек Москвы Хребтовым Аркашей «Когда смотрю на Ленинские горы». Петр Дмитриевич удачно подобрал мелодию, а Аркаша не сбиваясь и не фальшивя пел. К оперному пению большинство сырдарьинцев были равнодушны. Услышат по радио, махнут рукой, отвернутся и проговорят: «Нууу, запищало...». Любили песни и частушки Марии Мордасовой, весь репертуар воронежского народного хора, Людмилу Зыкину, Ольгу Воронец, Марка Бернеса и, конечно, свои, «родовые» песни. Танцевали сыдарьинцы хуже, чем пели. Но душу на гулянках отводили все. Растерянные дети ходили по домам искать своих мамок, а те, покрасневшие, со взбитыми под платками волосами, песнями и отбойным топотом ног доказывали золовкам-«змеиным головкам», что она не «кухля-пухля», что с ней интересно общаться людям и что брату их с женой даже очень повезло.

Удачно поработавшие на стройках привозили подарки, в основном платки и фаянсовые пепельницы в виде сов, почти в натуральную величину. У лап птицы и был лоток для приема сигаретного пепла. Но хозяйки не давали обгадить такое произведение и держали сов на столах: в лотки был насыпан мелко нарезанный поджаренный хлеб, а окурки по-прежнему продолжали тушить в жестяных банках из-под кильки в томате. Детям и племянникам привозили бескозырки с лентами и надписью «Моряк», леденцы в жестяных коробках, в которых и сейчас хранятся пугови-

цы, детали от электрических бритвенных машинок и монеты разного достоинства и разных лет.

В это время обычно гулялись и свадьбы. Удачливым женихам, вернувшимся со строек, при сватовстве, как правило, не отказывали. Завидными невестами считались сестры-погодки Симоновы, близняшки Левашовы, старшая Литвишко и Трибунские. У серьезных женихов ценились старшие сестры и невесты, выращенные бабушками. Жизнь доказывала, что такие жены были надежными, без «взбрыков», терпеливыми и в нужде, и в болезнях.

Чернов

Молодым семьям надо было где-то строиться. У роддома забрали две трети территории, и на этой земле отстроились восемь домохозяйств. Место считалось очень престижным: напротив роддома, на другой стороне улицы, располагались дома недавно назначенного начальника милиции, Эрназарова, – он проработает в этой должности 16 лет, – управляющей районным банком Платоновой, начальника железнодорожной станции Полякова, молодой учительницы русского языка и литературы Любви Григорьевны Брыловой, дом которой построил отец, мастер на все руки. Нарезанные участки выделили фронтовому хирургу Ишанкулову Хасану-ака; родственнику Амалии Багратовны – Вагану Накаштьяну; два участка – высланным из Хорезма бывшим «кулакам» Розыкбергеновым. Большой участок взяла сестра Назиры Юлдашевой, председателя колхоза имени Ленина. А два участка, примыкающие прямо к новому зданию роддома, передали участнику войны Василию Чернову. Крайний участок он оформил на своего немого брата Бориса, на другом жил сам с женой Валею, которая и привезла Василия в Сырдарью, познакомившись с ним где-то в России.

Заведующая районным банком Платонова взяла огромного, с зычным голосом, Васю Чернова инкассатором в банк, с правом ношения огнестрельного оружия, с которым он никогда не расставался. Около десяти лет Вася себя ничем не проявлял. На работе претензий к нему не было. Единственное, что удивляло соседей, что Вася категорически не хотел рождения детей и что даже в туалет ходил с пистолетом.

А потом его стали раздражать крики игравших напротив дома в футбол мальчишек, он начал покрикивать на Амалию Багратовну, требуя прекратить сжигать по утрам в железном контейнере отходы родильного дома. Ему показывали предписание комиссии райисполкома по этому поводу, – ничего не помогало. В районе до этого было два чрезвычайных происшествия, связанных с тем, что в городском парке собаки таскали ампутированные конечности... Было строго предписано следить за утилизацией, на кладбище выделили место, где и производили их захоронение. Биологический материал и непригодную для дальнейшего использования спецодежду сотрудников роддому было предписано сжигать. Ответственной была назначена Петросян. Но Василий Чернов приходил во все большее неистовство. Надо признать, что в этом его поддерживали и жители окружающих роддом участков: вонь порою была действительно невыносимой.

Около восьми лет продолжалась тяжба Чернова с роддомом, пока однажды, в сентябре 1972 года, к дому Василия не подъехал автобус с солдатами местной воин-

ской части в полной амуниции. И весь личный состав райотдела милиции. Но было уже поздно – Чернов, не доверяя пистолету, предпочел в сарае затянуть себе на горле веревку. Планировали арестовать его на работе, но он уже с месяц был начеку и, почуввав недоброе, успел уйти из жизни. В районный комитет государственной безопасности пригласили в полном составе совет ветеранов Великой Отечественной войны во главе с Хасаном-ака Ишанкуловым, соседом Чернова по участку. Сообщили, что на самом деле инкассатор был одним из самых жестоких карателей на территории оккупированной Белоруссии... Вот почему его раздражали и детские крики, и запахи сожженного человеческого белка. А свою жену Валю он толкал на хирургические прерывания беременности.

Сама Валя Чернова срочно продала дом приезжим из Джизака и поселилась на окраине Сырдарьи. Взяла из детского дома девочку Лизу, вырастила ее. Девочка была одной из лучшей выпускниц средней школы № 2 им. А.П. Гайдара. Сейчас Лиза живет в Австрии, в городе Зальцбурге. Немой брат палача бесследно исчез.

После истории с Черновым начались мягкие допросы участников Великой Отечественной войны: где воевали, где закончили войну, в каких госпиталях лечились. Ветеранов это очень обижало. «У вас такая власть, такие возможности, – говорили ветераны, – посылайте запрос и узнавайте». – «Мы послали и узнали, – отвечали вежливые молодые парни, – а теперь хотим послушать вас». Кое-кто из ветеранов на вопрос: «Где воевали?» – дерзко отвечал: «Вон там, в кишлаке, под Янгиюлем». Другие говорили: «Спросите у моей жены, она лучше помнит, а у меня с памятью из-за ранения в голову проблемы». Кто-то от обиды отказался от памятных подарков, выдаваемых ветеранам в юбилейные даты, – настенных часов...

Проверки ветеранов выявили кое-какие нарушения. Двое уроженцев Воронежской области, узнав о сгоревших архивах в родных районах, в мае 1945-го в Берлине прибавили себе по пять лет к году рождения, чтобы не задерживаться в Германии еще на несколько лет, а ехать к семьям. Первыми на родину вернулись эшелоны с пожилыми победителями.

Благодаря проверке, через Подольский военный архив, три награды нашли героев-сырдарьинцев.

Володя Ефремов

2 июля 2014 года в Сырдарье хоронили Володю Ефремова, которого Амалия Багра-товна приняла и положила на грудь матери 14 августа 1954 года. Через год его крестили в городе Янгиюле, крестными были семейная пара Красниковых, живших по соседству. Володя закончил десять классов школы № 1 имени Ленина, затем Омское военное общевоинское училище. До Афганистана было два места службы и свадьба.

В Афганистане у него была одна из самых боеспособных рот, как и у его друга капитана Игоря Хатченкова, родом из города Волжского. В ночь на 12 сентября 1984 года, когда все ротные командиры были на постановке задач в штабе полка, две эти спящие роты были полностью вырезаны. Все понимали, что без предательства в очень высоких военных кругах здесь не обошлось. Капитан Ефремов не смог дальше продолжать службу. Его друг Хатченков службу продолжил, но умер через четыре года от

кровоизлияния в мозг. А Володя с 2008 года боролся с раком горла. Деньги на лечение зарабатывали жена Люба, ведшая бухгалтерский учет сразу двух частных предприятий, и старшая дочь Оксана, работавшая архитектором в Казани. Заведующий аптекой Абдулла, бывший воин-интернационалист, помогал с лекарствами; уколы делала младшая дочь Маша, студентка Сырдарьинского академического лицея. Она же переводила окружающим речь отца, «снимая» слова и предложения с его шевелящихся губ. При правильном переводе капитан Ефремов, довольный, хлопал в ладоши, кивал головой, подбородком касаясь торчащей из горла трубки.

Такое стечение людей, как на прощании с капитаном Ефремовым, в Сырдарье случилось четыре раза: когда хоронили хирурга Бережнова, Амалию Багратовну, трагически погибшую дочь первого секретаря райкома партии Саиду и районного кардиолога, ленинградскую блокадницу Евгению Владимировну Макарову. Портрет покойного нес сторож сырдарьинского районного архива, бывший воин-интернационалист Абдукахар Зияев. Подушечку с тремя наградами – полковник запаса Юрий Николаевич Артемов, бывший в 1981–1985 годах замначальника тылового обеспечения советских войск в Афганистане. Впереди группы «афганцев» Марина Пешкова катила коляску мужа Виктора, инвалида афганской войны.

На похороны капитана приехали его друзья из других городов, в том числе разведчик, бывший сырдарьинец, ныне житель Ижевска Сергей Полкунов. Выносили Володю из родительского дома по улице Ахунбабаева. На столике у кровати покойного до сих пор лежат две книги на английском языке об афганской войне: друзья снабжали капитана книгами, он пытался разобраться в размахе сведений, передаваемых врагам через предателей. Поражался объему информации о расположении наших войск, о передвижении групп душманов, знанию о военном уровне прибывающих из Союза войск. Сырдарьинский друг капитана Рашид, прощаясь с Ефремовым за день до смерти, напрямую спросил: «Страшно?». Володя качнул ребром ладони, как приветствуют и прощаются в воздухе самолеты. У Володи это означало: чуть-чуть.

На кладбище кто-то сказал: «Какая тяжелая судьба у парня». Разведчик Полкунов, не оборачиваясь, произнес: «Нормальная судьба»...

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

На вопросы ВС отвечает литературный критик, редактор отдела поэзии журнала «Новый мир» Павел КРЮЧКОВ*.

– Начнем с немного провокативного вопроса... В рецензии на антологию «Молитвы русских поэтов. XX – XXI» (М.: Вече, 2011) вы абсолютно справедливо указали на, мягко говоря, религиозную сомнительность некоторых попавших туда текстов (в частности, стихотворения Федора Сологуба «Когда я в бурном море плавал...»). А что, собственно, можно считать религиозной поэзией и какое стихотворение – молитвой?

– То, что вы назвали «рецензией», скорее все-таки – реплика. Меня, действительно, смутило, что в антологии, составленной уважаемым литератором, наполненной яркими и ценными сочинениями религиозного свойства, христианскими, православными стихами, – среди которых есть, впрочем, и профессиональные, и «самодельные» тексты; наконец, в книге, получившей благословение председателя нашей церкви, – напечатана молитва дьяволу. Я понимаю, что эта публикация случилась по недосмотру и нашим грехам (ясно, что патриарх не мог бы благословить такой выбор). С другой стороны, сологубово «Когда я в бурном море плавал...» тоже ведь – религиозное, в своем роде, стихотворение. Смотрите: некий человек молится, присягает сатане, разве это не религиозное проявление внутренней личности этого человека? А вся коммунистическая идеология – от Маркса до Ленина-Сталина, со всеми ее атрибутами и обрядами, – разве не есть извращенное проявление определенной религиозности? В конце концов и современные сатанисты служат свои «мессы», приносят свои «жертвы» и т.д. Так что злосчастные стихи Сологуба (о которых, я думаю, он сожалел в конце жизни, когда написал «Бедный, слабый воин Бога, весь истаявший, как дым...») – тоже есть некая духовная, точнее, антидуховная сущность, тоже «молитва».

* См. предыдущие беседы этой рубрики с поэтами Галиной Климовой (№ 3 (XXXI), 2013), Марией Игнатъевой (№ 3 (XXXI), 2013), о. Константином Кравцовым (№ 4 (XXXII), 2013), Инной Кулишовой (№ 3 (XXXIV), 2014).

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

– *Антимолитва...*

– Вопрос – к кому она обращена. Кстати, характерно, что, взывая к духу тьмы, несчастный Сологуб вольно или невольно использует посыл, заставляющий вспомнить обращение в «Отче наш». Поэт называет дьявола своим «отцом».

Итак, отвечая на ваш вопрос, я все-таки склонен говорить, скорее, не о «религиозной поэзии», но о христианском и о духовном стихотворчестве в православном понимании этого явления, – что для меня особенно драгоценно. В то же время, наверное, почти любой стихотворный текст, в котором обнаруживается сердечное обращение к Вседержителю, искреннее *общение* со Спасителем, Богородицею, ангелами и святыми, где присутствует желание разглядеть свой грех и нелицемерно назвать его; где чувствуется, наконец, мотив *преображения* души человека, – есть, думаю, проявление христианского духа на поэтической почве... В то же время не забудем, что стихи пишут люди, круглосуточно отягощенные страстями, пишут, находясь под воздействием вдохновения, которое, как мы с вами знаем, может приходиться как из одного, так и из другого источника.

Добавлю, что в некоторых стихотворениях, кажущихся мне христианскими, никаких внешних и внутренних знаков христианства может и не быть вовсе, это могут быть стихи о войне, природе или любви, – но я способен воспринимать их как христианскую поэзию, даже если автор никакой религиозной «задачи» перед собою не ставил. Словом, мне кажется, что ответ находится в сердце читателя. Пытаясь выделить в «религиозной», «молитвенной» поэзии нечто «типологическое», – мы, думаю, скорее всего, не избежим разнообразных литературных и духовных искушений и можем зайти куда-то не туда.

– *Так возможно ли вообще как-то определить этот тип поэзии?*

– Про самого себя попробую сказать так: если я заплакал над чьими-то стихами, если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль, на чье-то сокрушение, переданное с максимальным, как я чувствую, напряжением поэтического мастерства этого поэта; когда я в древнем смысле слова умилился и просветленно пережил чужое духовное волнение, – значит, я, скорее всего, воспринял это сочинение и как религиозное тоже. Нередко – и как молитвенное, тем более что слово «молитва» встречается в названиях.

Но в целом, это – очень тонкий вопрос, в подобном тексте должно сойтись множество самых разных гармонических лучей, а читателю еще и неплохо бы уметь обнаруживать в себе «распознавательный» вкус. Ведь благочестивых, порою очень живо зарифмованных «христианских стихотворений» – море, а поэзия в них почти не присутствует.

Но высокоталантливые христианские стихи все-таки существуют, и эта *высокая поэзия* может быть весьма разнообразна в своей форме. Поэт может быть отчасти и стилизатором («А березова кукушечка зимой не кукуват...» у Олега Чухонцева) или рассказчиком домашней истории («В больничной ночи вспоминай свое детство и плачь...» у Игоря Меламеда). Поэт может и «вплавить» свой духовный настрой в

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

очень личную, семейную линию жизни (как это написалось у Юрия Кублановского в стихотворении «Чтобы стало на душе светлее...» или «Как по знаку срываются с крон...»)*. Я, кстати, нарочно привожу имена и стихи наших с вами современников, тех, с кем довелось и доводится общаться.

– Вот вопрос, который мы задаем почти всем поэтам, с кем уже успели побеседовать: с начала 90-х в русской поэзии происходит всплеск духовной лирики, христианские мотивы, образы, темы появляются у очень разных авторов. Можете ли вы назвать какие-то имена или тексты, вам наиболее близкие?

– Я стихов не пишу, так что вы спрашиваете сейчас не стихотворца, но благодарного (надеюсь) читателя... В вашем вопросе содержится интересное определение: «духовная лирика» – то есть соединение душевного и духовного. И это, думаю, весьма точная формула, ведь строго *духовных* современных стихов, с минимумом видимых или невидимых стилизаторских средств – мало. Здесь я почему-то вспоминаю встречу с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, перед его последним отъездом в Вену. В тот вечер он читал мне и духовные, и свои так называемые смешные стихи. Сильное было впечатление.

...Разумеется, у меня есть своя внутренняя «антология» такой современной лирики, которая все время пополняется и обновляется. Кроме упомянутых имен назову покойного ныне Семена Липкина, который всегда был религиозным поэтом. Назову живущую в Саратове Светлану Кекову (почти все ее стихи), Елену Игнатову и Сергея Стратановского, Станислава Минакова и Елену Лапшину, назову и монаха Лазаря (Виктора Афанасьева)... Возможно, мой выбор не вполне соответствует вашему вопросу, ведь многие из этих авторов писали свою духовную лирику и до 1990-х. Скажем, не публиковавшуюся при коммунистах Елену Шварц всегда волновала религиозная тема, причем, в самых разных изводах, подчас рискованных. И это часто проявлялось в ее стихах.

А с «всплеском» последних лет, о котором вы упомянули, я еще продолжаю знакомиться.

– В своей недавней статье о религиозных образах в современной русской лирике критик Илья Кукулин приводит такой эпизод. В ноябре 2009 года на съезде Американской ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований филолог Виталий Чернецкий выступил с докладом о стихотворениях священника Сергея Круглова. Чернецкий доказывал, что соединение постмодернистского письма с христианскими мотивами в стихах Круглова открывает новый путь в русской поэтической традиции. После доклада теоретик культуры Дмитрий Голышко-Вольфсон заявил, что популярность Круглова – очередное свидетельство клерикализации русского общества и что стихотворения Круглова выражают не тягу к культурному обновлению, а консервативные тенденции... Чье из высказанных мнений вам ближе? Отражением чего является нынешний интерес к духовной поэзии?

---

* Стихотворения, упомянутые П. Крючковым, публикуются ниже.

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

– Кажется, для меня оба эти мнения не «ближе», но – «дальше». Открылся ли при «соединении постмодернистского письма с христианскими мотивами» какой-то новый путь в поэтической традиции, пойдут ли по этому «пути» читатели и поэты – покажет время. Я в это пока мало верю, все-таки зарождение традиции – явление более сложное и долгое, чем личный поэтический опыт, пусть и «подхваченный» или «параллельный».

Вообще, мне судить здесь трудно, ведь сам я все-таки тяготею к чтению той поэзии, которая зародилась и развивалась еще до постмодерна. Да и лирика Сергея Круглова для меня, каюсь, пока еще по большей части – сложновата.

Фраза же теоретика культуры о клерикализации и консервативных тенденциях, есть, по-моему, его личный фантом, возможно, сформированный под воздействием тех или иных СМИ. Никаких особенных «новых свидетельств» я не вижу: количество мирян, постоянно читающих Евангелие, исповедующихся и причащающихся Святых тайн, за все эти годы увеличилось не слишком; я сужу хотя бы по одному московскому храму, еженедельными прихожанами которого пытается быть наша семья (это заслуга жены). Твердо верующих в Бога, тех, кто постоянно поддерживает связь с Его Церковью, кто осознанно, смиренно существует в предстоянии перед Ним, старается жить по заповедям, кто не расстается с молитвой, – думаю, совсем не много, это я для себя постепенно осознаю. А внешнего – много. Мне и появление иных «религиозных» произведений кажется порою таким... *внешним*.

О «нынешнем интересе к духовной поэзии» я, простите, знаю не много. Впрочем, вижу, что критики стали посвящать свои статьи или обзоры текстам, которые подходят под ваши слова. Например, они откликнулись на сборники Сергея Круглова и Константина Кравцова, на некоторые циклы Бориса Херсонского и Ольги Ивановой. Из обстоятельных статей вспоминаю интересный, опубликованный «Новым миром» (№№ 3, 4, 2011) целый трактат Ирины Роднянской «Новое свидетельство» – как раз о духовной поэзии в России конца XX – начала XXI века. Но ее личный читательский выбор с моим совпадает не вполне. Некоторых имен мне не хватило, как того же Юрия Кублановского, Липкина.

– *Вы уже несколько лет ведете в журнале «Фома» рубрику «Строфы»... Как находите и отбираете стихи для нее?*

– Названный проект, который в миссионерском журнале (напомню его «подзаголовок»: «православный журнал для сомневающихся») я веду под патронажем «Нового мира», видится мне просветительской антологией духовной лирики *многоадресного* свойства. Подавляющая часть авторов – наши современники, публикующиеся в светских изданиях. Это поэты, в стихах которых обнаруживается тот или иной духовный импульс, подвигающий меня познакомиться новоначальную и православную аудиторию с образцами настоящей поэзии. Я стараюсь включать в подборки такие стихи, в которых этот импульс наиболее отчетлив – звуком, темой, сюжетом.

Но включаю и «чистую лирику», и «гражданскую», и «пейзажную».

Мне также хочется, чтобы публикация в «Строфах» была интересна и самому автору.

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

– *Опять же, возникает вопрос критерия отбора...*

– Хорошие стихи, могущие участвовать в формировании читательского вкуса и помогающие укреплению души человека, – вот мой критерий и моя ответственность как составителя. Ведь я отталкиваюсь от своего собственного вкуса и выбора. Некоторых поэтов этот выбор специально заинтересовывал, у нас возникали темы для редких, ценных разговоров. Вообще, всем поэтам, которые разрешали мне складывать для «Фомы» антологические подборки духовной лирики, я необыкновенно признателен.

В последние годы «Строфы» стали представлять и классические имена давно ушедших мастеров, чьи подборки составлялись с особенным волнением: Анна Ахматова, Борис Пастернак, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский, Николай Рубцов...

Бывало, что некоторые публикации становились открытиями и для меня самого: Александр Солодовников, Николай Стефанович, Геннадий Айги. Случалось и прямое «возвращение долгов» ушедшим поэтам, важным для современной культуры и лично дорогим ведущему рубрики. Вспомню, например, Анатолия Жигулина и Александра Сопровского, Аркадия Пахомова или ту же Елену Шварц. Изредка происходило так, что подборка в «Строфах» оказывалась, представьте, и поэтическим дебютом автора в печати, – как было с Михаилом Иверовым и Ольгой Клюкиной. А бывали и «воскрешения», возвращения имени поэта и его наследия из небытия, как случилось с забытым сельским поэтом Семеном Воскресенским, открытым когда-то Корнеем Чуковским. Я не сумел найти даже фотографию Воскресенского, а после публикации в «Фоме» мне написали земляки с его «малой родины» и прислали на память старые снимки.

Кстати, три года тому назад проходил интересный «круглый стол», организованный журналом «Знамя», он назывался «Поэзия XXI века: жизнь без читателя» (№ 2, 2012), и я там говорил, в частности, как раз о «Строфах»: об особенностях этой рубрики, *о стихах, в которых есть душа.*

...Я очень благодарен «Фоме» и «Новому миру» за этот проект, он многое дал, повторюсь, и мне самому – по части незабываемого читательского опыта. Благодарен писателю и другу Дмитрию Шеварову, ведущему поэтический календарь в «Российской газете», – его советы были бесценны.

Десять лет прошли быстро, вот мне только что принесли февральский номер «Фомы» со стихами Максима Калинина из Рыбинска. Во вступлении к его подборке я написал, что это первый случай, когда автор «Строф» публикуется одновременно и в «Новом мире», и в «Фоме», – так я отметил и 90-летие нашего старейшего литературного журнала.

– *Павел, вопрос к вам как к исследователю Чуковского и вообще истории русской детской поэзии. До революции существовал целый пласт духовной поэзии для детей... Не слишком, может, замечательной – и тут я согласен с теми, кто, вслед за Цветаевой, считает, что качественная поэзия для детей возникла именно в советское время, в 20-е – 30-е годы. И все же – в воскресных школах сегодня, насколько можно судить,*

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

разучиваются и читаются именно те дореволюционные стишки. Похоже, что за неимением лучшего... Как обстоят дела с современной духовной поэзией для детей?

– Конечно, правы и вы, и Марина Цветаева. И все-таки до революции – наряду с очень дидактическими и немusыкальными виршами – печатались и славные духовные стихи для детей. Но – изредка. Тут я отсылаю к уникальной антологии, составленной старейшей питерской исследовательницей детской литературы Евгенией Путиловой, – трехтомнику «Четыре века русской поэзии детям». Там, в первом томе, есть на что обратить внимание.

Интересные (и опять же редкие) образцы хорошей христианской поэзии встречались в антологиях издательства «Никея». Но проблема, действительно, существует.

Соединить благочестивый духовный посыл с пониманием психологии верующего ребенка – особенно современного, – и соединить талантливо, вдумчиво, без заигрываний, с одной стороны, и сухого проповедничества – с другой, – мало кому удавалось и удается.

И я готов отнести чудесное стихотворение светского поэта, классика детской литературы Михаила Яснова о переживаниях малыша после кончины его деда («Умер дедушка. Тихо в квартире...») – именно к современной духовной поэзии. Горячо желаю учителям воскресных школ иногда читать его своим воспитанникам. Эти стихи, говоря по-пушкински, пробуждают «чувства добрые». Они обращены к душе ребенка.

А среди воцерковленных стихотворцев, пишущих духовную лирику для детей, среди тех, кто читает (и поет!) ее на приходах и в воскресных школах, назову любимого мною московского поэта, лауреата премии Чуковского – Петра Синявского. Помогай ему Бог.

Олег ЧУХОНЦЕВ

А березова кукушечка зимой не кукуват.
Стал я на ухо, наверно, и на память глуховат.
Ничего опричь молитвы и не помню, окромя:
Мати Божия, Заступница в скорбех, помилуй мя.

В школу шел, вальки стучали на реке, и в лад валькам
я сапожками подкованными тукал по мосткам.
Инвалид на чем-то струнном тренькал-бренькал у реки,
все хотел попасть в мелодию, да, видно, не с руки,
потому что жизнь копейка, да и та коту под зад,
потому что с самолета пересел на самокат,
молодость ли виновата, мессершмит ли, медсанбат,
а березова кукушечка зимой не кукуват.

По мосткам, по белым доскам в школу шел, а рядом шла
жизнь какая-никакая, и мать-мачеха цвела,

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

где чинили палисадник, где копали огород,
а киномеханик Гулин на бегу решал кроссворд,

а наставник музыкальный Тадэ, слывший силачом,
нес футляр, но не с баяном, как всегда, а с кирпичом,
и отнюдь не ради тела, а живого духа для,
чтоб дрожала атмосфера в опусе «полет шмеля».

Участь! вот она – бок о бок жить и состояться тут.
Нас потом поодиночке всех в березнячок свезут,
и кукушка прокукует и в глухой умолкнет час...
Мати Божия, Заступница, в скорбех, помилуй нас.

Игорь МЕЛАМЕД

В больничной ночи вспоминай своё детство и плачь:
и жар, и ангину, и окна с заснеженной далью.
Придет Евароновна к нам, участковый мой врач,
и папа ей двери откроет с бессонной печалью.

И мама грустна. И в глазах её мокрая муть.
Одна Евароновна с радостью необычайной
то трубкой холодной вопьется мне в жаркую грудь,
то в горло залезет противною ложкою чайной.

Я с ложкою этой борюсь, как с ужасным врагом.
– Ты скоро поправишься, – мне говорят, – вот увидишь...
Потом Евароновне чаю дают с пирогом,
и с мамой весёлой они переходят на идиш.

Ах, Ева Ароновна, если ты только жива,
склонись надо мной, сиротою, во тьме полуночной.
В больничном аду повтори дорогие слова:
– Ты скоро поправишься с травмой своей позвоночной.

Попей со мной чаю, а если ты тоже в раю,
явись мне, как в детстве, во сне посети меня, словно
ликующий ангел, где чайную ложку твою
приму, как причастье, восторженно, беспрекословно.

2000

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Как по знаку срываются с крон
в ближнем Страхове – бедном посёлке
нешумливые стаи ворон,
словно брошены тучам вдогон
вверх скуфейки, ермолки...

«Если мое внутреннее существо живо отозвалось на чужую боль...»

Третий год притекаю сюда,
ветеран, незадачливый воин,
тот, что брал и сдавал города,
в холода
отдышаться у дымных промоин.

У твоих полыней, омутов
и раakit я ветшать не готов.

Для Второго Пришествия тут,
для какой-то невиданной цели
уже прибраны хлев и закут
со снежком, залетающим в щели.

В темноте родового гнезда
ты со мною на *вы*:
– Вы не спите? —
Нет, не сплю: дожидаюсь, когда
над некрепкою кровлей звезда
вдруг проклюнется в мутном зените.

2004

Михаил ЯСНОВ

Без дедушки

Умер дедушка. Тихо в квартире.
Только мама нет-нет да вздохнёт.
Двину пешку е-2 – е-4
И за дедушку сделаю ход.

И за дедушку гляну в окошко,
Посмотрю, что творится внизу.
И за дедушку утром картошку,
Встав пораньше, домой принесу.

Не читается новая книжка.
Не бежится к ребятам в подъезд.
И за дедушку младший братишка
Больше ложку овсянки не ест.

Павел КРЮЧКОВ

«Научить свой народ...»

Корней Чуковский – составитель сборника библейских преданий для детей

Летом 1968 года давно разменявший девятый десяток Корней Чуковский сделал в своем дневнике лаконичную запись:

Была у меня Мария Вениаминовна Юдина. Принесла мне религиозные брошюры и журналы с портретами епископов и архиереев. Очень жалела, что у меня нет пианино: хотела сыграть мне Мусоргского. Из вежливости я скрыл от нее, что я не верю в Бога и ничего не смыслю в музыке.

Интересно, догадалась ли великая пианистка об этой «скрытности»? Вряд ли. В христианском порыве *поделиться* ей было, возможно, не до того. Да и, судя по воспоминаниям людей, знавших ее, Мария Вениаминовна была, что называется, *Божьим человеком*, живущим вне распространенной и общепринятой светской этики.

Однако, я также вполне могу предположить, что она просто-напросто априори посчитала Чуковского верующим. Ну а как же иначе: просветитель-литературовед, переводчик, знаток детской психологии, создатель волшебных сказок, заступник за гонимых, давший приют Солженицыну... Наконец, многолетний собеседник великих мастеров слова, многие из которых были верующими. А может, Юдина узнала о том, что Корней Иванович редактирует уникальную для своего времени книгу «Вавилонская башня» – сборник популярных пересказов ветхозаветных сюжетов для детей среднего и старшего возраста?* Бог весть.

Но за последним предложением в дневниковой записи Чуковского я чувствую нечто большее, чем просто деликатное отношение к пылкому проявлению чьей-то религиозности. Глубоко-глубоко за этой «вежливостью» – неподдельная боль и печаль.

---

* Книга вышла лишь в годы горбачевской «перестройки».

* * *

Прежде чем рассказать о книге «Вавилонская башня», сообщу об одной своей догадке и попрошу читателя не счесть мое сравнение кощунственным. И прежде спрошу себя: какие слова – на русском языке – звучат в России круглосуточно и всегда, – от прибалтийских границ до Приморья, с севера и до юга?

Ну конечно, молитвы.

Они звучат на богослужениях, звучат из уст верующих – в продолжение дня – мысленно и вслух; звучат дома, утром и «на сон грядущий». И в эту самую минуту, когда я набираю свой текст на компьютере, кто-то молится и где-то в нашей стране идет православная служба.

Поверьте, но то же самое – в отношении времени – относится и к стихотворным сказкам Корнея Чуковского для детей. Они звучат круглосуточно. Эти поэмы написаны для чтения вслух, для чтения старшими – младшим. На протяжении нескольких десятилетий сказки Чуковского продолжают оставаться самым первым нашим чтением.

Правда, читаем не мы. Читают – нам.

И в продолжение дня. И – в миллионах семей – малышам «на сон грядущий». Когда-то и мы с вами были этими малышами. Вот только мы всего этого совершенно не помним, ведь нам тогда было всего лишь два года от роду.

...И в эту самую минуту, вы думаете, хотя бы один человек не читает вслух Чуковского? Читает. Ведь в каком-то регионе нашей страны в этот самый момент готовят и готовят ко сну, укладывают в кроватки детишек, берут в руки книгу. Вот тут-то и звучит то самое:

«Одеяло убежало, улетела простыня...»

«Муха, Муха-Цокотуха, позолоченное брюхо...»

«Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит...»

«Маленькие дети, ни за что на свете...»

«Ехали медведи на велосипеде...»

Словом, покажите мне человека, который не знает, откуда позвонил слон: «У меня зазвонил телефон. – Кто говорит? – Слон. – Откуда?..»

За четверть века моей работы в мемориальном музее Чуковского я не встретил ни одного человека (из тех, что с младенчества говорят по-русски), кто бы не сумел ответить на вопрос – откуда говорит этот Слон. А я задаю сей вопрос в нашем музее бесконечно, чтобы показать укорененность Чуковского в языке. И мое вопрошание, и дружные ответы посетителей на него всегда оказываются веселым представлением.

Во время одного из таких представлений мне и пришло в голову, что *голос* Чуковского звучит в нашей стране круглосуточно, каждую секунду. И длится это уже не менее полувека. Разве это не чудо?

* * *

Но вот чуда *обращения* Корнею Ивановичу обрести не удалось. Конечно, когда-то Нон, незаконнорожденный питерский «байстрюк», скоро перевезенный мамой в

Одессу, – был крещен в раба Божия Николая. В энциклопедиях пишут, что его настоящее имя – Николай Васильевич Корнейчуков. Отчество здесь – от имени приемника (не то брата матери, не то крестившего священника); фамилия – мамина. Из этой фамилии он в будущем и сложит свое литературное имя «Корней Чуковский», «разбавив» его нейтральным «Ивановичем».

Мама Корнея Ивановича всю жизнь была религиозна, молилась за сына. Когда в самом начале прошлого века он, будучи успешным журналистом, оказался в европейской командировке, она посылала ему туда, в Лондон, пасхальные куличи. К ее вере он относился по-сыновьи, с почтением.

В книге «Памяти детства» Лидия Корнеевна Чуковская пишет, вспоминая о жизни семьи в финском поселке Куоккала:

Если бабушка приезжала на Пасху, то синие, зеленые, красные, желтые яйца – «крашенки» – появлялись у нас на столе, высились на блюде веселой горкой, сразу превращая наш буднично-стол в праздничный. Бабушка Екатерина Осиповна была набожна. У нас дома икон не водилось, в церковь нас не посылали, но, чтобы не обидеть бабушку, накануне ее приезда вешали в детской, где она поселялась вместе со мною и с Бобой, любимую ее икону Николая Чудотворца и зажигали лампадку. Веселыми ногами бежали мы встречать ее на вокзал...

Вы, конечно, заметили в этом этюде оборот из пасхальных песнопений.

...Корней Иванович воспользовался им и в своем последнем эссе «Как я стал писателем», прочитанном, за два месяца до кончины, по радио:

Главное, что облегчает мне тяготы моего нынешнего стариковского быта, наполняет его живым содержанием, это, конечно, работа. Целодневная работа, с утра до вечера. Чуть только я встаю спозаранку, я тотчас же *веселыми ногами* бегу к одному из своих рабочих столов и пишу не отрываясь от бумаги часа три или четыре подряд, ибо до нынешнего дня – а мне уже 88-й год – я все еще не бросил пера. Отнимите у меня перо – и я тотчас же перестану дышать...

Вот этот чудесный образ, из 5-й песни: *Утренюем утреннюю глубоко и вместо мира песнь принесем Владыце, и Христа узрим правды солнце, всем жизнь возсияюща. Безмерное Твое благоутробие адовыми узами содержимии зряще, к свету идяку Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную.*

* * *

До октябрьской революции, будучи известным литературным критиком и уже с 1910-х годов – исследователем детской психологии и детской литературы, Чуковский написал несколько статей о религиозном воспитании детей – *изнутри культуры, изнутри словесности*. В иных его статьях (например, «Малые дети и великий Бог») содержалось немало здравых, интересных соображений и наблюдений. Но тут я отсылаю к очерку Ирины Лукьяновой «Не отрывайте хвосты головастикам», напечатанному в октябрьском номере журнала «Фома» за 2009 год.

Однако то – время дореволюционное.

Просветительское же дело, напрямую связанное с пересказами библейских сюжетов, за которое он взялся в середине 1960-х, – было и остается беспрецедентным.

* * *

Итак, озабоченный тем, что миллионы его современников, посещая картинные галереи, читая стихи Пушкина и Лермонтова, употребляя в повседневной речи выражения вроде «на седьмом небе» или «внести свою лепту», – были и остаются, как он сам говорил, *обкраденными*, – Чуковский решился на почти безумное предприятие.

Он знал, что советские дети да и родители решительно не понимают смысла многих сюжетов и образов, пришедших в культуру из Библии, – и задумал составить популярный сборник пересказов основных сюжетных линий Ветхого Завета (о Новом, понятно, речи быть не могло, в будущую книгу «прорвалась» только Христова притча о блудном сыне).

Заметим, что инициатор издания и часть приглашенных им авторов были людьми не религиозными. Когда работа над сборником «Вавилонская башня и другие библейские предания» закончилась, составитель написал к нему предисловие.

...Прочтите в нашей книге историю блудного сына – и вы поймете, почему Рембрандт и другие художники так любовно изображали ее в своих гениальных картинах. Вы узнаете о жалкой судьбе безумного юноши – «блудного сына», который, не слушая уговоров отца, стал вести разгульную, праздную жизнь и в конце концов чуть не погиб. Только возвращение в родительский дом спасло его от неминуемой гибели. И как великодушен отец, простивший ему все свои обиды и слезы! Из этой книги вам будет нетрудно узнать, кто такой был юный Давид и с каким великаном он так хорошо сразился ради того, чтобы спасти свою родину.

Здесь, в этой книге, мы попытались пересказать для детей несколько чудесных легенд древнего еврейского народа, которые вот уже тысячи лет волнуют миллионы сердец – так они прекрасны и мудры. Недаром в течение многих веков замечательные скульпторы, живописцы, поэты создали по этим легендам столько бессмертных произведений искусства. Легенды эти собраны в книге, которая называется Библия. Религиозные люди верят, будто эта книга священная и будто она продиктована с неба самим Господом Богом, который хотел научить свой народ, как ему жить и трудиться.

В ходе работы с издательскими редакторами и цензорами «Вавилонская башня» претерпела большие мытарства. От составителя требовали убрать слова «Бог», «ангелы», «евреи» и даже «Иерусалим». Но даже появление в рукописи «волшебника Ягве» издание не спасло. В 1967 году книгу отпечатали и тут же весь тираж уничтожили. В новейшее время – на рубеже 1980-х и 1990-х – сборник вышел, но составитель и некоторые авторы до этого события уже не дожили.

Это, конечно, была совсем не «Библия для детей». Верующий человек пролистает ее, скорее всего, с сочувствующей улыбкой.

Из дневника измученного цензурными придирками составителя:

Я жалею, что согласился составить эту книгу. Нападут на меня за нее и верующие, и неверующие. Верующие – за то, что Священное писание представлено здесь как ряд занимательных мифов. Неверующие – за то, что я пропагандирую Библию... (1965)

* * *

И все-таки воздадим должное престарелому литератору, тем более, что в его «проекте» участвовали замечательные писатели: поэт Валентин Берестов, переводчики Наум Гребнев и Татьяна Литвинова, прозаики Вера Смирнова и Геннадий Снегирев... Когда-то исследователь детской литературы и архивист Владимир Глоцер рассказал мне, что одну из глав «Вавилонской башни» («Виноградник Навуфея») подготовил, укрывшись за чужим именем, будущий протоиерей Александр Мень.

О том, почему издание в те годы погибло, несмотря на выполнение почти всех требований советской цензуры, рассказывал в послесловиях к «раннеперестроечным» изданиям «Башни» Валентин Дмитриевич Берестов:

Книгу уже отпечатали, и Чуковский в интервью газете «Труд» упомянул о «Вавилонской башне». Был самый разгар «великой культурной революции» в Китае, хунвейбины, заметив публикацию, громогласно потребовали размозжить собачью голову старому ревизионисту Чуковскому, засоряющему сознание советских детей религиозными бреднями. Запад отозвался заголовком «Новое открытие хунвейбинов», а наши инстанции «отреагировали» привычным образом...

Я разыскал пожелтевшую вырезку из «Труда» от 31 декабря 1964 года. О будущем сборнике там было сказано всего два предложения, но оказалось, что и этого достаточно для гибели книжки. «...Сейчас я затеял издание библейских рассказов – древних мифов, пересказанных для детей. Ведь малышам, слышащим о “Ноевом ковчеге” и “Блудном сыне”, надо знать, что это такое...»

Кстати, в своих предисловиях Берестов всегда оговаривался, что «Вавилонская башня» – «не пособие для воскресных школ, не пропаганда религии, но в то же время и не коварная попытка атеистов – хотя художник (гениальный Леонид Фейнберг – П.К.) и некоторые пересказчики были и в то время горячо верующими людьми, – превратить священное предание в детские сказки». И сравнивал светский, мирской дух «Башни» с картиной Рембрандта «Возвращение блудного сына», чье очарование с пронзительной силой воспел в своем вступлении к сборнику Корней Иванович.

* * *

Я закончу тем, с чего начинал. У меня есть предположение, что «Вавилонская башня» не была для Корнея Ивановича исключительно «головной» историей. За ней, думается, пряталась настоящая боль за «обкраденные» поколения маленьких и больших соотечественников.

Ведь он хотя бы знал, о Ком и о чем идет речь.

И сознавал свою ответственность перед теми, кого обокрали.

Потому и решился попробовать.

Павел КРЮЧКОВ. «Научить свой народ...»

В 1925 году в просторном письме своей живущей в Америке «болельщице» Раисе Ломоносовой Чуковский писал:

...На мне лежала могильным камнем книга по истории и теории литературы, начатая давно и тоже затормозившаяся из-за всяких тягот и напастей. Теперь я принялся и за нее, и вот на будущей неделе кончаю. Чуть выйдет из печати, пришлю Вам – «Твоя от Твоих»...

В те годы многим еще был знаком этот литургический благодарственный возглас. В середине же 1960-х, когда Корней Иванович взялся за «Вавилонскую башню», помнящие его оказывались такой же редкостью, как и те, кто сумел бы объяснить библейский сюжет на музейном полотне средневекового мастера.

«Бог сохраняет все», – говорили древние латиняне. Время, кажется, – тоже. Только сейчас, складывая эти заметки о сборнике библейских преданий, я заметил, что в самых первых публикациях как отдельных пересказов, так и всей рукописи (журнал «Наука и религия», 1988, и газета «Книжное обозрение», 1989) Господь Бог назван еще «великим Ягве».

Но в выпущенной ровно четверть века тому назад (1990) книге с рисунками Л. Фейнберга Он снова стал Богом. Как и было изначально, до всякой цензуры.

Александра ДАВШАН

«Родина детства, храни тебя Бог от метелей...»

1940-е – 1950-е годы в лирике Александра Файнберга

От редакции. В ноябре 2014 года литературная общественность Ташкента отметила 75-летие со дня рождения Александра Файнберга (1939–2009) – поэта, переводчика, сценариста, Народного поэта Узбекистана (2004), автора пятнадцати сборников стихов и многочисленных публикаций в журналах «Арион», «Звезда Востока», «Новая Волга», «Новый мир», «Юность»...

Мы публикуем статью известного ташкентского литературоведа Александры Давшан, посвященную теме детства в стихах поэта.

В оглавлении поэтических сборников Александра Файнберга вместо привычных заголовков иногда стоят цифры: 1941, 1942, 1943, 1952. Отчасти они узнаваемы. Это даты мировой истории – и это детские годы поэта. Отсюда – совмещение в лирическом герое ребенка, подростка из давно прошедшего – и взрослого, вглядывающегося в прошлое. Авторское кредо известно – непричастность к «чуждым думам, чужой наковальне, чуждому жнивью» и пребывание в своих пределах: «любая нива, но моя».

В исторических рамках хронологически первое стихотворение – «1941».

Поет войну седая медь.
Подковы лупят в мостовую.
Сомкнуло время жизнь и смерть
В нерасторжимом поцелуе.

Умолкло даже воронье.
Любимая да не обманет.
Но машет варежка ее
Уже вдали, уже в тумане.

Ломается осенний лед.
И вздох прощальный геликона
Упасть на землю не дает
Платку, летящему с балкона.

Здесь маленького героя еще нет; он живет в ранее созданном «Детстве», в ожидании каникул и с мечтой о леденцовом петушке. Смысловый акцент стихотворения «1941» подчеркивает патриотический подъем начала войны: «Поет войну седая медь. / Подковы лупят в мостовую...» Это соответствует первому испытанию – разлуке, на годы или навсегда. Вспомним известную «Песню о солдатских сапогах» Булата Окуджавы: «И снова переулком сапоги... И женщины глядят из-под руки...».

В стихотворении Файнберга неопределенность военной судьбы («Сомкнуло время жизнь и смерть») должна раствориться сейчас, теперь, – и замениться очень личным, неприятзательным, чтобы не исчезла уверенность: «любимая да не обманет». Образы предельно просты и материальны – варежка и платок. Но как же они, как и любимая, беззащитны! У Окуджавы страдает героиня: «Уходит взвод в туман, туман, туман...». У Файнберга – лирический герой: «Варежка ее вдали, уже в тумане».

Постоянная деталь в русской любовной лирике – женский платок. В военной поэзии «синенький скромный платочек» символизирует верность. Падать платку не положено, он должен быть «на плечах дорогих». У Файнберга не падающий, летящий платок – в воздушном потоке от трубы геликона.

Торжественной музыкой начато стихотворение, прощальным ее вздохом завершено.

А вот варежка и платок как личные детали продолжают жить в стихах поэта. Теперь варежка на руке подростка («Креолка и бык») и хранит записку с признанием в любви.

«Снегопад» – плач о потерянной любви. Обязательные для жанра плача повторы – «тебя здесь нет. И все же ты повсюду» – соединяют отчаяние и надежду. Образ любимой, как ни в каком другом стихотворении, предельно конкретен. Вспомнута все: «Плещется пальто; сумка мерцает пряжкой ледяною, на тонком ремешке через плечо покачиваясь в такт твоим шагам; ветер из тоннеля едва колыхает волосы твои; карие глаза, летящие, как ножи; жаркое монгольское дыханье и варежка с оленем белым».

Платок – психологическая деталь в стихотворении «Я с весны уж на кладбище не был...».

Я с весны уж на кладбище не был.
Вдруг увидел, ступив на порог,
что не снег это падает с неба,
а единственный мамин платок...

Время, место, действия лирического героя подчиняются иным законам. В «Снегопаде» все движется любовью. Январский снег на всей земле, и в январской земле продолжается поиск. Во втором стихотворении время меняется: была весна, а здесь – ноябрь. Место – и кладбище, и порог дома. Состояние героя проходит разные фазы: бездействие (не был) – неожиданное виденье (увидел) – вернув-

шаяся мысль (вспомнил). Меняется символика платка – в «1941» он еще не падает, то есть жизнь возможна. Здесь он единственный и падает, как снег с неба, – жизнь кончилась...

Поворот в мировой войне наметил 1943 год. Эти цифры в заголовках стихов встречаются дважды, но Файнберг пишет не о войне.

В какие бы мы гении ни вышли,
мы все-таки не видели войны.
Ровесники, ну кто из нас напишет:
«Я знаю, никакой моей вины...»?

Там жизнь и смерть. Там перед правдой голой
все образы, все ритмы не в цене.
И потому грешить мне чем угодно,
но только не стихами о войне.

Сонет «Ташкент. 1943» и стихотворение «1943» связаны только датой в заглавии. В одном случае «тыла снежная погода», в другом – «плывет по тылу медленное лето».

Над мастерской сапожника Давида
на проводах повис газетный змей.
Жара. По тротуару из камней
стучит к пивной коляска инвалида.

Полгода, как свихнулась тетя Лида.
Ждет писем от погибших сыновей.
Сопит старьевщик у ее дверей,
разглядывая драную хламиду.

Плывет по тылу медленное лето.
Отец народов щурится с портрета.
Под ним – закрытый хлебный магазин.

Дом в зелени. Приют любви и вере.
Раневскою добытый керосин.
Ахматовой распахнутые двери.

Сюжетные детали – телогреечка, винтовка, инвалид, погибшие сыновья – окружены деталями описательными и психологическими исключительно бытовыми. В этой обыденности трагедия народа, ужас, – пусть даже вокруг не звучат выстрелы. Поэтический сюжет повествует не об одном из рядовых событий, а о главном и единственном. О *событии* как сущности лирического мира. В стихах Файнберга о 1943-м годе таким событием становится жизнь тыла.

Она, кстати, возникает и в свидетельствах очевидцев тех событий.
Из ташкентских тетрадей Георгия Эфрона:

3.1.43. За эти несколько дней моя жизнь успела перевернуться. 31-го числа был вывешен

приказ о призыве граждан 1925 года рождения на действительную военную службу. Кому я оставлю мои дневники и книги?

5.6.43. Есть хочется дико, но денег нет. Мой маршрут таков: пойти в гастроном, посмотрю, если там что-либо, если есть, то буду стоять в очереди, предварительно продав книгу стихов Ахматовой, т.к. денег нет ни гроша. Эх, не хочется мне продавать эту книгу, потому что там очень много замечательных стихотворений.

Все книги продал... И даже все книги Марины Ивановны. И был сыт. Продавая эти книги, я гораздо более ощущал себя преступником¹.

Из воспоминаний ровесника Георгия Эфрона, Маъсуда Расули:

В 1941-42 учебном году я учился в 8 классе самаркандской школы № 21. Из окна классной комнаты, выходящей на Ташкентскую улицу, зимой часто можно было видеть, как мимо школы движется телега, нагруженная доверху телами людей, умерших за прошедшую ночь прямо на улицах Самарканда. Умершие – это были эвакуированные из западных районов страны, занятых к тому времени немцами. В городе многие нигде не смогли устроиться, они погибали от холода и голода... Вскоре помещения школ в городе стали забирать под военные госпитали для нескончаемого потока раненых... Старогородская школа поблизости от нашего дома объединилась с другой школой, находящейся в новом городе, так что туда я уже не мог добраться. И в военные годы я вынужден был прервать учебу².

Написанная в 1943 году ахматовская строка «А умирать поедом в Самарканд, на родину предвечных роз» – не дань восточной экзотике. Это было трагической правдой. Упоминание книг Ахматовой в записях Эфрона – как свет, которым завершается «Ташкент. 1943» Файнберга: «Ахматовой распахнутые двери».

Предчувствие прошедшего – так можно определить стихи поэта с датами.

Военные годы без указания дат, которых нельзя не знать, – в композиционной основе лирической поэмы «Изабелла». Испанские дети в Москве – середина тридцатых. Польская земля в руинах – 1939-й. Рождение сына за ночь до начала войны – 21 июня 1941 года. Граница, Брест – 22 июня 1941 года. Гетто, печь, зола, – с 1942 года и дальше. Таков комментарий Александра Файнберга ко Второй мировой войне.

Безмятежно и светло начинается стихотворение «1952».

У апреля зеленые тени.
И открыто окно поутру.
Чья-то песенка там, за сиренью,
Чей-то легонький шарф на ветру.

Ночью град прогулялся по крышам.
Мне двенадцать. Ни бед, ни утрат.
Где-то горлинка горлинку кличет.
Где-то мама с отцом говорят.

Возможно, сегодняшнему читателю цифры «1952» ничего не скажут – никаких, вроде бы, значимых событий в мировой истории не происходило. Достижения в восстановлении послевоенной жизни скрывали новую волну репрессий. До «холодного лета 53-го года» было еще далеко.

Где-то, где-то тележка менялы
через дворик везет облака.
В старом доме – прохлада подвала.
В старом доме – сквозняк чердака.

Казалось, мир лирического героя-подростка ограничен незначительными проблемами, но именно в их круге происходит развитие его души. В ранние годы ребенок мог только присутствовать. Теперь он, наблюдая, действует. Драка с ябедой и лгуном – не просто школьные «разборки», а тающее доверие к справедливости у подростка...

Переход от детской защищенности незнанием к неясной еще самому реакции на происходящее, увиденное, услышанное – лейтмотив стихов о детстве. Все запретное помещается в одну строфу без всякой оценки:

Там я тайно курю сигарету.
Вымыт лестницы шаткий пролет.
Слышен крик из квартиры соседа.
Дверь распахнута. Обыск идет.

Казалось бы, стихотворение «Детство. Фрагмент» о том же: «Девятое. День Победы. Радуга. Синее небо. Я собираю льдинки. Подкидываю. Смеюсь». Но тема *запрещенного* становится слышнее: «У моего соседа обыскан и дом, и сад... Машина с огромной будкой стоит у ворот соседа... Выносят из дома фикусы... В будку бросают картины...»

Мальчишеское увлечение техникой еще приводит к обыкновенной детской просьбе: «Дядя шофер, прокатите. Немного. До перекрестка. Я по дверце стучу. Дядя шофер смеется: «Когда-нибудь прокачу».

В детском мире Файнберга детали спокойно-описательные. Неявный параллелизм усиливает принципиальную несовместимость: «Начальник стругает прутик. Горит золотая фикса... Наша училка по русскому – это соседа жена. Заплаканная и грустная стоит у ворот одна».

Именно в этих «взрослеющих» стихах зарождается интерес к звуку и к слову. То, что «мама с отцом говорят», – обычно. Но вот горlinkка горlinkку кличет, – на птичьих сигналы, достаточно распространенные, надо обратить внимание. В первое мгновение крик всегдастораживает. Песенный мотивчик может вертеться в голове даже независимо от нашего желания. Но Клавдия Шульженко напоминает – «не надо письма наши старые читать». А Леонид Утесов не забудет: «Есть море, в котором я плыл и тонул, и на берег вытащен, к счастью. Есть воздух, который я в детстве вдохнул и вдоволь не мог надышаться...».

Слово персонифицируется. У арестованного соседа, помимо важных для подростка заслуг – «Он был на войне командиром», – оказывается еще одна, не характерная – «знает стихи наизусть».

Непосредственное погружение в атмосферу поэзии происходит так же неожиданно на школьном вечере («Школа»). Вместо привычного «Письма Татьяны» про-

читан «Андрей Шенье». Реалистическая точность описания, психологизм деталей, сложный поэтический синтаксис, передающий меняющуюся интонацию, создают живую картину:

Ах, Пушкин!
В нашу школу?
Вы?
В каком краю? В какой стране?
О чем она?
Андрей Шенье?!

«Андрей Шенье» – прорыв в *запрещенное*. Пушкинские строки в стихотворении не цитируются. Однако лирический сюжет через реакцию слушателей-школьников раскрывает, что слова «подозрение», «преступление», «оплачьте», «гроза пройдет», «свиток верный» отгаданы. Иначе как понять: «И вдруг среди зала, в тишине – С ума сойти? – Андрей Шенье». Ведь он в последний раз обращается к друзьям – и наступит смерть.

Образ мальчика – идеальный образ поэта. «Мальчик пишет стихи. Он поэт. Он не может иначе... Чтобы побоку мир, да и все, что творится на свете, – мимо... Так... невзначай... И с открытым лицом перед смертью. Мальчик пишет стихи, никого, как всегда, не кляня».

Явное противопоставление его – себе нынешнему: «Я давно уже так не умею... Я смотрю на него и немею». «Я» в стихотворении – это голос лирического героя, осознавшего, что жизнь прошла и плакать бесполезно. Возможно, самое горькое стихотворение у Файнберга.

...Так рос поэт в сороковых годах двадцатого века. Его родина детства – вся земля с ее красотой и тревогами, мир тех лет. Его черты, как и детские мечты, еще много раз встретятся в поэзии Файнберга, но совсем по-другому...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эфрон Г. Дневники. В 2-х т. Т. 2. – М.: Вагриус, 2007. С. 142, 252, 261, 284.

² Расули М. Исповедь. – Т.: Укитувчи, 2000. С. 79-80. Маъсуд Маруфович Расули (1925–1996) – литературовед, доктор филологических наук.

Альбина МАРКЕВИЧ

«Счастливых снов и дней!..»

Воспоминания о ташкентском детстве (1930-е – 1940-е годы)

За что?

Ярко горит лампочка под абажуром в спальне, хотя за окном еще светло. Я не могу понять, в чем провинилась, за что мама больно шлепнула меня и не разрешила выходить из комнаты. Реву не от боли, а от обиды... Спас папа – вошел, присел на корточки рядом. Мама, вдруг успокоившись, ушла. А лампочка горела так ярко... Наверное, из-за слез. Было мне лет пять, а помнится до сих пор, потому что было непонятно: за что?

Вопрос этот остался со мною на всю жизнь вместе с именем, которое родители нашли для меня в повести Льва Толстого «За что?». Главная героиня повести Альбина Мигурская своей стойкостью и любовью потрясла их воображение.

Когда свершается со мной что-то или неожиданно обидное, или, наоборот, удивительно прекрасное, я спрашиваю про себя, а иногда и в голос – за что?..

Родители

Они поженились совсем молодыми, когда работали в Штабе Туркво*. Мою маму, Тamarу Васильевну, после окончания Ташкентской женской гимназии, приняли туда секретарем-машинисткой. Приходилось печатать приказы по армии под диктовку Фрунзе и Куйбышева, которые к скромной черноглазой девушке относились покровительственно. Это было своеобразной формой защиты ее от многочисленного воинского окружения. Но она и сама умела за себя постоять.

И вот появился новый рассыльный, стройный белокурый юноша с большими светлыми глазами, говоривший с легким польским акцентом. Звали его Витольд Маркевич. Получая у нее почту, он забавно шутил, потом стал приглашать погулять в ближнем парке. Она познакомила его с сестрами и родителями, жившими рядом, напротив «Колизея»**.

* Туркестанского военного округа. (Прим. ВС.)

** Ныне – в перестроенном виде – здание Товарно-сырьевой биржи. (Прим. ВС.)

Как-то все у них быстро сладилось и – на целых пятьдесят лет.

Друзей у папы было немного. Один слишком настойчиво называл себя другом, а потом оклеветал папу, стал причиной его ареста*.

Мама запретила нам даже смотреть в его сторону.

Кукла ростом с меня

Тетя Маруся, мамина старшая сестра, и ее муж, дядя Арменак, имели свой магазин, который был там, где потом открыли военторг, а теперь стоит гостиница «Ташкент». Мы с мамой часто бывали здесь, особенно в детском отделе: на какие чудеса тут можно было насмотреться!

Но главное чудо случилось в день моего пятилетия: мне подарили куклу с меня ростом. Она шагала, говорила и разводила руки. Ее сняли с витрины закрывшегося неожиданно магазина, о чем я узнала много позже.

А пока я созываю соседских ребят и мы прыгаем, визжим и дергаем нарядную куклу каждый к себе, – чуть не сломали!

Потом она спасла нас от безденежья, когда мы остались без поддержки тети Маруси, переехавшей с семьей в Степанакерт, а папа был неожиданно арестован...

Мы с мамой и тетей Стасей, папиной сестрой, ходили по мягкой пыльной дороге в Таштюрму: носили передачи, ждали свиданья.

Я любила немного отстать по дороге и шлепать ногами по пыли. Она так смешно пыхтела и разлеталась!

Кошке – смех, а мышке – слезки!

Мама часто готовила со мной какие-нибудь выступления и для садика, и для домашних праздников.

Однажды собравшиеся на какой-то праздник гости приготовились смотреть мое выступление, которое мы с мамой отрепетировали накануне. Сначала я, в специально сшитом платье, стоя на стуле, читаю стихи Пушкина и Чуковского. Потом пытаюсь танцевать. Выделываю балетные па и... неловко грохаюсь на пол. Все хохочут.

Поднявшись, сердито бормочу:

– Кошке – смех, а мышке – слезки! – и убегаю, решив, что откажусь от балета, лучше буду читать стихи: за них аплодируют!

К папе в Зангиата

Не очень понимаю, куда исчез любимый папа. А мама не посвящала меня в эти горестные обстоятельства. И вот радость: едем к папе!

Весна. Дождь. Поздний вечер. На открытой остановке автобуса, кроме нас, почти никого нет. В отдалении – две-три фигуры. Нет и автобуса. Ледяной ветер пронизывает до костей. Прячусь в маминых объятьях, но и она дрожит! В подъехавшем стареньком автобусе отогреваемся не сразу. Засыпаю на коленях у мамы и во сне

---

* Он был полностью реабилитирован в 1952 году.

чувствую непривычный горьковато-сладкий запах. Это мы выехали за город, в степь.

Папа живет на поселении и вместе с ссыльными учеными – медиками и биологами – занимается борьбой с малярией. Он показывает нам с мамой разные типы комаров – опасных и безвредных, но все равно кусачих; водит туда, где происходит осушение болот. Рассказывает об интересных людях, окружающих его. Смешит нас веселыми историями. По утрам приносит маме букетики пахучих степных цветов.

От этой поездки до сих пор живет во мне ощущение жгучего холода, аромат степи и еще – папин оптимизм.

Книжные радости и печали

Мамины любимые стихи и книги как-то неизбежно становились и моими любимыми. Ожидание момента, когда мама наконец-то начнет рассказывать или читать что-нибудь, вызывало томительное предчувствие чуда. Гуттаперчевый мальчик, Каштанка, Дюймовочка, Крокодил Крокодилович, дед Архип и Ленька – целый полк любимцев.

А стихи заучивались легко и надолго, особенно если мама пела есенинские песни, ахматовского «Сероглазого короля», Вертинского, романсы Ляли Черной. Пела она выразительно настолько, что двоюродный брат Сережа просил ее:

– Тетя Томочка, не закрывайте глаза, а то я заплачу.

Младшему брату, Юрочке, родившемуся перед войной, читала чаще я. Маме приходилось много работать, уставала очень. Но она перед сном всегда поправляла нам одеяло, целовала и говорила: «Счастливых сновидений», а мне слышалось: «Счастливых снов и дней»...

Иногда пела грустную колыбельную:

Вот мосток, и вот часовня,
Вот и Божий храм.
И жену, свою голубку,
Он оставил там.

Долго будут плакать дети,
Кликать: «Мама, мать!»
Не придет она с погоста
Слезы их унять*.

Поплакав в подушку, я незаметно засыпала, зная, что моя-то мама – рядом.

Прогулки с папой

До войны – в перерыве между арестами – папа часто водил меня на прогулки. То в зоопарк, где меня однажды укусила за палец обезьяна, с которой я решила поделиться конфеткой. То брал меня в поход со своим отрядом медсестер, которых обучал санинспекции. Это были веселые певуны, шутницы, пытавшиеся кокетничать с папой.

* Из песни Ильи Саца «Тихо тащится лошадка...», которая в исполнении Надежды Плевицкой была очень популярной в начале XX века. (Прим. ВС.)

Я для него, видимо, была своеобразной защитой. А поход был в Кибрай на уборку яблук-семиренки, которых в тот год выдался богатый урожай. Девушки учились по дороге разным приемам переноса раненых. Такими «ранеными» оказались я и еще одна самая юная из них. Нас несли то по двое на скрещенных руках, то на спине, то на плотных полотнищах. И ни разу не уронили! Яблук ели, сколько могли, да и с собой получили в награду. С тех пор этот сорт для меня самый любимый.

Запомнилась и дорога в детский санаторий «Ореховая роща». Сначала мы с папой ехали на автобусе, а затем надо было идти по кишлачной дороге пешком. Я захотела пить, и папа подошел к калитке с красивой резьбой по дереву, на которой висело большое медное кольцо. Он постучал им по двери, и скоро калитку открыла молодая стройная узбечка. Папа объяснил ей, что *кизым* хочет пить. Женщина закивала и жестом пригласила войти. Предложила присесть на айван и быстро ушла в дом. Двор, политый и чисто выметенный, благоухал какими-то травами и, кажется, цветущей жиддой. Из дома вышел мальчик с подносом, на котором были чайник, две пиалушки и лепешки. Вежливо поклонившись и опустив поднос на айван, он вернулся к себе. Мы попили ароматный чай и поднялись. Папа громко сказал показавшейся на дорожке женщине:

– Рахмат!

Она проводила нас до калитки, что-то говоря по-узбекски. Папа поклонился и еще раз поблагодарил ее. Я последовала его примеру. Когда мы двинулись по дороге, я оглянулась и увидела, что у калитки рядом с женщиной стоит мальчик...

Папа взял меня за руку:

– Видишь, какой добрый народ!

Такое не забывается.

«Рыночные» отношения

В годы войны мы с папой были добытчиками. По воскресеньям, забрав уложенные мамой в сумки разные вещи из домашних запасов, мы с ним ранним утром отправлялись в Янгиюль. Там жили две сестры, обрусевшие немки из сосланных. У них было небольшое, но добротное хозяйство. За наше барахлишко они снабжали нас соленым и перетопленным свиным салом, творогом и сметаной, луком, картошкой, сушеными помидорами, баклажанами – всего не припомнить. Угостив нас и побеседовав о том, о сем, провожали до дороги. А мы топали километра три пешком до автобуса. Килограммов 15 тащила я, до 30 – папа. Часть товара уже мы с мамой и Юрой выносили на Туркменский базар* на продажу. Там же продавали мы и самодельные копилки. Папа где-то доставал металлические пластинки, нарезал их, делал дырки, я из отходов с помощью толстого гвоздя и молотка скручивала трубочки. Юра в свои 4-5 лет ловко вставлял их в дырочки, а потом мы вместе протягивали в них скрученные жгутом нитяные фитили. Нити добывала где-то тетя Стася. Наши изделия расходились на ура!

*Туркменский базар находился в начале проспекта Ш. Рашидова (бывшего проспекта Ленина), на повороте на улицу Мирабадскую (позже Саперную). (Прим. ВС.)

Школа

Первая моя учительница Нина Алексеевна Зеленцова – добрая, умная и строгая. И красивая! Мы впитывали ее речь, ее повадки. В начале урока она доставала носовой платок и укладывала его на своем столе в правом углу. Если в классе начинался какой-то несвоевременный шумок, она брала платок и спокойно вытирала руки. Как будто от мела. Это был безмолвный призыв к тишине. Мы затихали. А она меняла ритм урока. И выдавала что-нибудь неожиданное, увлекательное.

Мои подружки – Мила Виленская, Нина Коновалова, Элка Левина... Мы жили довольно далеко друг от друга, но это не мешало нам бегать вместе во Дворец пионеров или собираться друг у друга дома.

Все немного осложнилось, когда во втором классе к нам пришел новенький ученик. Нина Алексеевна посадила его за мою парту. Это был Юра Гроховский, стройный сероглазый мальчик. Мы с ним как-то сразу подружились. Ему нравилось, как я декламирую стихи, меня удивляла легкость, с какой он решал задачки.

Но заглядывалась я на спортивного Витю Коцырева, а Юре приглянулась, по моему, Нона Заозерская. Подружки же мои сразу стали между собой соревноваться, кто кого переиграет, добиваясь его внимания, и посмеивались надо мной. Мне же было чем заниматься: появился на свет долгожданный, заказанный мною родителям братишка, на которого стало уходить мое свободное время.

Девочки донимали меня, выпрашивая, почему его назвали Юрой, не в честь ли Гроховского. В действительности родители дали брату имя в честь врача, спасшего маму при родах. Но я таинственно молчала.

Когда мы учились в четвертом классе, у Юры Гроховского арестовали отца. Я-то уже знала, как это горько, и сочувствовала ему. Да и остальные ребята за все годы учебы никак не давали нам почувствовать себя ущемленными. Время, так или иначе, коснулось многих – у кого-то кто-то из родителей погиб на войне, у кого-то – был арестован.

Ахматова

Однажды мама моей одноклассницы Джанны, Лидия Николаевна Ульрих, предупредила пионервожатую, что вместе с нашим пионерским отрядом пойдет в госпиталь на концерт для раненых приехавшая из блокадного Ленинграда известная поэтесса Анна Ахматова. Привычно выстроившись парами перед школой, мы ждали, когда они подойдут. Две высокие статные дамы подошли, поздоровались, и Лидия Николаевна предложила двинуться к трамваю.

Было это 15 января 1942 года. Светило солнце, подтапливая снег и превращая его в лужицы. Лидия Николаевна, достав носовой платок, пошутила: «И у меня оттепель».

Госпиталь располагался в школе № 50 им. Сталина. На втором этаже в широком коридоре стояли койки, на которых лежали менее тяжелые раненые. Обычно мы перед ними и выступали. Но в этот раз собрались и те, кто лечил их. Мы спели и станцевали. На смену нам вышла пришедшая с нами дама. Ее, видимо, знали и сразу заплодировали. Пока она читала своим низким спокойным, но по-особенному выра-

зительным голосом стихи, все слушали их не прерывая, даже если она делала паузы. Вокруг стояла какая-то необычная тишина. Когда она окончила выступление, грянули рукоплескания и постукивание костылями по полу, чего мы прежде не слышали.

Нам, девчонкам, было удивительно, что ее так приветствуют. С нами на выступлениях бывали разные актеры, певцы, но такого мы никогда не видели.

9 мая 1945 года

По нашей улице с завода имени Ильича почти бегом шли взволнованные люди к площади Ленина. Жители дворов присоединялись к ним, а мы мчались, обгоняя их. На площади играл оркестр. Люди что-то кричали, плакали, обнимались, пели. Военные запускали ракеты, которые рассыпались крупными осколками. Один попал мне на плечо, загорелся рукав нового платья. Его быстро полили водой – и веселье продолжилось. Танцевали и под «Рио-Риту», и под марши. Радость, ликование, общность всех со всеми. А дома плакала мама...

Нежданная радость

Однажды в 7-м классе, летом, уже после окончания войны, на недельку наш класс вывезли на сельхозработы в колхоз под Ташкентом. Сначала мы собирали помидоры, огромные, ароматные, потом морковь, а последние два дня работали на виноградниках. Янтарные «дамские пальчики», лиловый чараз, душистый мускатный виноград, каттакурганский великан... Обьедались, обливаясь соком и спасаясь от множества пчел. Такую мощную подкормку устроили отощавшим подросткам.

Дальние дали

В 1946 году ездили в Степанакерт, к тете Марусе и дяде Арменаку. Туда вернулись их сыновья, мои двоюродные братья – фронтовики Лева, Беник и Сережа с семьей, которую он привез с Украины, и его мама, средняя сестра моей мамы, тетя Люсенька. Да еще мы трое. Прожили там до сентября, пока не начался учебный год.

Паровоз до Красноводска тянул наш состав с долгими стоянками на переездах в ожидании встречных поездов. Зато Каспийское море открылось великолепным восходом солнца, лучи которого посверкивали на его вольных просторах. Правда, когда к вечеру мы отправились в плаванье, началась качка. Мама спасала нас, как могла, хотя сама очень боялась воды. Зато Юра впервые четко произнес слово «море», пробокотав букву «р», которую до этого никак не мог выговорить.

Прибыв в Баку, мы поселились в гостеприимном доме Левиной невесты. В ожидании дяди Арменака, два дня гуляли по этому удивительному городу с плоскими крышами домов и постоянным присутствием моря, проглядывавшегося в конце улиц. Искупаться в нем, правда, не захотелось: у берега плавали нефтяные разводы, угрожая все перепачкать. Но какие-то смельчаки не обращали на них внимания, а выбравшись на берег, просто долго оттирали эти следы.

Добравшись до Степанакерта по крутой горной дороге, мы сразу попали в объятья тети Марусеньки и ее многолюдного семейства. В большой комнате стоял огром-

ный стол на 20 мест, никогда не пустовавших. Во главе восседал дядя Арменак. На столе – армянские яства вперемешку с грузинскими. Много зелени, разных овощей, большие куски брынзы, отварного мяса, ароматная горка лаваша, – и это только прелюдия перед горячим чахохбили. Затем чай с кятой, сухофруктами, чурчелой и разными орехами – в виде грильяжа и просто так. Это после нашего весьма скромного «меню»... Было от чего оторопеть, застесняться и почти потерять аппетит.

Степанакерт – зеленый гористый городок с невысокими домами, какими-то смешанными ароматами, постоянными ветерками и веселыми людьми. Жители своим детям щедро раздавали имена из зарубежной и русской классики. С улицы часто доносились выкрики мамаш:

- Отелло! Вылезай сейчас же из лужи! Что ты там потерял?
- Джульетта, вытри брату соплю, не видишь, что ли, – захлебнуться может!
- Гамлет! Скорее беги к тете Татьяне – она молоко обещала, а то забудет.

И еще не такое доносилось с улиц.

А хозяин дома любил и умел произносить тосты, для которых у него был инкрустированный металлом и камнями рог. Казалось, в нем помещался почти литр вина, но, выпивая до дна, и не один раз, наш тамада не хмелел, чем очень меня удивлял. Однажды, трепетно моя этот священный сосуд, я услышала, как что-то громыхнуло о таз с водой. Испугалась, но скоро все поняла. Это выпала из рога серебряная неглубокая вставка – спасительница от опьянения... Я бросилась вон, хохоча до слез над хитростью – или мудростью – дядюшки.

Он вообще любил всякие затеи. Например, однажды собрал вокруг себя нас, детей, живших в доме, и сказал, что сейчас в его голове вскипит вода. Отвернулся, что-то пожевал и через некоторое время попросил меня снять с его головы кавказскую феску, которую всегда носил. Я выполнила задание, и мы все ахнули: с его головы обильно потекли струйки по носу, щекам, ушам, А он страшно покраснел. Тетя Маруся подошла к столу с полотенцем, вытерла ему голову и лицо и сказала нам:

– Не пугайтесь, это он красный перец проглотил, вот и закипел. Смотри, доиграешься!

Работая фотографом, однажды, когда иссякла клиентура, он договорился с командиром воинской части, чтобы тот объявил обновление фотографий в воинских билетах. И работа закипела! Фотографировались не только для билетов, а и друг с другом, с родителями и подругами. И всем хорошо! А работы выполняли Беник, Лева и Сережа, под присмотром тети Шушаник. Она много лет жила в их доме на каком-то странном положении. Но смиренная супруга все прощала мужу..

Много лет спустя, когда он скончался, тетя Маруся, уже старенькая, приехала в Ангрэн за каким-то особой красоты камнем для памятника ему. Юра возил ее на своем мотоцикле по горной дороге, которую она привычно переносила. Лева с грустью говорил, что, когда шла война в Карабахе, все кладбища бомбили – и памятника не стало.

Уезжали мы из Степанакерта вместе с тетей Люсенькой и ее семейством. Они разместились у нас на Красноармейской и жили до своего отъезда в 1947 году в Ашхабад. Там во время землетрясения и погибла наша дорогая тетя Люсенька. Еще не зная об этом, мы с мамой и Юрой несколько дней бегали на вокзал, куда привозили спас-

шихся людей. А об ужасах землетрясения рассказал приехавший после похорон тети Люсеньки ее сын Сережа. Недавний фронтовик, он плакал навзрыд. И мы с ним...

Наш двор

На нашей улице Красноармейской было всего десять дворов и школа № 88 имени Восьмого марта. Несмотря на малый разбег, улица соединяла завод имени Ильича и площадь Ленина, ныне – площадь Независимости. Улица была «мостом» между двумя важными частями столицы – старой крепостью и дворцом Романова, ставшим Дворцом пионеров. Напротив него стояла Иосифо-Георгиевская церковь, в которой меня крестили и куда мама меня водила на праздники. Позже она была перестроена под кукольный театр, а на близлежащем месте расположилось кафе и детский парк.

Здесь и проходило наше детство. В крепости мы играли, а во Дворце в нас раскрывали таланты. В свободное от занятий время мы старались разведать тайны царских апартаментов.

А двор наш был замечательный!

Соседские ребята из других дворов дружили с нами, потому что у нас имелся бассейн! Мы прыгали в воду со старой груши, плавали наперегонки, брызгались, попадая в прохожих... А когда взрослые меняли воду, мы помогали чистить бассейн, – на дне всегда находили что-нибудь интересное.

Посреди двора росли три старые арчи с жилистыми стволами и раскидистыми кронами с плоской, а не колючей хвоей. На них можно было легко взбираться и прятаться во время игр или когда не хотелось идти домой. Играли мы в «казаков-разбойников», в папанинцев, в прятки и пятнашки...

Когда лил дождь или выпадал снег, мы собирались у выхода со двора под крышей. Это было довольно широкое пространство, огражденное от улицы железными высокими воротами с дверью, на которой мы катались.

Во время войны эту удобную площадь превратили в двухкомнатное жилище для эвакуированных: тети Мани с мужем и тремя дочками. Ворота перенесли в конец двора, к тутовнику с вечно обрубленными ветками, которые забирали для шелкопрядов приезжавшие на грузовике шелководы.

Да и бассейн засыпали, так как рядом с ним пристроили себе квартиру очень вредные Титовы, – их сырость пугала! А грушу они сохранили, втихую собирали урожай и продавали наши груши, лишая нас законного лакомства. Груша вскоре из-за отсутствия воды или от старости, а может, от обиды за нас, ребят, засохла.

Наши игры перешли на улицу, на бульжную мостовую и кирпичный тротуар, где мы сражались в «городки», «классики», лапту, прыгали через веревку или прыгалки – у кого что было. Машины ездили редко, а прохожими были, в основном, обитатели соседних дворов.

В годы войны на нашей улице часто можно было видеть замечательных киноактеров, которые снимали квартиры в соседнем дворе. Здесь жили Николай Крючков, Марк Бернес, а в гости к ним частенько заезжал слегка подвыпивший Петр Алейников – все хорошо знакомые нам по многу раз просмотренным фильмам. Во дворе напротив нашего квартировали лилипуты, артисты цирка, – цирк располагался не-

подалеку, на перекрестке улиц Дзержинского и Ленина. Ненадолго и в нашей квартире поселилась супружеская пара жонглеров. Они показали мне и мальчишкам, как крутить мяч на одном пальце. Получалось.

Во дворе проживало двенадцать семей. И все были на виду, все про всех все знали. У каждой квартиры – палисадник, засаженный любимыми цветами. У кого розы, у кого астры и хризантемы. У нас – большой куст сирени, разноцветная «ночная красавица», фиалки и чайные розы.

Все помогали друг другу в беде, по праздникам обменивались пирогами, куличами. Но когда возникали споры – это надо было видеть и особенно слышать...

Чаще всех ссорились чахоточный дядя Вася и мудрый выпивоха дядя Миша: два сапожника в одном дворе – ну как поделить клиентуру... Ссорилась с соседями и тетя Настя. Ее за глаза называли Унтером Пришибеевым: всех сторожила, всем чем-то грозила. А нас с Юрой почему-то жалела и водила на детские спектакли в театр Навои, где работала дежурной при правительственной ложе слева. Благодаря этим походам мы посмотрели и послушали почти все балеты и оперы.

Самая тихая соседка – прачка баба Марфа. Руки ее загрубели настолько, что она запросто брала горящие угли и перекладывала их в чугунный утюг. Когда я, уже студентка 4-го курса пединститута, крикнула ей через форточку потрясшую меня весть о смерти Сталина и заплакала, она сказала спокойно: «Чего ревешь? Родной, что ли, кто умер? Умер и умер...»

Всеобщим любимцем был огромный черный дог с белым, похожим на манишку пятном на груди. Добродушный, величественный, он степенно прохаживался по двору и, чтобы никого не обидеть, навевался ко всем по очереди.

Наш двор я покинула незадолго до землетрясения. Мне было 36, а снится он и сейчас – родной, теплый! На его месте вырос Институт искусствознания. Теперь это Академия художеств Узбекистана.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Усто Мумин: победа над биографией

Сколько времени занимает обычно рождение легенды? Столетие? Полтора? Прочитав книгу Элеоноры Шафранской «А.В. Николаев – Усто Мумин: судьба в истории и культуре» (СПб.: Свое издательство, 2014), приходишь к выводу, что гораздо меньше. Особенно если герой легенды живет в переломную эпоху и вытесняется ею раньше, чем успевает уйти из жизни.

Читатель, не слишком искушенный в живописи, имел возможность узнать об Усто Мумине благодаря спектаклю ташкентского театра «Ильхом» «Радение с гранатом» (по названию самой известной, программной работы художника). Миф о русском живописце, очарованном культурой Востока, надолго пережил реальную личность. Филолог Элеонора Шафранская в своем исследовании как раз и пытается отделить факты от домыслов и легенд. Но задача оказывается не из легких.

Многие из работ Мумина сохранились, они выставлены в нукусском Музее имени Савицкого, в ташкентском Музее искусств, в московском Музее искусства народов Востока... Но, увы, мало осталось свидетельств о нем современников, писем, документов. Биографию и характер героя своей книги Шафранская реконструирует по воспоминаниям художников, оказавшихся в те же годы в Туркестане, документальной прозе Энны Аленник, редким публикациям о нем в журналах и каталогах, архивным данным...

Александр Васильевич Николаев родился в 1897 году в Воронеже в семье военного инженера. Окончив Сумский кадетский корпус, где впервые стал серьезно обучаться живописи, он два года (1916–1917) служил в армии. Вернувшись в Воронеж, продолжил учиться рисованию в мастерской А.А. Бучкури, в прошлом ученика Репина.

В 1918 г. в Воронеже открывается филиал Московского Свободного театра... первое представление – синтетический спектакль «Русь» с балетными вкраплениями... Николаева увлек этот экспериментальный театр, он... поступает на службу помощником декоратора, – так случилось вхождение Николаева в современное искусство. В 1919 г. Николаев едет на учебу в Москву, в СВОМАС (Свободные государственные художественные мастерские), где среди преподавателей был Казимир Малевич.

Вскоре Александр Николаев был призван в Красную армию и отправлен на Деникинский фронт, откуда его демобилизовали в 1920-м. В том же году художник приезжает в Туркестан.

В книге Шафранской много исторических экскурсов, помогающих лучше понять обстановку, в которой жил и работал Усто Мумин, его творческие поиски.

Автор исследования приводит воспоминания сибирского художника Виктора Уфимцева, где Самарканд описан таким, каким впервые увидел его Александр Николаев.

...Когда они попали в кривые узенькие улочки старого города, в лабиринты базаров, людных и шумных, то получили то, что и ожидали: караваны верблюдов, арбы с огромными колесами, лошади в ожерельях из раковин, в ярких лентах, дыни, чайханы, загорелые всадники на ишаках, пестрые халаты, женщины в черных волосяных покрывалах (парандже) – все напоминало маскарад, театральную постановку восточной сказки.

В отличие от своих коллег-художников, будущий Усто Мумин не просто влюбился в памятники Самарканда, природу и культуру Средней Азии – он впустил их в себя, усвоил и сделал частью своей личности.

В эпиграф к книге вынесен фрагмент одного из немногих дошедших до нас текстов Николаева:

Известен мне был... классический случай с крупным французским художником Поль Гогеном, который 7 лет прожил на острове Таити, живя как туземец, исполняя все их ритуалы и обычаи. У меня явилась мысль повторить этот опыт на себе.

Склонный больше учиться, чем учить, Николаев овладел узбекским языком, стал носить узбекскую одежду и взял себе узбекский псевдоним (Усто Мумин – «кроткий мастер»). Он поселился в саманном доме и стал возделывать виноградник. Он творчески переосмыслил искусство восточной миниатюры и в своем шедевре «Радение с гранатом» фактически соединил его с традицией иконописи (клейма по краям – сцены истории влюбленных).

Если его современники, – пишет Элеонора Шафранская, – создавали новую религию, кумирами которой становились партийные деятели, а религиозные обряды совершались теперь не в молитвенных уголках, а в красных – с новыми иконами основоположников, то Николаев настолько был поглощен иным, отличным от своего времени вкусом жизни, что он не мог не написать тоже новую – для него – икону.

Расцвет творчества Усто Мумина пришелся на 1920-е годы – плодотворные в целом для художественных исканий российской интеллигенции. Но «к Туркестану в рамках проекта культурного освоения и цивилизаторства шли поезда со всех сторон», и постепенно местная культура затрещала под пятой новой власти. Трагедия художника была в том, что он, при всей его любви к старому Востоку, сидел в кабине бульдозера, который ровнял этот Восток с землей.

Новой эпохе оказался не нужен ни старый Восток, ни его поклонники. Во многом это и объясняет столь скорое переселение Усто Мумина в пространство мифа.

Николаев провел несколько лет в лагере, затем мучительно ломал свою творческую манеру, чтобы вписаться в новую жизнь. Его уделом стала иллюстрация книг о среднеазиатских пионерах и оформление спектаклей. Но в истории живописи Усто Мумин остался как автор «Радения с гранатом», «Мальчика с перепелкой» и других его работ 20-х годов.

...Перевернув последнюю страницу книги, ощущаешь себя как будто в комнате, где недавно находился человек. Вот интерьер, предметы обихода, развешанные на стенах картины. Трубка, дымящаяся на столе. Боковым зрением даже успеваешь уловить зыбкую фигуру, промелькнувшую в расставленных по дому зеркалах. Но сам хозяин сюда уже не вернется. И мы, понимая это, подходим к его картинам, чтобы задать им накопившиеся вопросы.

Андрей ВОЛОС

ДОЛЖНИК

Главы из нового романа

Свобода

Беспамятство походило на раскрашенный полупрозрачный шар, внутри которого он сидел. Шар катился с горы, то и дело переворачивал с ног на голову, кружил мельканием и звоном.

Потом ненадолго замедлял вращение. Открывалось узкое окошко, в него заглядывала чья-то озабоченная физиономия: взгляд зеленых глаз тревожный, сами глаза впалые, голодные, опущенные бесцветными, как у поросенка, ресничками. Нос пипкой, шмыгающий; губы безрадостно поджаты. Щеки голые, зато на остром подбородке разноростная бело-рыжая щетина, сулящая когда-нибудь сделаться бородкой. И такие же светлые, прямые и жидкие волосы на голове.

Как правило, это явление сопровождалось холодом касающегося губ железа, а потом ощущением влаги, частью бегущей по подбородку, частью все же вливающейся в горло.

Когда окошко захлопывалось, шар трогался и набирал скорость, снова завораживая мельканием и колокольным гулом чьих-то голосов.

Вращение уносило его в глубину горячки, в пространство бреда.

Бред был отчетлив и фактурен. Живой и логичный, как явь, он складывался бог весть из каких кусков реальности, схваченных когда-то краем глаза, запомнившихся, случайно застрявших в нижних ярусах мозга. Эти обломки кораблекрушения прыгали на волнах сознания. В тщетной надежде снова сделаться целым кораблем, лепились друг к другу то так, то этак, то одним боком, то другим; и всякий раз выходило причудливое, но надежное плавсредство, готовое отдаться самому быстрому течению.

Несомненная, бесспорно истинная явь бреда не требовала усилий для понимания, потому что рассудок строил ее именно по тем законам, какие хотел бы видеть в жизни.

А жизнь – такая, какой он ее знал, какой жил прежде – вторгалась в эту милую гулкую явь невыносимыми снами. Ничто из того, что в них, жутких и тягостных, происходило, не могло иметь к жизни отношения: выглядело бессвязными выдумками умирающего и оставляло по себе только тоску непонимания и обреченность...

Когда стал приходиться в себя, выяснилось, что голова трясется, правое ухо совсем ничего не слышит, левое – будто сквозь толстую вату. Но все же повезло: контузив, побив голову камнями и сорвав кожу со спины, взрыв не задел ни одним осколком.

Что же касается физиономии, то оказалось, что она принадлежит Витюше Громобоеву: этот солдатик проводил возле Артема все свободное время. Приносил воду, размачивал сухую лепешку, убирал за бессильным, – и все это как-то просто, без напруга, беспрестанно что-то рассказывая, утешая и суля лучшее.

Артем кивал журчанию его негромкого голоса: ломкий, как у подростка, то удивленный, то обескураженный, то радостный.

В дремоте ему иногда казалось, что это голос Алымова. Ну да, конечно же: Алымов не погиб в той ловушке, куда их заманили проводники, не расплылся в огне взрыва. Нет, он каким-то образом выжил, выбрался! – и теперь сидит рядом, толкуя о чем-то.

Приходил в себя, возвращался в явь. Нет, не Алымов... Вообще-то они были чем-то похожи. Алымов бы тоже говорил с такой искренностью, по-детски переживал бы все, о чем рассказывал... да уж его не услышишь.

К тому времени, когда стал кое-как подниматься, знал Витюшину жизнь как свою собственную.

Витюша

Неприятности Витюши Громобоева начались с того, что про него забыли в военкомате: лишних два года он ходил по родному Актюбинску, а никто даже ухом не вел, чтобы забрать его в армию.

Ходил Витюша, как ходят очень сильные, физически развитые люди – борцы или, например, штангисты: сутулясь, чтобы не пугать прохожих своей величиной, растопырив руки, припадая на левый бок, раскачиваясь и тараном выставляя вперед лобастую голову.

Походка резко контрастировала с тщедушной внешностью, все вместе выглядело смешно. Витюшина мать, например, была твердо уверена, что в свое время на приписной комиссии как взглянули на сына, так и поставили галку, навечно отправив его в разряд никуда не годных: за рост чуть больше полутора метров, худобу и с детства затравленный взгляд мальчишеских глаз.

Сама она в этом плохого не видела: благодаря неказистости сын оставался дома, любви у матери меньше не бывает, а поскольку Витюша закончил ПТУ и сделался шофером, то и денег стало больше, и жизнь у них начала понемногу налаживаться.

Однако через два года что-то где-то хрустнуло, хряпнуло, тренькнуло: быть может, просто вывалилось из шкафа ненароком потерянное личное дельце. И, вероятно, кто-нибудь получил из-за Витюши взбучку – во всяком случае, оформлявший его капитан зло сказал, черкая на листе:

– Ты у меня, крепыш, на подводную лодку служить пойдешь!

Но в Морфлот Витюша не попал, а попал в совершенно сухопутный стройбат. И опять, вероятно, ошибочно, потому что при его профессии и навыках глупо было кидать лопатой мерзлый раствор. Но пока ошибка исправилась, нахлебался жизни досыта.

Стройку огораживал забор колючей проволоки – правда, с дырами. Ничего бесхозного на объекте не валялось, все подбирали ушлые прапорщики, у них каждый гвоздь на учете, и не раз Витюша, тишком вынося по приказу за ограду очередную батарею или пару чистовых досок, получал вместо поощрения зуботычину, что не слишком шустро поворачивается. К обноскам он скоро привык – в новой ВСО* ходили только блатные да землячки, но им и пахать не приходилось; а кто пахал, таская носилками бетон или ковыряя вручную котлован, у тех и новые скоро бы истрепалось и пришло в негодность, поэтому и смысла в нем никакого не было.

Понятно, что на самой стройке, на ветру и дожде, куда лучше, чем в казарме. На стройке подчас выпадало время, чтобы завалиться куда-нибудь за доски или рулоны рубероида. В казарме же, устроенной вроде тюрьмы вольного хождения, где все заключенные всегда кучей и все решается по понятиям, кроме старших по чину и старослужащих было множество блатных, за которых тоже приходилось нести воинскую службу: дневалить, то есть мыть полы и сортиры или, то и дело получая по боку сапогом от жирного повара-узбека, ваннами чистить гнилую картоху (понятно, не ножом чистить – где в армии увидеть нож, кроме как у караульного? – а жестяной или даже ременной бляхой). А в свободное время пахать на старшину, разбирая, к примеру, старый хозблок, чтобы он увез доски на дачу.

Блатные взамен того, что ничего не делали, получали лучшую еду – масло, хлеб, сахар и волокна мясных консервов из перловки, называемой здесь «дробь-шестнадцать». Били их тоже куда меньше. Правда, полупьяный комбат вообще лупил с оглядкой – берег часы, чтоб не кокнуть в горячке о чью-нибудь репу; но все остальные не больно-то примеривались.

Это была хоть и шевелящаяся, хоть и шумная, хоть и хлопотная, хоть и нескончаемая, а все же – смерть.

Ложась ночью на сырой матрас среди прочих ста двадцати немых тел, гниющих от малейшей царапины и отягченных если не чирьями, то поносом, заворачиваясь в жидкое одеяльце, вдыхая запах гнилых портянок и гуталина, а выдыхая кислый пар, он размышлял, как выжить.

Статями не вышел; опять же нация: шишку в стройбате держали «чурки», а он русак. Думал выслужиться, а прапор, которому удачно вынес со стройки четыре двери и к которому обратился в минуту, как Витюше показалось, душевной близости, поднял его на смех и окрысился. Смурные поспешливые офицеры появлялись ненадолго утром; если же ночью, то совсем пьяные, и тогда счастьем было оказаться подалее. В итоге он только мучился, а шоферский навык пропал даром.

Никто не имел и мысли выправить его судьбу. Но все же в один прекрасный день что-то где-то снова хрунуло и крякнуло – разумеется, само собой, примерно как само собой валится однажды гнилое дерево. Его вычислили кадровики, отругали на чем свет стоит, обвинили в уклонении и спешно поправили допущенную ошибку: формировался автобат и требовались водители.

---

* ВСО – военно-строительная одежда.

Скоро Витюша очутился в Туругунди.

Вместо сырого, гнилого сквозняка уральских болот здесь веял жаркий ветер с пограничных сопок: ночью слепили прожекторы, гулявшие по земле Родины в районе Кушки. Обмундирование дали новое. Жратва тоже на славу. Прапоры к солдатам относились не в пример душевней: техника – она всегда человека меняет.

Витюша скоро привык вольно ходить по тихому городку и недоумевал, чем уж так страшен этот Афган; еще на гражданке пугали: дескать, туда только попади; да и сам видел гробы, откуда-то отсюда приходившие: сначала дворовый приятель, потом преподаватель из ПТУ.

Однако в Туругунди никто никого не боялся. И мужики, и бачата* подходили к советским смело, открыто смотрели в глаза – вот и видно, что шурави их попусту не обижали. По-русски местные знали не хуже, чем у них в стройбате «чурки». И что ни разговор, все о коммерции. Хоть и бесценнок сулили хитрые афганцы, а бойцу трудно устоять: ведь казенное у него ничье, поскольку дармовое, а деньги, хоть и малые, будут свои; поэтому все, без чего боец мог обойтись завтра, продавалось сегодня. Польза от этого, как понимал Витюша, выходила обоюдная: афганцу вещи по дешевке, а бойцу копейка: кто ныкает в расчете на дембель, кто на здешние надобности тратит – в смысле хавчика, бухла и японских часов «Orient». Прапора резервуарами сливали бензин, списывая на обстрелы колонн (кто их тут видел, обстрелы-то эти?), в большом ходу были ремкомплекты БТРов, а уж что касается консервов и зимних вещей, то и разговору нет: большая часть туругундийского народонаселения давно пристрастилась к тушенке, а по холодам щеголяла в армейских сапогах и ушанках.

Потом Витюша стал ходить в «ленточках». Так называли колонны грузовиков – они и впрямь как длинные бурые ленты, тут и там растянувшиеся по дорогам. КамАЗы-«наливняки» с двадцатью семью тоннами авиационного керосина: если пыхнет, испепелит не только водителя, но и группы охранения вдоль дороги... или того пуще – «бомбовозы»: как даст – все вокруг на триста метров в крошку.

Но на колонны порожняков духи не нападали, а он в тот раз вел именно что порожнюю машину. И что бы ты думал?

Артем разлеплял глаза:

– Ага... Говори, говори, я не сплю...

Сначала все пучком. У него же на дверце написано «Актюбинск», вот земляки и подвалили – ехали в Кушку получать новые БТРы. Еще нахваливали – мол, и кабина светлая, сиденья мягкие, и обзор будь здоров – высоко, все как на ладони, не то что в броне. Правда, как в «зеленку» въехали, забеспокоились. Понятно, тут не в БТРе, сидишь как на витрине. Витюша смеялся, рассказывал: мол, многие вешают бронешилет на дверцу – типа защита; да толку от него как от пулемета – мыла, только что мозги греет.

Но «зеленка» кончилась, и все повеселели. Машины рассыпались по простору пустыни, будто катера, идущие параллельными курсами по синему морю; только катера гонят буруны, а эти волокут огромные бурые шлейфы: пыль полыхала бурыми полотнищами, вставала пузырями и обгоняла, заполняя кабину.

Газу, газу!

* От «бача» – мальчик (*дари*).

Ровно, – глазу не на чем остановиться. Изредка коробят простор чахлые кусты – голые, жмутся друг к другу. Еще реже сухое дерево – и непременно чьи-то кости под ним. А то еще смерч поднимется длинным хоботом: постоит, зловеще покачиваясь, потом сорвется и бежит вдаль, зябко переступая с бархана на бархан, – хрен догонишь!

В общем, гнали, гнали и незаметно проскочили аж до сухого русла.

Тут-то все и расколосось, понеслось, застучало: первый КамАЗ, притормозив у мостка, получил гранату в кабину: духи стоят в открытую почти у самой насыпи, и промазать никак невозможно, потому что целей перед ними – как чирьев на зад.

Витюша гнал и все матерился и орал в голос: да они же порожняком, порожняком! Ну кто нападает на такие колонны?! – порожняком же люди идут!

Шедшая впереди полыхнула, по-рыбьи ерзнула и съехала с дороги, едва при этом не вертанувшись – и погнала дальше, по-прежнему пыля как живая, но явно уже без управления.

И тут же – бац! – ему самому граната в самый кузов. Но что кузов? – только ухнуло да осколки засвистели. Витюша вильнул – частью сознательно, частью от испуга, – чтобы так же вот съехать на обочину и рвать по голому месту. И автоматная очередь прошла правее, сквозанула мимо, а только брызги того, во что она угодила, шваркнули в самую физиономию.

Один из попутчиков-земляков валил к рулю тот кровавый огрызок, которым стала его голова, второй тянул тело на себя, дергал, пытаясь им прикрыться и что-то безостановочно крича... а потом оставшиеся машины все-таки выскочили из-под обстрела... и встали гуртом, далеко уже отъехав от «зеленки».

– Хрен его знает, – недоуменно сказал Витюша. – Ты слышишь? Я ж говорю: порожняком шли. Тут не угадаешь. Сюда тоже как попал: за щебнем поехали. А куда деваться?

Артем слабо кивнул, опуская веки.

Пока шатался между жизнью и смертью, легко было смотреть со стороны – почему-то не пугало. Видел себя кем-то вроде мухи. Летает, ползает... ползала, ползала – а потом стакан взял и перевернулся. Знай теперь жужжи в прозрачной тюрьме. А куда деваться?

* * *

Такого, чтобы сначала перетаскивать гору булыжников, а потом возвращать на прежнее место, здесь не заводили, на работы гнали по необходимости, когда приходили фуры.

Если фур нет, сиди в казематах. Их два – стенка к стенке.

Когда на рассвете заходит комендант тюрьмы – Абдуррахман, все должны тут же встать у стены.

Артем стоял, жалко набычившись, через силу вглядываясь в плывущее перед глазами, таящее враждебную силу пространство. Заметив, что сегодня он смог подняться, Абдуррахман поманил к себе.

Кто-то из своих толкнул: иди, мол, хуже будет!

Шагнул, оперевшись о стену.

Комендант оценивающе посмотрел, покачал головой, поцокал языком.

– Сироджиддин, – сказал он в конце концов.
– Что? – сморщился Артем, поворачивая к нему левое ухо.
– Сироджиддин! – строго повторил Абдуррахман, поднимая палец.
– Назвал он тебя, – снова толкнул Витюша. – Имя дал. Вроде как Сережа. Ты тише, тише...

– Вот спасибо! – Артем пытался улыбнуться, но получилось только ощериться. – А то бы так и помер без имечка.

Абдуррахман заподозрил издевку: темная физиономия закаменела, натянулась портупея на обширном брюхе. Щелкнул тяжелой плетью по сапогу и проворчал что-то угрожающее. Но пуштунского никто из пленных толком не понимал.

В общем, в тот раз обошлось.

Дверей как таковых в казематах не было – только в конце коридора, при выходе из подвала, одна на всех решетчатая – она-то и отделяла заключенных от охраны. На ночь запирали. В дневное время, когда каждую минуту могли выгнать на работу, – как правило, нараспашку. Время от времени Абдуррахман поднимал крик, требуя, чтобы, выведя или введя шурави, чертову дверь всякий раз замыкали снова. Однако усердия пуштунов хватало на пару дней, дальше все шло по-прежнему.

Охранники сидели за этой решетчатой – запертой или отпертой, – у распахнутых дверей во двор. Галдели, курили чарс, гремели мисками и чайником. В общем, жили как умели...

Как очухался, вместе со всеми вывели на разгрузку.

Толку от него быть не могло – голова по-прежнему тряслась, шатало из сторону в сторону. Взявшись за перекладину, не поднял, а только сам повалился. Напарник из-за этого тоже выронил свою сторону, и крепкий деревянный ящик с тяжелым грохотом рухнул наземь.

– Ничего, не рвись, не свое тащим, – сказал Гриша Кузин, потирая ушибленную руку. До плена он, по его словам, имел побрякуху Вентиль, а здесь получил имя Исламиддин. – На наш век тяжестей хватит...

Вентиль его, конечно, просто успокаивал. Если следившему за погрузкой офицеру казалось, что заключенные еле таскают ноги, он принимал меры. Впрочем, схлопотать случалось и просто так – от кого-нибудь из охранников или от коменданта Абдуррахмана. Тот действовал плетью, а не прикладом: больней, конечно, зато костей не ломало. С вышки, торчавшей посреди двора, за порядком приглядывали пулеметные стволы.

Но все равно здесь, на площадке возле одного из арсеналов, где вставляли грузовики, лучше, чем в смрадной каменной дыре каземата.

Солнце палило нещадно, тень хоть и жирная, но мало. Духота и вонь не отступали. У тюремных дверей роились мухи. К полудню железные ангары складов накалялись так, что тихо звенели: з-з-з-з!..

Сержант Солдатов

Человек сорок афганских сарбазов ходили в грязных белых штанах и рубашках, в куцых чалмах; кто в калошах на босу ногу, кто в опорках сапог, были и босые. По боль-

шей части раненые или сильно битые: тот едва ходил, этот не мог поднять руки. Их держали в соседнем здании. Но если приходило много груза, выгоняли всех чохом, невзирая на принадлежность, – и шурави, и афганцев.

Шурави от сарбазов было не отличить – им теперь тоже полагалось облачаться по обычаю. Так-то ничего, вот только чалма оказалась малоудобным предметом – съезжала с бритой головы и разматывалась. Следовало также учить фарси, задалбливать отрывки Корана на арабском и готовиться к обрезанию – чтобы в конце концов превратиться из кафиров, какими взяли в плен, в правоверных. По слухам, когда-то был один, что заартачился. Его даже не били: просто увели куда-то – и все.

Два раза в неделю навещал мулла Тимур. Узбек из Таджикистана, он попал в плен еще в восьмидесятом. Сразу признал правоту джихада, взял в руки оружие и воевал на стороне моджахедов. После того как пришлось подвязать правый рукав, провел год в духовном училище.

Мулла Тимур хорошо говорил по-русски, хотя и в странной интонации: напевно и очень громко, пронзительно, с надрывом. Подчас ему не хватало дыхания закончить фразу, и тогда, на мгновение прервав вокал, со всхлипом пополнял запас воздуха. Казалось, он ни на секунду не переставал читать молитву, в которой даже самые обыденные слова – это ее священные строки. Рассказывал обо всем подряд, ничего не скрывая и вроде бы не приукрашивая. Но всегда его речи, будто сладкое пение сирен, сулили покой и счастье – нужно было только раз и навсегда с чистым сердцем прийти в объятия истинной веры.

Как-то раз мулла Тимур обмолвился, что родом он из того самого кишлака Булок, где родился когда-то настоящий джигит и герой – Туйчи Эрджигитов: в 1943 году Туйчи закрыл телом амбразуру пулемета, позволив товарищам ворваться в окопы немцев и повторив тем самым подвиг Александра Матросова.

– У нас храбрые люди рождаются, – пропел мулла Тимур, ласково посматривая на пленных. – Очень храбрые. Жизни не жалеют.

Сержант Солдатов хмыкнул.

– Что-то сказать желаете? – поинтересовался мулла Тимур.

Сержант Солдатов сказал:

– Красиво говорите. Храбрецы, то-се. Герои. А что же сами оплошали?

Мулла Тимур изменился в лице. Но все же сделал вид, что не понял.

– Почему оплошали?

– Как же почему? – удивленно-насмешливо переспросил Сержант Солдатов. – В плен сдались, оружие повернули. Своих убивать пошли. А ведь тоже могли жизнь за них положить. Присягу-то давали?

Лицо муллы Тимура стало серым, и напевность впервые оставила его дрожащий голос.

– Туйчи с фашистами воевал, – с третьей попытки выговорил он, заикаясь от волнения. – А советские сами себя как фашисты ведут! Есть разница?!

Сержант Солдатов саркастически покивал. Потом отмахнулся:

– Ладно вам... как фашисты! Лучше не будем. Разговор на эту тему портит нервную систему...

Мулла Тимур несколько минут сидел опустив голову, с закрытыми глазами шепча и перебирая четки.

Затем вернулся к занятию.

Артем думал, что пожалуется. Будет какое-нибудь продолжение. Но нет, не случилось...

В соседней тюрьме держали еще нескольких шурави. Однако они работали в мастерских с другой стороны двора и никогда не показывались на глаза.

А здесь их было одиннадцать: он сам, то есть Сироджиддин, Рахимхуда (так звался здесь Витюша), Садриддин (Сержант Солдатов), Негматулла (русский парень из-под Пензы), Фазлихуда – Шура по кличке Десант, откуда-то из-под Волгограда, таджик Касым, Мухаммед Азиз из Могилева, Исламиддин, уроженец Иркутска, ташкентский узбек Кананд (он пытался бежать, спрятавшись в водовозке, и теперь был сильно не в себе после побоев и пыток), казах Юнус и украинец Мухаммад Ислам.

* * *

Сержант Солдатов, звавшийся Садриддином, служил, по его словам, таким же простым водителем, как Витюша Громобоев: попался, когда гнал груженный сибирской древесиной КамАЗ из Термеза в Кабул.

Артем не поверил. Во-первых, в шоферах таких здоровых не увидишь – а этот плечист и ростом под два метра. Во-вторых, лет ему не меньше тридцати – а когда же это таких старичков забривали? Да и вообще грузовики, тем более не порожние, ходили по афганским дорогам не иначе нежели в колоннах.

Артем так расценил: должно быть, когда-то брякнул не подумав, а теперь приходится и дальше придерживаться. И звание себе не просто так выдумал, и фамилию...

Вроде бы его поначалу моджахеды отправили куда-то в Иран. И там он два года изучал Коран и фарси. (Почему именно его? Витюшу, например, такого же простого шофера, никуда не отправили – сунули в вонючую яму и дело с концом. Может быть, в отношении языков у него уже была какая-то база?) И вроде как неизвестно, чего от него тогда хотели. Во всяком случае, сам Сержант Солдатов об этом не толковал и предположений не строил. Но потом что-то пошло не так, и он оказался здесь, как все, на положении раба.

Но и впрямь было в этом человеке что-то именно от того легендарного Сержанта Солдатова. Не совсем на ровном месте он такой псевдоним взял. Хотя, конечно, выправка у него скорее офицерская: рост, осанка, твердый взгляд серых глаз, складная речь. И еще – нахальная неуступчивость, дерзость, которую он проявлял в отношениях с охраной и комендантом. Пер напралом и ничего не боялся. Другой бы давно в земле сгнил (или высох, если говорить о здешней), а ему сходило с рук.

Например, незадолго до появления Артема отметелил замахнувшегося на него пуштуна, уложил еще троих, поспешивших на подмогу, и утихомирился только под стволами карабинов. Когда его скрутили, Абдуррахман не воспользовался, как обычно, своей замечательной плеткой. Просто велел заковать в кандалы. Однако и того не вышло: вмешался кто-то из офицеров и велел оставить в покое. (Может быть, из невольной солидарности это сделал, тоже почуяв офицерскую кость?)

Языком владел хорошо. Учитель фарси-дари Фархат, пленный сарбаз, русский знал понаслышке, и понять, в чем именно он наставляет, подчас было довольно затруднительно. Спасибо Сержанту Солдатову – растолковывал.

– Знаешь, есть такая методика, – сказал как-то, усмехаясь. – English through English. А у нас «Дари ба васитаи дари». Редкая штука, пользуйся.

* * *

Как ни странно, он думал о будущем. Ведь как ни печально, как ни скорбно и тягостно настоящее, а все же всегда человек думает о будущем! – всегда хочет, чтобы оно оказалось лучше, чем тусклое, мучительное сегодня.

В любую секунду его грозил убить повалившийся штабель оружейного железа. Он мог погибнуть от руки обкуренного охранника. Или еще как-то: отчетливо ощущал всю зыбкость границы, отделявшей от небытия.

Но, осознавая всю никчемность, копеечность, даже случайность своей теперешней жизни, он все-таки понимал, что свобода состоит сейчас не в том, чтобы попусту пропасть, а в том, чтобы найти возможность выжить.

Любым способом выжить и сбежать.

Выжить – и вернуться домой.

И душу, душу при этом сохранить! – не зря святой Хызр по ней горевал! не зря плакал! тоже был уверен, что она Артему еще понадобится...

Комендант Абдурахман окрестил его Сироджиддином... а у него сын Сережа.

Теперь он часто думал о сыне. Чаще, чем прежде, когда жизнь текла хоть и по страшной, черной, похожей на утягивающую все ниже воронку водоворота, – но все-таки накатанной армейской колее.

Сын: он ведь имел на него право. Это его сын. Его – и больше ничей.

Но и Сережка про себя мог бы сказать то же самое. Разве отцов бывает много? Нет, всегда один. Где же его собственный?

Именно поэтому он должен вернуться. К сыну. Нужно – просто позарез.

Горевал, что пропали те несколько фотографий, что таскал в кармане. Сережка смотрел на него только из его собственной памяти – совсем уж глаза в глаза.

И стал ближе.

Вот он вырастет – и кто расскажет ему все то, что видел Артем?

Надо бежать, надо, – прямо скулы сводит... хоть о ковре-самолете мечтай.

Но как бежать, как?

Напасть на охранников, захватить оружие. С боем вырваться из крепости. Остаться в живых и сделаться относительно свободными.

Но это только полдела.

Сержант Солдатов говорит, что их держат где-то под Пешаваром. Следовательно, придется пробираться по территории Пакистана. До границы с Афганистаном. Потом перейти. А уж там пустырь – просочиться в зону, контролируемую если не советскими, то хотя бы правительственными войсками...

И все дела.

– Не журись, – не очень-то весело хмыкал Сержант Солдатов. – Это все просто: как два пальца об асфальт.

Артем понимал, что шутит, что бодрит, а все же досада брала. Регулярные части шурави не могут пробиться... а десяток изнуренных, измученных пленников, от всего оторванных, заброшенных в дикую, всем своим существом враждебную страну!..

Где-то неподалеку располагался аэродром, время от времени транспортники проходили над лагерем, снижаясь или набирая высоту.

Угнать самолет? Но как до него добраться? И кто станет летчиком, кто сумеет поднять машину в воздух?

Все фантастика.

Тогда что?..

– Да ты не горюй, – сказал как-то Солдатов. – Читал Дюма? Помнишь, его аббат Фариа учил? Заключенный о своих замках всегда думает больше, чем тюремщик – о ключах. Вот и думай. Как-нибудь придумается...

Они говорили теми низкими негромкими голосами, которые, в отличие от шепота, чья ультразвуковая сила позволяет пробираться даже в дальние углы, гаснут в пяти сантиметрах от губ. Сумасшедший Кананд сидел неподалеку в углу, мерно качаясь и бормоча; время от времени всхлипывал или заливался тихим смехом.

– Не пробьемся, – вздохнул Артем. – Нет шансов. Перестреляют.

– Я тоже так думаю, – неожиданно легко согласился Сержант Солдатов. – Перестреляют. Значит, Магомету нельзя идти к горе.

– В смысле?

– В том смысле, что если Магомету нельзя, пусть гора топает к нему.

Артем покусал губы.

– Захватить тюрьму?

– Точно. И потребовать советских представителей. Или кто там еще бывает – Красный Крест.

– Ну да... так они их и пустят.

– Тут ты прав. Даже если пустят, все равно не придут. Не будет советских представителей.

– Почему?

– А когда ты видел, чтобы советские представители за советского человека вступались? – саркастически спросил Сержант Солдатов. – Зачем это им? Если история всплывет, этим советским представителям другие советские представители так по башке дадут, что у них головы послетают. Им что важно? – чтобы в Союзе тихо было. Там знают, что где-то есть такие brave парни – воины-интернационалисты. У них все хорошо. Живут по уставу. Крепят обороноспособность страны. В свободное время помогают афганским колхозникам собирать виноград, а также налаживать производство овощей и бахчевых... А то, что гробы привозят, так из любой армии в мирное время гробы привозят. Это все несчастные случаи, понимаешь? Поскользнулся солдат – и под танк. За ним, может, и другой, там и третий. Что делать – не все еще проявляют на учениях должную собранность... И тут вдруг такое: пленные! Ведь если пленные – значит война. Война?! Какая война? – Сержант Солдатов махнул рукой: – Такое попробуй напиши в газете...

– Да, но... – растерянно сказал Артем: приоткрывшаяся было дверь снова захлопывалась.

– С другой стороны, это единственная возможность, – вроде как подхватил его мысль Сержант Солдатов. – И последняя. Больше у нас ничего. Поэтому так: дайте представителей. И точка. Вяжемся – а там посмотрим.

– Уже и сейчас видно, – буркнул Артем. – Наполеона не надо. Что им наши требования? Они нас измором возьмут. Нет, надо подкрепить: дайте представителей, а не то арсеналы взорвем. Вот тогда и точка.

– Хорошо говоришь, – похвалил его Сержант Солдатов. – Есть в тебе, земля, наша советская беззаветность...

На следующий день в каземат бросили тех троих, что прежде содержались отдельно. Присмотревшись, Артем ахнул:

– Гачулаев! Ты?!

Гачулаев

После призыва Артем попал в полковую школу сержантов.

Заведение мало походило на школу в образовательном смысле этого слова. Учили здесь только одному – остервенению (потому что только в состоянии остервенения учащийся мог дожить до окончания курса), и учили с остервенением (потому что только в состоянии остервенения можно вытворять с учениками такое). Физическая подготовка, марши, кроссы, караулы, наведение порядка и муштра – все это без разбора времени суток. Бывало, что, вываливаясь часа в три морозной ночи для построения по форме «с голым торсом» и последующей пробежки, он искренне хотел умереть: тогда уже не придется, добежав, хвататься голыми руками за бронешит «сорокапятки» и катить, катить ее, проклятую, положенные двести метров: если расчет уложится в норматив, то повторения не будет, – но как уложиться, коли снегу намело чуть не по колено?

Когда эти месяцы кончились, поначалу сержантские лычки даже грели – не фунт изюма все-таки эти лычки.

Но перевели в часть – ничем не выдающийся мотострелковый полк, кое-как перебогавший скукоту мирной жизни на пыльной окраине областного среднерусского города, – и оказалось, что сами по себе лычки ничего не стоят.

В соседней роте такого же, как Артем, сержанта, едва перевалившего за полгода службы, подмяли под себя «деды», не смог он против них выстоять – и, как говорили, исправно затем вставал на тумбочку наравне с рядовыми, обращался к выключателю: «Товарищ выключатель, разрешите вас выключить!..»

Пятеро из семи взводных «стариков» вели себя по-дедбельски, законно пользуясь выслуженным правом ничего тяжелее ложки не поднимать. Восставать же против известного порядка вещей Артем не собирался: не он заводил, не ему и разводить.

Зато два оставшихся – саратовский ухарь Кремечкин и орехово-зுவский, весь насквозь блатной, истеричный и вечно взвинченный Лямчин, попавший в армию в попытке уйти от тюрьмы, но, похоже, так и не понявший, где на самом деле оказался, – стоили всех прочих. И в полной мере оправдывали (если принять, что оба являлись представителями сил зла) существование не всеми разделяемого мнения, что добро должно быть с кулаками.

Но все же и с ними ему удалось в конце концов не то чтобы поладить (какой уж лад, когда три драки, и одна чуть не до убийства), но войти в состояние нейтралитета: они не трогали пацанов из его отделения, а он взамен вообще их не видел. В

общем, своих чмырей Артем кое-как заслони́л, а потом, слава богу, все, кому положе-
но, дорисовали свои идиотские альбомы, дембельнулись и уехали.

И он смог перевести дух, потому что теперь у него остался только Гачулаев.

Конечно, крутолобый курчавый кавказец (ингуш, что ли) – был гораздо прият-
нее придурка Кремечкина и садиста Лямчина. Однако довольно скоро выяснилось,
что Гачулаев питает отвращение к самой идее безоговорочного подчинения, крае-
угольным камнем заложенной в фундамент армии. Тот еще подарок: если б не такие,
не родилась бы легенда о Сержанте Солдатове.

Артем вел себя с ним сдержанно, осторожно, но однажды Гачулаеву показалось,
что все-таки он несправедливо посягает на его свободу.

– Ты что командуешь? – спросил Гачулаев, серьезно глядя черными глазами.

С точки зрения ветерана, его претензии были оправданны: Артем еще года не
служил. Однако Артему не хотелось вставать на его точку зрения.

– Что непонятного? – несколько притворно удивился он. – Я сержант.

– Ты – сержант, – согласился Гачулаев. – Но почему ты? Почему не я, не он?

– Отставить разговоры, – посоветовал Артем.

– Я тебя слушать не буду, – серьезно пообещал Гачулаев.

Артем помедлил, пытаясь поймать в его зрачках хотя бы тень неуверенности. Ему
не хотелось выносить сор за пределы тех отношений, что установились у него с солда-
тами: он был здесь старше всех, и его слушали не только потому, что так велел устав.

– Послушай, Гачулаев, не дури, – сказал он, самой интонацией предлагая самые
мягкие условия хоть какого-нибудь компромисса. – Тебе придется слушать.

– Нет, – спокойно, без лишнего завода ответил Гачулаев. – Не буду.

– Думаешь, командовать должен ты, потому что сильнее?

Гачулаев задумался. Потом пожал покатыми борцовскими плечами:

– И сильнее тоже.

– Тогда, если хочешь, давай подеремся, – предложил Артем.

Упрямец удивился, но не настолько, чтобы образумиться.

– Давай, – согласился он, усмехаясь. – Подеремся.

Схватку назначили на вечер. Но в середине дня Гачулаев, работая на разгрузке,
оступился, упал в угольную яму и сломал ногу – да как-то нехорошо сломал, с вы-
вертом. И его отправили в дивизионный госпиталь, о чем Артем узнал с большим
облегчением.

Может, он потом и вернулся в роту, да только Артема в той роте уже не было. А
теперь вон что оказывается: тоже ушел в Афган.

* * *

Гачулаев сильно изменился: худ, измотан и сильно хромал после ранения. Носатая
физиономия осталась примерно прежней, но только если смотреть в профиль с пра-
вой стороны: в правом глазу негасимо пылали злоба, ненависть и несчастье, а левый
(точнее, оставшаяся от него впадина) прятался под грязной повязкой.

Рассказ о злоключениях оказался недлинным. Был ранен, потерял много кро-
ви. Очнулся в руках моджахедов Ахмад-Шаха Масуда. Сразу сказал, чтобы попусту не
возились, а доби́ли. Его не поняли. Держали в яме. Выжил: рана кое-как затянулась

и даже пустая глазница почти перестала болеть. Месяца через полтора его погнали на работу. Как он понял, пленных использовали в каких-то дальних коях на добыче бирюзы и аметистов. Он снова отказался и снова предложил кончить дело. Теперь он сам уже мог кое-как объясниться, и его Наверняка поняли. Но опять почему-то не убили, только поселили отдельно – должно быть, чтобы плохим примером не влиял на других. Честно сказать, он этого не понимал – чего возятся? На их месте он давно отправил бы самого себя к Мункару с Накиром – и дело с концом. Но нет, ничего похожего, даже стали выпускать из ямы...

Однако через день приходил мулла, уговаривал: ты же мусульманин. Гачулаев отвечал, что мусульмане разные. «Ты, как и мы, идешь путем сунны!» – не унимался мулла. Гачулаев в ответ просил расстрела или чего-нибудь похожего. Он знал, что здесь с этим просто. Сам видел: моджахеды заставили встать тесным кругом человек пятьдесят пленных, по большей части стариков. А может, они просто так выглядели. «Тесней встаньте, тесней! – кричал начальник. – Встаньте тесно, как мясо облегает кость!». Потом в середину бросили связку гранат. И добились раненых.

Он был готов к смерти. Но его зачем-то привезли сюда и поселили с двумя такими же, как он, упрямыми отказниками из кавказских мусульман...

– Когда узнали, что есть еще советские, работать согласились, – сказал Гачулаев. – Надеялись, что тогда к вам переведут. Трое – слишком мало. А вместе можно попробовать...

Борода у него росла седая – но, моргая одним своим глазом, Гачулаев омахивал его трогательно густыми черными ресницами.

Чирей

Гази чувствовал себя плохо – ни больной, ни здоровый. Так-то вроде ничего нет, но левая сторона головы наливалась краснотой и жаром и тяжелела. Время от времени что-то страшно дергало в глубине уха.

Он надеялся, что в конце концов отпустит само, потому что боялся медицины как огня. Когда же в конце концов не выдержал, комендант Абдуррахман, выслушав его жалобы, насмешливо ответил, что если из-за каждого прыща охранники возьмут манеру бегать к врачам, нарушится баланс мирового устройства: врачи станут слишком богатыми и задерут нос, а те, у кого прыщей нет, должны будут взвалить на себя тяготу чужой службы.

– Ты бы хотел служить за другого? – сурово спросил он. И пристыдил: – Будь мужчиной!

Что ж, понятно: чужая голова меньше болит, чем своя...

Но поговорки поговорками, а все же комендант Абдуррахман в данном случае был коренным образом неправ. И если бы Гази знал, что фурункул, расположенный между хрящом уха и костью черепа, способен умертвить его уже к вечеру, он бы, конечно, резко возразил коменданту, чтобы добиться своего.

Однако он был простой пуштун. Всю его родню пользовали не врачи, а муллы или табибы, равно уповавшие как на целебность дыхания, напоенного святостью читаемого Корана, так и на дым бумажки с чернильной вязью соответствующей

суры. Тут главное не перепутать: против кашля одна, против чумы – совершенно другая.

В общем, по совокупности обстоятельств Гази остался нести службу: стоять нарядом с другими охранниками возле грузовой площадки, расставив для устойчивости ноги в высоких ботинках и нахлобучив пробковый шлем, похожий на половинку большущего кокоса. Карабин он держал более или менее вольно, но в любую секунду был готов перехватить его в боевое положение.

Сегодня все работали – и афганцы, и шурави. Народу толклось – как муравьев, огромные ворота склада стояли нараспашку, ящики один за другим перекочевывали из жары двора в пекло арсенала, и все шло своим порядком.

Своим – да не своим: в глазах у него мутилось, беспрестанное движение не развлекало, а томило, он с усилием следил за пленными, разгрузившими три большие фуры. Голова то наливалась каменной тяжестью, то полуобморочно легчала. В глубине уха стреляло, и всякий раз его бросало в пот и волну озноба.

Мужчина не должен позволять своим чувствам отражаться на лице. Но все же, вероятно, эти чувства проступали на мокрой от пота физиономии, потому что один из пленных, присмотревшись, спросил на фарси:

– Что с тобой? Ты болен?

Гази подкупило, что шурави разглядел болезнь издалека, и он пренебрег тем, что не должен был вступать в посторонние переговоры.

– Да ну, ерунда, – хрипло сказал он.

Пленный сделал шаг и присмотрелся.

– Наверное, фурункул, – сказал он. – Опасно. Иди к врачу.

Слова «фурункул» Гази не знал, а Артем не знал, как ему объяснить.

Гази снова махнул рукой, с усилием улыбаясь:

– Что бегать к врачам по каждому пустяку.

– Как знаешь... Аптечка есть?

Гази кивнул.

– Могу попробовать тебя полечить. Понимаешь? Но если не получится – тогда уж точно к врачу.

Гази недоверчиво вглядывался в серые глаза этого шурави. Взгляд казался озабоченным. Это его снова подкупило.

– Хорошо, – сказал он. – Что нужно?

– Йод есть?

– Есть.

– Еще острый нож. Очень острый. Понимаешь?

– Понимаю.

– Еще бы хорошо, знаешь... – пошевелил пальцами, пытаясь изобразить щипчики.

Оглянулся. Крикнул Солдатову:

– Сержант, как щипцы на дари?

– Гиро, – ответил тот.

– Гиро даркор. Фахмиди?

– Фахмидам, – кивнул Гази.

Когда разгрузка кончилась, пленные спустились в подвал, а этот шурави пошел в караулку и стал распоряжаться, как у себя дома:

– Вскипяти воды. Где йод? А меньше ножа нет? Хорошо. Наточи.

Кто-то из охранников заворчал. Гази успокоил.

Когда все было готово, Артем попробовал острие. Смочил йодом клочок ваты, протер лезвие, долго мусолил пальцы: щипцов не оказалось, и ему предстояло действовать ногтями.

Гази сел на стул под лампу. Ухо пунцовело в полумраке дежурки. Четверо других охранников, рассевшись на лавке, обеспокоенно цокали языками.

– Нет, – сказал Артем, примерившись. – Темно. Пойдем на улицу.

Устроились на пустом ящике. Артем протер йодом воспаленную шишку.

– Ну, – пробормотал он. – *Господи Иисусе, спаси и помилуй!*

Взяв нож как берут перо, рассек головку. Гази застонал. Побежала кровь. Артем промокал кусочками ваты. Утихла.

Начал ковырять в плоти. Гази дергался.

– Тихо, тихо! – повторял Артем по-русски. – Тихо!..

Оголили кончик белесого некротического стержня.

– На! – отдал нож охраннику.

Промокнул... еще раз...

Осторожно схватил ногтями.

Начал тянуть.

«Господи! Не оборвись!»

Стержень не шел.

Еще!

Не идет.

Он похолодел.

Но вдруг... вдруг под пальцами что-то отчетливо кракнуло!

Есть! – омертвевшая плоть отделилась от живой.

Осторожно вытягивал...

Вот он! С одного конца толстый – почти с карандаш, к другому утончается до толщины спички: сантиметра два, не меньше.

– На, смотри. Он бы тебя точно убил...

Утром, выводя на работу, Гази широко улыбнулся, хлопая себя по уху:

– Настоящий табиб! Совсем все прошло! Спасибо, брат!

– Пользуйся, – ответил Артем. – Не жалко.

Встречая его следующими днями, Гази все цокал и качал головой:

– Табиб! Настоящий табиб!

Несколько раз приносил лепешки, дважды – виноград.

– Полюбил он тебя, – задумчиво сказал как-то Сержант Солдатов, отщипывая виноградину. – Ох, полюбил, зараза.

– Ну да, – кивнул Артем. – А что не полюбить? Я ему ничего плохого не сделал.

– Это правда, – согласился Солдатов.

– Пока, – поправился Артем.

Тот хмыкнул.

* * *

В подвал вернулись к вечеру.

Дожидааясь, пока пленные друг за другом войдут в казематы, охранник между делом заорал, вскинув голову:

– Э, Гази! Ты чайник поставил?

Гази ответил чем-то гулким.

– А чего ждешь?! – возмутился кричавший.

Ответа не последовало.

– Э-э-э, что за дурак этот Гази? – неодобрительно спросил охранник у самого себя, а затем скомандовал: – Становитесь на молитву!

После чего хлопнул со всей дури железкой двери и потопал в караулку.

Над лагерем, действительно, разносился протяжный голос муэдзина.

– Ну что? – сказал Солдатов, оглядывая всех. – Пора. Молиться будем или как?

– Потом помолимся, – сказал Артем.

– Тогда давай. Как договорились.

Нарочно шаркая, Артем подошел к выходу и заорал примерно как давешний топтун:

– Гази! Э, Гази!

Никто не ответил. Он решительно распахнул дверь и направился к караулке.

Не сделав последнего шага, снова заорал, чтобы заранее обнаружить свое присутствие:

– Гази! Ты здесь, нет? Дай соли, брат!

Гази выскочил из караулки с карабином наперевес. Увидев Артема, не то чтобы расплылся в дружеской улыбке, однако и прежнюю настороженность немного умерил.

– Что солить будешь? – насмешливо спросил он.

– Лепешка с утра осталась, – пояснил Артем.

Сделал еще шаг.

Кроме Гази было еще двое – один сидел на лавке, откинувшись и протянув ноги поперек небольшого помещения, другой возился у тумбочки, заставленной пиалками и мисками.

– На, – сказал Гази, протягивая руку.

Артем резко дернул, одновременно ударив коленом и сорвав карабин.

Гази повалился.

Сидевший успел только распрямиться, стоявший – повернуть голову.

Их карабины стояли рядом – у лавки. Но Артем уже передернул затвор и молча повел стволом: не надо.

Тишину нарушил лязг двери и топот ног.

Первым ворвался Солдатов, за ним Десант. Бросились к оружию.

– Раздевайтесь! Быстро!

Путаясь в рукавах и штанинах, охранники поспешно снимали форму.

Гази постанывал, ворочаясь на полу.

– Гази, – немного виновато сказал Артем. – Ты меня прости.

Гази сел, бормоча ругательства и плюясь.

Заперли там, где прежде сидели сами.

* * *

Выйдя из здания тюрьмы, Фазлихуда направился к вышке.

Шагал неспешно, вразвалку.

Его длинная бледная тень – рожденная последними лучами солнца и находящаяся на самой границе небытия – скользила по битому асфальту грузовой площадки.

Во что Фазлихуда оделся, заключить по его тени было невозможно, а вот пробковый шлем на голове делал ее похожей на гриб-переросток – бывают на болотах такие подберезовики: длинная, как палка, нога, а сверху шляпка с кулачок.

Один из выщечников что-то крикнул – что именно, Фазлихуда не разобрал. Выщечник орал на пушту, а Фазлихуду звали Шурой Десантом, а еще до того Шурой Кондратьевым, что же касается иностранных языков, то в сельской школе они вообще давались ему плохо.

Но по голосу он понял, что пуштун кричит без строгости, а так – то ли немного удивляясь, то ли просто шутя.

Ни Солдатов, ни Артем не могли взять это дело на себя, чтобы не вызвать преждевременных подозрений, – таких рослых среди охранников не было. А Фазлихуда невысок: рассчитывали, что его, особенно если одет по форме, спутают с кем-нибудь из своих.

Фазлихуда схватился руками за перильца и начал подниматься.

Шлем сполз на лоб – специально так посадил, чтобы сверху не разглядели лица.

Опять что-то крикнули.

– Эге-ге-ге! – дружелюбно ответил он. – Го-го!

Заскрипели петли деревянной дверцы, закрывавшей последние перекладины лестницы при выходе на наблюдательную площадку.

– Сейчас, сейчас, – хрипло пришептывал Фазлихуда по-русски, взбираясь все выше. – Дай срок. Сейчас помолимся.

Дым над Бадаберой

Бадабера.

Майору Даврани нравилось это имя – грозное, грохочущее, раскатистое. Оно внушало заведомое уважение. Оно звучало как череда выстрелов, накатывалось громом гремящих невдалеке залпов: Бадабера!..

Кроме имени, ничего хорошего тут не было.

Как все, что начинается с утраты хоть и небогатого, но последнего имущества, а продолжается в нищете, болезнях и недостатке самых простых вещей, включая чистый воздух и воду, лагерь беженцев и должен был производить такое унылое и тягостное впечатление.

Белые, голубые и розовые шатры гуманитарной помощи, слепившиеся в одно цветастое покрывало, выглядели веселенько. На самом же деле в них ютились такие же несчастные люди, что занимали место рядом, укрываясь от зноя лишь собственным тряпьем.

Сердце сжималось, когда он проезжал мимо. Не мог отделаться от сколь навязчивых, столь и нелепых представлений: то ему чудилось, что заметил в толпе несчаст-

ливцев собственных сестер; то воображал, будто сам тянет здесь время под диким белым солнцем, а пытаюсь заглянуть в будущее, видит только ту же дичь и несчастье.

Дети, дети, дети... пуштунские женщины с открытыми, а потому особенно пугающими лицами... старики.

Ближе к укреплениям палатки сменялись лепившимися друг к другу глинобитными кибитками. Обитатели кибиток прожили здесь дольше, потому и степень их благоустройства была несколько выше, чем у тех несчастных, что населяли то и дело срывааемые пыльными бурями полотняные шатры. Хотя, конечно, на взгляд человека, привыкшего каждодневно пользоваться зубной щеткой и есть с отдельной тарелки, разница между этими двумя классами беженцев оставалась неразличимой.

Все это скопище волной подкатывало к стенам, и если бы не полоса отчуждения, огражденная колючкой и пакистанскими солдатами в пробковых шлемах, то и перехлестнуло бы их, слившись в конце концов с кибитками выгорелого пакистанского кишлака, что лепились друг к другу с другой стороны крепости.

Сама она была довольно проста: вовсе не башни, бастионы, рвы, мосты или еще какие фортификационные сооружения, сложенные умелыми строителями, а всего лишь более или менее ровный пятиугольник глинобитного дувала: два километра на полтора.

Высота его составляла примерно пять человеческих ростов, ширина основания – по крайней мере два. Поверху кое-где зубцы и всюду – колючая проволока. В углах наблюдательно-пулеметные вышки.

Внутри первой стены наличествовала вторая: она делила внутренность укрепления на две неравные части.

Большую занимали службы учебного лагеря.

Как один из кураторов, майор Даврани пристально интересовался ходом учебного процесса и всячески способствовал тому, чтобы каждые полгода лагерь выпускал триста хорошо обученных моджахедов: они отправлялись на родину, становясь руководителями провинциальных, уездных и волостных звеньев Исламского общества Афганистана.

Лагерь выглядел ухоженным: асфальтированные проезды петляли между площадками, учебными площадками и бараками различных служб. Человек пятьдесят египетских инструкторов и несколько советников из США жили в щитовых домиках.

В меньшей, представлявшей почти правильный треугольник, располагались ангары шести складов-арсеналов. И три тюрьмы – двухэтажные, хорошо укрепленные здания, оснащенные вместительными подвалами, в которых, собственно, и содержались заключенные.

Миновав шлагбаумы, надолбы и колючки КПП, прибывавшие из Пешавара грузовики въезжали на территорию лагеря и оказывались на одной из грузовых площадок, чтобы пополнить своим содержимым склады вооружения и боеприпасов.

Другие, наоборот, закончив погрузку и претерпев, в свою очередь, все тяготы неприятных подозрений и проверок, выбирались на волю и пылили в другую сторону – к границе.

Майор Даврани знал, что в погрузочно-разгрузочных операциях задействованы пленные, но не интересовался этим. Хорошо налаженное дело не требовало участия в мелочах. Кого использовать на работах – компетенция местного руководства.

Вот когда это большое дело начиналось, ему приходилось вникать во все подробности, отмечать все недостатки, заботиться об их устранении... Бесценное оружие совершало длинные, сложные и опасные путешествия. Тайно купленное в Китае, Египте, Израиле или где-нибудь еще, оно проплывало, пролетало, проезжало тысячи и тысячи километров. Его помещали то в одни ящики – под видом телевизоров или холодильников, то в другие – в качестве якобы станков или автомобилей. Оно переживало десятки перегрузок, проверок и перепроверок, маркировок и перемаркировок, с каждой из которых была связана опасность разоблачения. В конце концов оружие оказывалось в Карачи. В обстановке глубокой секретности пакистанские спецслужбы грузили его в охраняемые поезда, державшие курс на Исламабад и приграничный город Кветта.

В целом это была весьма солидная, поставленная на широкую ногу деятельность – одна из самых значительных в истории тайных операций. И, как всякая солидная операция, она привлекала массу спекулянтов, политических взяточников, продажных конгрессменов, недобросовестных торгашей, жуликов от политики и просто жуликов.

Неудивительно, что в первое время, когда драгоценный груз прибывал наконец на место и распломбированные двери со скрежетом и лязгом отъезжали в сторону, в вагонах обнаруживались сломанные карабины, амуниция третьего срока носки, негодные боеприпасы и заржавелая техника...

Теперь дело встало на серьезные, накатанные рельсы. И в целом не сулило никаких неожиданностей.

Тем более его поразил дым.

Он заметил его еще с перевала.

Крепость розовела в лучах закатного солнца, а черный дым, кривясь и ломаясь, будто буква «дайн», высоко поднимался над тем треугольником, где располагались тюрьмы и склады.

Гнал машину, джип прыгал на неровной дороге, волоча за собой шлейф пыли.

При подъезде к первым палаткам он заметил еще один признак явного неблагополучия.

Окраины лагеря роились отходящими: женщины снимали шатры и брели в пустыню, таща за собой детей и волоча тючки скарба. Облюбовав новое место километрах в полутора от прежнего – такое же дикое, без единой капли воды, но, вероятно, на их взгляд все же более безопасное, – возвращались, чтобы забрать остатки своего скорбного имущества.

* * *

Кортеж Бурхануддина Раббани примчался уже в половине одиннадцатого.

Майор ожидал увидеть его примерно в таком же состоянии, в какое ненадолго впал сам, когда осознал случившееся.

Однако профессор выглядел совершенно спокойным: вошел неспешно, так же неспешно и приветливо поздоровался. В темном костюме, несмотря на жару, в темной же (однако с тонкими светлыми полосками) чалме поверх черной шапочки, какие носят ученые-алимы, знатоки Корана и веры. Лет сорока пяти, худощавый, с совершенно белой бородой, он то и дело потирал ладони – будто они могли зябнуть в этом пекле. Должно быть, именно в этом сказывалось его напряжение.

– Слава Аллаху, – сказал полковник, начальник лагеря и крепости. – Боялся, обстреляют вас, когда будете подъезжать.

– Все в руках Аллаха, – кротко ответил теолог. – Докладывайте.

С тех пор, как Раббани говорил с полковником по телефону, обстановка не переменилась, так что доклад не содержал ничего нового.

Восставшие захватили наблюдательно-пулеметную вышку внутри арсенально-тюремного сектора. Разоружили охранников и, вероятно, заперли в тюремных помещениях. Освободили пленных сарбазов – солдат афганских правительственных войск. Судя по численности повстанцев, часть освобожденных не пожелала участвовать в событиях – скорее всего, спрятались в своих же казематах. Однако большинство, вооружившись, вместе с советскими заняли угловые вышки и крыши зданий.

В самый разгар пятничной молитвы, проводившейся на плацу приехавшим из Пешавара имамом, во дворе одной из тюрем грянул выстрел: его произвел один из разоружаемых охранников. Набожность не помешала встревоженным курсантам мгновенно броситься на штурм. Что сказать? – поспешная и очевидная глупость: без подготовки, не поняв толком, что к чему...

– Восставшие успешно отразили первую атаку, – сухо сказал полковник. – Восемь курсантов убито. Двадцать семь ранено. Четверо тяжело – вряд ли доедут до Пешавара. Результаты следует объяснить неподготовленностью...

Он замолчал.

– Вероятно, не стоит спрашивать насчет вооружения восставших, – вздохнул Бурхануддин Раббани, морщась.

Полковник виновато развел руками: каждому понятно, что если ты засел внутри складского комплекса, ни в оружии, ни в боеприпасах у тебя недостатка не будет.

«У них есть даже “Стингеры”, – желчно подумал майор Даврани. Ну да, именно из здешних оружейных складов двинулся к победе караван с первыми. А несколько дней назад пришли грузовики еще с двумя сотнями. – Надеюсь, сами они об этом не догадываются. А если догадываются?..»

Он содрогнулся.

– Нужно начинать переговоры, – сказал Раббани, зябко потирая руки. – Пошлите депутацию. Предложите гарантии – в обмен на немедленное разоружение и сдачу. Сохранение жизни. Возможность свободно уехать в любую страну Запада...

– Всем? – переспросил полковник.

– Всем, – кивнул Раббани. – Без исключения.

Даврани тоже кивнул. И одновременно пожал плечами.

Если это всерьез, то, вероятно, богослов не вполне продумал последствия. Допустим, кто-нибудь из восставших и в самом деле окажется в одной из стран Запада. Не успеет он сойти с трапа, как за него возьмутся журналисты. Очень скоро выяснится, что пленных содержали на территории Пакистана. Само по себе неудивительно – мало ли происходит на свете всяких гадостей. Но это в корне противоречит уверениям Зия-уль-Хака, что Пакистан не участвует в войне. Более того, Пакистан всеми силами препятствует поставкам оружия моджахедам. И поэтому вправе рассчитывать на сохранение дружеских отношений с СССР.

И тут такое – шурави в Бадабере! На пакистанской территории! Их держат в норах, как зверей, кормят отбросами, заставляют работать!

Зия-уль-Хак будет не просто разгневан, не просто в ярости: он придет в бешенство.

Вся афганская проблематика чрезвычайно осложнится.

Одним из первых это почувствует именно Бурхануддин Раббани: меньше поддержки, меньше денег, меньше возможностей воевать с неверными – а ведь он как никто другой стремится к освобождению, поскольку лелеет планы стать главой нового Афганистана...

Неужели не понимает?

Нет, не может быть.

Насколько он знал профессора, тот не допустил бы подобной ошибки.

* * *

Артем смотрел в щель железных ворот. Спины троих моджахедов быстро удалялись – спешили убраться подобра-поздорову. Когда отошли метров на пятьдесят, белый флаг стал похож в темноте на лунное пятно. А потом и вовсе исчез.

Через два часа обещали вернуться за ответом.

– Вот и посудачили, – сказал Сержант Солдатов. – Давай, обойди всех, узнай, что думают. С афганцами я сам потолкую...

Через полчаса Артем поднялся на крышу арсенала.

Солдатов удобно устроился в бастиионе, что оборудовали моджахеды для собственных целей. Мешки с песком, образуя капитальный бруствер, открывали пулемету ДШК широкий сектор обстрела. Ворота как на ладони. Перед ними – довольно значительный кусок территории лагеря, домики курсантов...

Метрах в сорока правее в таком же укреплении засели афганцы из числа пленных сарбазов.

– Что говорят? – спросил Артем, кивнув в ту сторону.

Солдатов пожал плечами.

– Еще не спрашивал. – И крикнул туда: – Хафиз! О Хафиз! Ин ча бьё!

– Меравам! – откликнулся Хафиз. – Иду!

Пригибаясь, перебежал к ним, свалился у мешков, радостно посмеиваясь и кивая.

Хафиз выглядел воистину звероподобно: широкое лицо, плотно поросшее курчавой и чернющей шерстью усов и бороды и сходявшейся воедино с такой же черной, плотной и кудрявой шерстью шевелюры; из непроглядной волосни весело моргали черные глаза.

– Что? – спросил он, улыбаясь и кивая. – Новости есть?

– Новости? Да вот Артем интересуется – как вы там? Не передумаете?

– Что ты! – ужаснулся Хафиз, прижимая ладони к груди. – Как можно!

– Ну а как можно? – рассуждал Солдатов. – Так и можно. Решите, что пуштуны правду говорят... дело обещают. Всех нас выпустят, в Америку отправят. А?

– Ты с ума сошел! – Хафиз возмущенно поднял ладонь.

– Ну хорошо... А те, что в казематах сидят, – может, им такое в голову придет?

– Перестань! Кто их слушать станет?! На свободу струсил выйти – это люди? В тюрьме до смерти остаться – разве так можно? Жить в тюрьме – и умереть в тюрьме? Нет, умереть свободным надо!

– Все равно, – настаивал Сержант Солдатов. – Мало ли как может повернуться. Поверите, что выпустят. И согласитесь. Не может такого быть?

– Да, да, – снова засмеялся и закивал Хафиз, разгадав наконец напускное просто-душие. – Ты прав, ты прав. Они же такие добрые, ага. Выпустят, конечно. Еще каждому коров дадут по целому стаду... или ты хочешь козами взять?

Он игриво подмигнул.

– Козы нам ни к чему, – вздохнул Солдатов. – Мы до дома потерпим.

– До дома! – грустновато возразил Хафиз. – До какого дома? Не будет нам никакого дома.

– Ты прежде времени не хорони, – пресек малодушие Солдатов. – Помрем, тогда уж. И потом: сам-то что горюешь? Воин, погибший в бою, сразу попадает в рай. Разве не хочешь?

– Э-э-э! Вот скоро сами увидим, куда попадает воин, погибший в бою... Может, там и встретимся, а?

И снова дружелюбно и радостно рассмеялся.

– Хотелось бы встретиться, – согласился Солдатов. – Да уж больно боги-то у нас разные.

* * *

Майор Даврани полулежал в кресле, закрыв глаза и положив ноги на стул.

Ночь кончалась. Окно было готово поплыть к рассвету.

Он не спал. Но все же дрема время от времени взмахивала перед глазами разноцветным тряпьем.

«Дедушка, – воскликнул он. – Но ведь нам в школе по-другому говорят!»

Дедушка Назри усмехнулся.

«В твоей школе умные люди, много знают... Подрастешь, возьму с собой. Сам увидишь». – «В горы?» – уточнил он. – «В горы, – кивнул дед. – В горах всегда два рассвета. Первый называется ложный. Чуть кругом засветлеет... даже вершины гор покажутся. Ну, думаешь, пора вставать. И вдруг – раз! Как будто мешок на голову. Такая темнота, такой мрак!.. А уж потом второй, настоящий». – «А когда?» – «Что когда? – удивился дедушка Назри, как будто не понимая. – Когда рассвет? Когда ночь кончается, когда ж еще...» – «Нет, когда поедем?» – «Я же говорю: подрастешь немного...» – «Когда будет десять?» – «Ну, да. Например, когда тебе будет десять».

Крякнула дверь, он раскрыл глаза.

Нет, окно оставалось темным... приснилось.

– Господин майор, не спите? Приглашают.

Атмосфера небольшого кабинета начальника вполне соответствовала времени суток.

Раббани сменил строгий европейский костюм на нечто домашнее, выглядевшее совершенно по-дехкански: сидел, нахохлившись и плотно запахнув чапан, из-под которого выглядывали самые натуральные шаровары и обутые на босу ногу калоши. Полковник деловито хмурился, но время от времени все же уступал томившей его зевоте – точнее, безуспешно пытался скрыть ее нечеловеческим усилием мощных челюстей.

Раббани молчал, рассеянно двигая самописку по листу бумаги. Вправо. Влево. Опять вправо.

Ожидая, когда лидер что-нибудь скажет, Даврани невзначай посматривал на него.

Чапан, калоши... пуштуны так не одеваются.

Афганский таджик. Таджики вечно пытаются взять на себя все тяготы продвижения ислама... Вот и этот – потомственный мулла. Смолоду духовный путь: богословский факультет Кабульского университета, затем Каирского. Из Египта вернулся убежденным сторонником религиозного государства... Подрывная работа не принесла плодов благополучия: принц Дауд, ставший главой страны в результате переворота, решил обезопасить себя от ошибок прежнего правителя. Бурхануддину Раббани, в ту пору уже ставшему главой «Джамаат-и-Ислами», пришлось бежать в Пешавар – прямо от гостеприимно распахнутых дверей тюрьмы.

Наверное, он никогда бы не вернулся, но его вернули сами шурави: Раббани в числе первых призвал афганцев к сопротивлению неверным и вскоре стал едва ли не самым непримиримым и последовательным борцом против них. Поэтому теперь...

– Что вы думаете, господин Даврани? – спросил Раббани, поймав его взгляд.

Майор откашлялся.

Вариантов было немного.

Первый – согласиться с условиями. То есть пригласить из Исламабада представителей советского посольства. Или афганского, что одно и то же.

Это означало огласку. Причем даже еще худшую, чем та, что последует, если и в самом деле позволить им уехать на Запад.

Второй – снова штурм. Но уже значительно более подготовленный. С применением всех необходимых средств. Артиллерии. Авиации.

Однако восставшие грозят подорвать арсеналы...

Реальна ли их угроза?

Еще бы. Штурмовать пороховые бочки и одновременно рассчитывать, что они останутся нетронутыми – для этого нужно обладать оптимизмом очень высокого градуса.

Вот уж будет фейерверк!..

Два с лишним миллиона патронов, больше двух тысяч ракет и снарядов... несколько установок «Град», выстрелы к ним.

И двести его «Стингеров».

Хиросима?

Может быть, чуть меньше. Но в любом случае – ад.

Взрыв сметет все: и саму крепость, и военную базу. Хорошо, если не пострадает аэродром, до которого четыре километра.

Дымные развалины.

В том пламени, что восстанет над Бадаберой, человеческие души взмоют к небесам, как освобожденные птицы.

Еще вопрос, останутся ли тела...

Третий вариант тоже существует. Оставить все как есть, тянуть время. Паралич воли.

Что тогда?

Измором их не взять – пару-тройку недель проживут на тюремных запасах. А за это время кто-нибудь непременно проболтается. Солдат, курсант... офицеры тоже болтливы. Слишком многие знают – целый полк.

Не пройдет и трех дней, как дело разнохает афганский ХАД. Передаст советским. Дальше – больше. Тайна неизбежно выпорхнет и затанцует по свету. К Зия-уль-Хаку заявится посол с соответствующей нотой.

Как ни посмотри – все глупость.

– Вы слышите меня, господин Даврани?

– Видите ли, – сказал майор. Он развел руками, с прежним отвращением чувствуя совершенное бессилие. – Вам нужно уехать. Ситуация вышла из-под контроля.

– Возможно... Вы поедете со мной.

– Я не могу, – возразил майор. – Я никак не могу. Я должен спасти груз.

– Какой груз?

– Ценный, – сказал он. – Очень ценный.

И снова тупо подумал: да, они взорвут арсеналы.

Мысль скользнула спокойно, бестрепетно.

Двести «Стингеров» обречены.

Упрямо насупился. Нет, не может быть!..

Раббани взял самописку, повертел, снова положил на лист.

Посмотрел в окно.

– Светает, – сказал он.

* * *

– А что, Артем, – робко спросил Витюша Громобоев, – не выпустят они нас?

– Нет, – Артем пожал плечами. – Не выпустят.

Они помолчали.

– Да хрен бы с ними, – сказал Шура Десант и зло выругался. – Не больно и хотелось.

Снова повисло молчание.

– Ага, тебе-то не больно, – шмыгнул носом Витюша. – Тебе что... а у меня мать одна в Актюбинске останется... хорошо ей будет?

– Интересное кино! Как будто у меня матери нет! – возмутился Шура.

Витюша сидел, закрыв лицо ладонями. Потом сказал, хлюпнув:

– Я вообще сюда по ошибке попал. Я за щебнем ехал...

– Как это – по ошибке? – сказал Артем, как будто не знал историю Витюшиного пленения.

– Да так!..

Еще когда посылали за этим треклятым щебнем, Витюша чувствовал, что дело добром не кончится. У стройбата есть же свои машины? – есть. Вот и пускай бы на своих – хоть за щебнем, хоть за галькой!..

Так нет же: у них, видишь, все самосвалы, а с карьера надо какие-то железки привезти. Ну и выкляли его «шаланду».

Заблудились. Лейтенант остановил колонну, вышел, разложил на крыле карту, стал водить пальцем. Видать, что-то вычитал: дал знак – поехали, мол, дальше.

Семнадцать самосвалов тянулись, нещадно пыля, по кустистым буеракам, где, похоже, если и была дорога, то прежде по ней ездил только черт в ступе. Выбрались на край поля. Там какие-то люди: видать, отродясь не мечтали, чтобы в их глухомань целая колонна завалила. От второй машины поспешил к летехе сержант-чучмек. Лейтенант говорил, чучмек переводил, афганцы кивали. Потом дружно показали направо. Лейтенант пожал им руки, колонна тронулась...

– Ну? – сказал Артем. – И что?

– Да что, – Витюша вздохнул. – Не туда они показали, вот что. Не к карьеру, а на кишлак. А там нам всем карачун настал. Передний «ЗИЛок» с гранатомета подбили... загорелся. Я уж ученый, – он безнадежно махнул рукой. – Разворачиваться начал. А тут бац! – еще два с другого конца. Куда теперь? Пацаны из кабин врассыпную. А им только того и надо. Щелк! щелк!.. как на охоте. Потом грабить – а что в самосвалах грабить? Все пожгли с досады... Вот и выходит, что по ошибке.

Отсюда, с угла второй тюрьмы, лагерь виднелся краешком – большую часть закрывало соседнее здание. Но ворота – вот они. Прямо в прицеле.

– Ладно тебе, – сказал Артем. – Ты же гвоздь-парень, Витюша. Ты же в «ленточках» ходил.

– Давай пока пулемет разберем, – предложил Десант. – Я покажу...

– Не надо мне пулемет, – хмуро отозвался Витюша. – Что мне пулемет?

– Пусть патроны подносит, – сказал Артем.

– А что их подносить? – спросил Десант. – И так вон уже целую кучу натаскали. Только жги – никто не пролезет. Правда ведь?

– Правда, – через силу кивнул Витюша. – Только жги...

– Ладно, – сказал Артем, поднимаясь. – Держитесь. Мы тут, неподалеку. А?

Витюша молчал, опустив голову.

– Ну понимаешь: вместе же, – беспомощно сказал Артем. – Вместе, понимаешь?

Тогда Витюша кивнул и благодарно поднял на него блестящие от слез глаза.

* * *

Страх давно отработал свое, но время стеснилось: каждая секунда отклеивалась от предыдущей нехотя, с трудом, будто мокрая страница.

– Ох и звезды здесь! – сказал Сержант Солдатов. Он полулежал, откинувшись на бруствер и закинув руки за голову. – Как яблоки!..

– Яблоки?

– У нас под Белгородом знаешь какие яблоки? Сила...

Звезды и впрямь были хороши – пушистые, они сплошь серебрили небо. Но на яблоки, на его взгляд, совершенно не походили. Скорее как пушистый помпон Лизкиной шапочки. Была зима, снег серебрился, летя с неба, как сейчас серебрились звезды, но его бесчисленное мельтешение не имело ничего общего с безмолвным и насмешливым покоем мерцающих светил... Зато когда она пошла к подъезду общежития, к лампе под его козырьком, помпон высветился – и стал похож на пушистую звезду.

Света хватало, чтобы достаточно осветить пространство лагеря, – незамеченным к запертым воротам не подобрешься.

Артем вздохнул.

– Ну да...

– Артиллерию подтянут, – сказал Солдатов. – Ты женат? – спросил он, поворачиваясь.

– Женат.

– И дети есть?

– Сын.

– И что ты сюда поперся? – удивленно спросил Сержант Солдатов. – Рядовым-то? Надо тебе было за чужую глупость голову класть?

Артем отметил про себя это его «рядовым-то», найдя новое подтверждение: точно, сам он офицер, к бабке можно не ходить. Следовательно, вопрос значил следующее: ну мне-то деваться некуда, у меня работа такая, военная, а ты куда, женатый и детский?

– Я вообще-то художник, – ответил Артем, будто это могло хоть что-нибудь объяснить.

Но Солдатов вроде как уловил нечто главное.

– А-а-а, – протянул он понимающе. Потом добавил, усмехнувшись: – Баталист?

Артем хмыкнул.

– Надо же, какие слова знаешь!.. В каком-то смысле – да.

– Я понимаю, – сказал Солдатов. – Хотел, небось, военной жизни навидаться? Картин потом понаписать?

– Хотел, – признался Артем. – Не думал, правда, что настолько военной... Да ладно, что мы. Ты сам-то что? Женат?

Солдатов откинулся на мешок с песком и снова стал смотреть в небо.

– Я как все. Жена. Дочка... Глупость, конечно. Они в Белгороде, я здесь. Сажу на крыше арсенала. Во всем белом, мусульманском, – он покачал головой, будто недоумевая, как его угораздило. – Чалму вот только снял. На кой черт мне теперь чалма?

– Ну да, – кивнул Артем. – Глупость, конечно.

И сам он. Тоже глупость. У него жена Лизка, сын Сережка. Если бы он приехал завтра... да что уж, мечтать так мечтать: сегодня. Лизка бы обрадовалась как! Сережка тоже, наверное... но он еще маленький, не понимает. Зато они бы сразу втроем к Кире с Герой – встречайте! Вот было бы крику, смеха, слез!.. И пудель Портос бы визжал, то прыгая до потолка, то припадая к ногам.

А он на краю земли, где слоны живут. Где звезды как яблоки.

Как хотелось бы взлететь над глиняными стенами Бадаберы!

Орлом? Голубем?.. Хватит у голубя сил долететь до Москвы?

Сначала с высоты, издалека увидеть огромный город – полосы отчуждений близ железных дорог, дома окраин, полосы магистралей, заборы, муравьиная побежка цветных автомобильных лент на дорогах, изгибы реки... вот и башня Университета!..

И еще дальше, и еще – махнуть над толкотней огромного города, пролететь дворами... и вот наконец сесть на карниз родного окна.

Поймут они, когда он начнет ворковать или постучит клювом в стекло?..

– В каком-то смысле – не повезло, – нарушил молчание Сержант Солдатов.

Артем на мгновение зажмурился.

Ему не хотелось, чтобы Сержант Солдатов говорил о подобном. Все и так ясно. Он даже вдруг испугался: ляпнет сейчас что-нибудь!..

Но не знал, как остановить. Просто недовольно пожал плечами и буркнул так же недовольно:

– Почему не повезло?

Сержант Солдатов еще не ответил, но Артем то ли по движению готовящихся к слову губ, то ли еще как-то понял, что именно он хочет сказать, и резко перебил:

– Да ладно тебе!.. кто здесь выигрывает? Кто вообще в жизни выигрывает?!

Солдатов молчал.

– Сто рублей не деньги, – добавил Артем.

– Вот это верно, – легко согласился Солдатов, беря прежний тон и даже встряхивая головой, как будто отгоняя напавший на мгновение морок. – И курица не птица, а Гавнистан – не заграница. И... и за родину погибаем или так просто? Как думаешь?

– Где она, родина, – вздохнул Артем.

– Где родина? – Солдатов на мгновение задумался. – Ладно, мы этот вопрос сейчас не порешаем. Ну и не будем мусолить. А вот сил чуток надо набраться. Давай так: ты минут сорок вздремнешь, потом я.

– Нет, не хочу. Наспимся еще. Погоди минуточку..

– Что?

– Скажи, как тебя зовут?

– Зачем?

– На всякий случай, – серьезно пояснил Артем. – Мало ли что. Ногу сломаешь по неосторожности или еще чего..

– Настырный ты человек. Ну да ладно. Кречетов я. Василий Олегович. Старший лейтенант. Институт военных переводчиков. Потом спецотделение. Теперь с тобой на крыше сажу. Доволен?

– Давно бы так, – сказал Артем. – А то тень на плетень наводит..

– Ага, давно бы, – легко согласился Солдатов-Кречетов. – Да просто речь не заходила.

Свернулся клубком в пулеметном гнезде и тут же засопел.

Артем посматривал то на территорию лагеря – не тянутся ли к воротам темные тени, – то в небо.

И впрямь – звезды как яблоки.

Не зря летеха Кречетов взял себе такой псевдоним. По легенде..

Ходила байка по батальонам и взводам.

Вроде как служил он – сержант Солдатов – до самого последнего времени где-то в Кандагаре. Другие толковали, впрочем, что ни в каком не в Кандагаре, а в Пактике, в тамошних гарнизонах. И случилось все не в этом году, а в прошлом. Или даже по-запрошлом. Третьи твердо поправляли: зачем говорить, если не знаешь? – точно известно, что стоял на точке в Кундузе.

В общем, дело, конечно, не в том, где именно служил. Главный факт в том, что од-

нажды после зачистки его маленько заклинило: будто немного тронулся. Или, может быть, не тронулся, а просто крепко-накрепко что-то решил про себя. А потом так и действовал.

Но нужно помнить, что человек в армии ничего за себя решать не может. И не должен. А он именно к этому пришел: чтобы только справедливые приказы исполнять. Если так – сделает за милую душу. А нет – так лучше и не приказывать. Вроде как хочет он остаться справедливым человеком. Человеком хочет остаться.

Скоро командиру в нем что-то подозрительным показалось, решил проверить. Приказал – а сержант Солдатов в отказ. Повторил – ни в какую. Говорили, что, вопреки приказу, не стал в пленного стрелять.

Опять же, болтают много, а там поди разбери, от чего именно отказывался и что потом ставили в вину. В армии как: если тебе командир «брито», а ты в ответ «стрижено», пеняй на себя при любом раскладе.

Понятно: дисбат. Он сбежал. Поймали, срок добавили и опять в дисбат. Снова сбежал. В другой раз поймали и в какую-то особую военную колонию, где чуть ли не в кандалах. Откуда не бегают. Так он все равно выход нашел.

Следовал под конвоем – и вдруг шагу прибавил да прямым ходом на запретку!

Конвойный потом рассказывал: мол, идет и хохочет. Стой! А он свое. Что делать? Ванька в воздух предупредительным, как положено... Смеется. Так, смеясь, и на проволоку полез. Ну и...

Но, вопреки этому правдоподобному рассказу, гуляла и другая версия: что все у Сержанта Солдатова в конце концов хорошо сложилось. И что он даже из армии не ушел, а по сей день где-то неподалеку служит. И что (следовало так понимать) не он под армию изменился, а она под него...

Артем вздохнул.

Утром подтянут артиллерию.

Солдатов верно говорит – будут палить в дальний угол двора осколочными, надеясь, что в конце концов их всех посечет.

Но они засели на крышах арсеналов. Осколками сюда не дотянешься. Разве что на излете будут падать.

Тогда авиация. Скорее всего, пара вертолетов.

Вот после этого и начнется.

Или, точнее, кончится...

Было тихо.

Колючей настороженной фалангой-пауком распластавшись по еще не остывшей после дневного зноя земле, крепость Бадабера угрюмо и терпеливо ждала рассвета.

Почему-то ему вообразилось, как медленно летит к дверям арсенала выпущенная из РПГ граната.

Главное, чтобы к тому времени кто-нибудь из них еще оставался жив. Кому-то нужно быть живым, чтобы это сделать.

Кто?

Да какая, в сущности, разница, кто именно...

Медленно, расправляя шлейф полупрозрачного дыма.

Медленно, но летит.

Сейчас.

Вот!..

Так ли это будет?

Его пробрал озноб – таким жаром плеснуло от будущего.

И вдруг – как предчувствие – явилось ясное, бодрящее понимание, что на смену волне огня придет другая – тихая волна бесконечной реки.

Река струится вдаль, течет куда-то, туманится во влажных сумерках светлой ночи. Течет в лугах, лесах. Ветви деревьев склоняются к самой воде.

Нахлынет – и можно будет с облегчением отдаться ее течению.

А она понесет, понесет – все мимо, мимо... лоснясь под лунным сиянием черной гладью напряженной воды... Понесет мимо всего, что остается за спиной... мимо темных берегов, мимо дальних огоньков прежних становий.

Уже бледнело небо, когда сержант Солдатов глубоко вздохнул, потянулся и сел.

– Не спишь?

– Нет...

– Тихо?

– Тихо.

– Ну хорошо, – сказал он. – Смотри-ка, светает.

И точно: мягкий свет бурой зари струился на отроги Хайберского кряжа.

Конец

Предвестники бури появились под утро.

Еще на совсем черном небе возникли белесые полосы, сразу сделав его похожим на что-то старое и поношенное. Скоро оно и вовсе подернулось волнистой мутью. Звезды потускнели и уже не лучились как прежде, а с трудом просвечивали сквозь туманную завесь круглыми, похожими на тусклые пуговички пятнами.

С рассветом поднялся ветер, и уже было понятно, что к обеду афганец развернется в полную силу.

Время от времени жаркие порывы сметали песчинки с верхнего уступа скалы. Некоторые падали на ее глаза, на самые зрачки, похожие на черные вертикальные щели. Но она не моргала и не двигалась – песчинки не причиняли ей беспокойства.

Она не отдавала себе в том отчета, но ей нравился афганец. Потому что обычно с наступлением дня солнце загоняло ее в нору: зной был чрезмерен, и она, как все в пустыне, вела преимущественно ночной образ жизни.

Если остаться на солнцепеке, то вскоре после полудня кровь вскипит и свернется, к вечеру тельце высохнет, а к следующему утру вездесущие муравьи оставят только пыльную чешуйчатую шкурку, в которой, если пошевелить, позвонки будут пересыпаться с таким же шорохом, как семечки в высохшем стручке.

Однако сейчас, когда мутный диск солнца едва виднелся сквозь километры пыльного воздуха, его свет и тепло не жгли, а ласково нежили чешуйчатую шкуру.

Золотисто-песчаная, лаково поблескивающая переливом мелких черных пятен, по бокам украшенная светлыми зигзагами, с широко распахнутыми, пусть и немигающими глазами, зелено-желтые яблоки которых рассекал строгий графит верти-

кальных зрачков, с аккуратной ромбовидной и такой же прелестно-лаковой головкой, надо лбом которой был ясно виден не то крест, не то значок летящей птицы, – она лежала в песке, как случайно оброненная драгоценность. Вряд ли кто-нибудь смог бы пересилить желание взять ее в руки – если бы при всей своей красоте она не внушала людям инстинктивный ужас...

Вообще-то в обычное время она не могла позволить себе разлеживаться у норы еще по одной причине: при ясном небе первый же ястреб, заметив, несомненно предпочел бы ее какому-нибудь плевому геккону или полевке.

Сегодня ястребы не грозили – сами прятались от бури. Что касается ее собственной охоты, то позавчера она подстерегла песчанку. Та не успела даже пискнуть, когда ее настиг удар зубов: сразу мертвенно ослабла и затихла. Величине добычи можно было только порадоваться. С другой стороны, песчанка оказалось не просто большой, а прямо-таки гигантской, и пришлось немало повозиться, пока ей удалось наконец натянуться на ее жирненькую тушку.

Она лежала, отдавшись неспешному течению собственной жизни, и вынуждена была совершить бросок только по необходимости, когда откуда-то прилетел и тяжело плюхнулся на песок крупный кузнечик: грех было упускать добычу, когда она сама лезет в рот.

Ее убежище ничем не отличалось от других расщелин здешних скал: такая же пыльная, темная глухая пустота; никто не натаскал сюда травы или пуха, чтобы превратить эту безжизненную дыру в место обитания. Однако часы дневного пекла она всегда проводила именно здесь – безошибочно находила и проливалась в нее, будто в горловину кувшина, узкой струей узорчатого масла.

В норе началась ее последняя линька: недомогая, она почувствовала наконец, как на нижней губе лопнула старая шкура; начала отслаиваться, заворачиваясь с двух сторон и позволив взглянуть на мир сквозь новые линзы – взамен прежних, потертых и мутных. Потом она выбралась наружу. С натугой елозила по камням, чтобы в конце концов целиком избавиться от старой шкуры. И стала чувствовать себя куда бодрее. Выползок валялся неподалеку, ветер пошевеливал легкий ремешок, но она давно забыла о произошедшем и не обращала внимания на его шорох.

Здесь же она произвела на свет несколько детенышей. Они быстро распозлись в разные стороны, чтобы найти свои собственные расщелины и начать самостоятельную жизнь. Их спешка была вполне оправданна: если бы взбрело толочься на прежнем месте, пошли бы на пищу кому-нибудь из братьев или сестер, наделенных от природы большим проворством и жадностью; а то и сама мать, через день-другой забывшая о тяготах продолжения рода, разглядела бы в собственных порождениях подходящую добычу.

В течение нескольких последующих дней ее томил инстинкт, требовавший, чтобы она защищала свое потомство. Поскольку она не находила ему применения, то в итоге только пуще раздражалась. Именно в ту пору к ее скалам пришли дети.

Они появились оттуда, где в километре от ее останцов белые и розовые шатры со всех сторон сбегались к высоким стенам крепости.

Был февраль, конец весны, растительность спешила как можно более пышно прожить свою короткую жизнь, скорый конец которой предсказывало с каждым

днем набиравшее силу солнце. Дети забрели сюда так же, как забредали они во все уголки окружавших лагерь окрестностей – в поисках чего-нибудь съедобного: корешков, листьев или скороспелых плодов.

Как на грех, она оказалась довольно далеко от норы, но все же могла бы заблаговременно ускользнуть. Однако раздражение кипело и требовало выхода, и когда заметила их приближение, не попыталась бежать. Вместо того свернулась двумя полулунными изгибами, воинственно подняв над ними лаковую головку, и стала яростно шевелить трущимися друг о друга боковыми чешуями – скрежеща при этом точь-в-точь так, словно кто-то точил дамасскую саблю.

По малолетству и беззаботности дети не вняли ее предупреждениям. Одетые в цветастое тряпье, они шли, громко крича, смеясь и размахивая руками, а первый, обогнав других, повернулся к ним, чтобы ответить, и сделал несколько шагов совершенно вслепую. И если бы она не увернулась, ударив его зубами в икру, он бы точно наступил на нее одной из своих черных пяток.

Через секунду все они кричали еще громче, но уже совсем по-другому, а она скрылась в камнях.

Если бы это было ей интересно, она могла бы понаблюдать, как они подняли упавшего за руки и за ноги и торопливо понесли. Но, не миновав и половины пути, положили тело в траву, будто случилось еще что-то, снова изменившее положение вещей.

Потом двое отделились и двинулись к палаткам – вероятно, за помощью.

А те, что остались, отступили на несколько шагов в сторону, будто теперь боялись своего прежнего товарища и не хотели без нужды к нему приближаться.

* * *

Она насторожилась, но некоторое время еще лежала неподвижно.

На землетрясение это не было похоже. Вот если бы дрожь сопровождалась низким угрожающим гулом, тогда бы она, конечно, и не подумала соваться в нору. Даже наоборот – застав ее там, этот гул вынудил бы ее тут же покинуть убежище и выползти на свет, пусть бы даже солнце в тот час палило в полную силу.

Но нет, это просто грохот – что-то гремело в стороне крепости то сильнее, то слабее; то ухало, то трещало.

Земля подрагивала, однако в целом бояться было нечего. Когда ей надоело прислушиваться, она от греха подальше скользнула к себе, в сухую прохладу, и улеглась на облюбованном месте.

Здесь она чувствовала себя совершенно защищенной. Ни человек, ни зверь, ни другое пресмыкающееся не посмело бы нарушить ее покой. А если бы такая нелепая мысль все же пришла в чью-нибудь несчастную голову, любой бы за это заплатил.

Погромыживание не стихало. Там, на свету, происходило что-то такое, от чего неопасно подрагивали скалы. У нее же, в темноте и прохладе, само время, казалось, норовило свернуться так же, как она, и так же, как в ней, струилась в нем неспешная густая кровь.

К сожалению, она не знала, что такое арсеналы.

И не могла предположить, что совсем скоро к небу поднимется сначала вихрь огня, а потом невероятный столб пыли: вырастет до самой стратосферы, надолго развесив над землей круглую грибную шапку.

От крепости останется только пепелище: несколько огромных воронок да разбросанные на километры обломки оплавленного железа.

Что же касается людей... но, собственно говоря, она и прежде о них никогда не думала. Во всяком случае, если люди не пытались ее потревожить.

Возможно, если бы ее забытие не было таким глубоким и сладким, до краев наполненным ощущением безопасности и довольства, она бы все-таки использовала то самое последнее мгновение, когда земля, вопреки ее ожиданиям, треснула и раскололась.

Страшное сотрясение почвы, заставившее полопаться скалы, вызвавшее в округе множество обвалов и оползней, схлопнуло стены ее обжитой расселины: надежное прежде убежище исчезло, и только плотный клуб воздуха пыхнул напоследок наружу от его плотно сошедшихся стенок.

Правда, это же сотрясение одновременно соорудило почти такую же щель несколькими метрами южнее: зияние с грохотом возникло в скале, только что казавшейся сплошной и незыблемой.

И все же, если бы она была хоть немного готова к несчастью, ей удалось бы ускользнуть, забиться еще глубже, где и после случившегося оставалась толика пространства, в котором могло бы уместиться ее невеликое тельце.

Но внезапность случившегося застала ее врасплох: глыба размазала половину туловища и расплющила головку, столь похожую на драгоценность.

Вторая половина еще долго шевелилась в темноте, как будто норовя куда-то уползти. Хвост подергивался, ища надежной опоры.

В конце концов то, что осталось от змеи, успокоилось и застыло.

И тогда к нему проложили дорожку вездесущие муравьи.

РЕЦЕНЗИИ

Тема: Русский роман – 2014

Алексей УСТИМЕНКО

Экскурсия по аду

Прилепин Захар. Обитель. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2014. 746 с.

Есть книги, открывающие тему. Есть книги, закрывающие ее, итоговые. Роман Захара Прилепина «Обитель» – ни то, ни другое. Хотя, конечно же, автор – в теме. Что такое СЛОН – Соловецкий Лагерь Особого Назначения, ему досконально известно. Перечитано, переосмыслено, перевидано и переработано им, несомненно, великое множество документального материала. Вся его книга – это добротнo *изученная* им тема...

В этом все плюсы написанной Прилепиным книги, но в этом же и все ее минусы.

Очень трудно прятать внутри романа, в его естество, информацию, подчас уже общеизвестную, почерпнутую извне, из многообразных источников. Лезет. Вылезает. Вспоминается.

Вот сейчас должна появиться знаменитая фраза – «на Соловках власть не советская, а соловецкая»

И фраза появляется.

Или – ну не может же автор, при таком подходе, не упомянуть, допустим, о «гении познания» отце Павле Флоренском. Пусть впрямую не упоминает, но о «йодоферме» – детище ученого – сколько угодно.

Гораздо труднее к тому, что есть, – к документальности, – органично присоединить многое из области и извечно существующих зэковских мифов. О благородных и неблагородных начальниках, о высоких любовных историях между охраняемыми и охраняющими, об особенностях тех или иных лагерей.

Одним словом – о невероятных случаях из жизни за колючей проволокой. Присоединить так, чтобы поверилось.

И автор талантливо присоединяет...

Да все-таки не всегда верится. Факт и фантазия – две вещи несовместные. Не верю, что на смертях можно выстроить сказку.

И никак нельзя принять на веру всю стержневую историю книги – тщатель-

но и натуралистически выписанную историю как бы любви главного героя книги заключенного Артема Горяинова и Галины Кучеренко из ИСО – информационно-следственного отдела.

Это – откровенно *написанная* книга.

Особенно заметным делают это обязательные ударные абзацы или же фразы в конце каждой главки. Как в стихотворении. Так и ждешь их: а что оригинального, неожиданного скажет автор теперь? Ждешь и – дожидаясь.

Вот ведь как хорошо сказал, завершил, заключил, закольцевал.

И это притом, что если иметь в виду фабулу романа, то ее не сразу и замечаешь. Ее-то все время именно и ждешь... Прочитаны первые шестьдесят страниц, и уже как будто вот-вот должно что-то начаться. Ожидание приходит. Оно держит. Заставляет читать дальше и дальше. Автор великолепен в создании этого все длящегося и длящегося мгновения ожидания.

Но – ничего не приходит, не начинается.

Хотя все еще очень хочется знать, а что произойдет с главным героем в такой жуткой, как мы понимаем, обстановке дальше?

И страницы листаются, перелистываются, прочитываются... И удивляешься, что и на сто девяностой странице текста Артем Горяинов еще не скурвился, хотя уже вплотную – всеми событиями лагерного обитания – подведен к этому. Не потому ли, что через всю книгу ее герой проходит «...ступая в себя ...ходит по себе, как по пустому дому, заглядывая в каждую комнату и ничего не находя, кроме тихого сквозняка».

Вокруг него идет тщательно выписанная внешняя жизнь Соловецкого лагеря. Внутри него – пустота. Может, так и должно быть у всякого – поставленного в невероятные условия – прежде живого человека? По крайней мере, только в таком состоянии эмоционального и интеллектуального анабиоза он и способен выжить. Об этом еще и Солженицын писал.

Но все же, все же, все же...

Без многочисленных ужасов, что понятно, было не обойтись. Но – ужасы есть, а шаламовской жути нет. Ужасы в «Обители» описаны как быт. Стали бытом, реальностью, к которой претерпеваешься: так, значит, и надо...

Не то ли это самое, о чем некогда говорил Борхес: «...Жестокость – смертный грех; проявлять жестокость или страдать от нее – участь тех, кто дошел до чудовищной бесчувственности или такого же простодушия. Ввергнутые в ад грешники смешиваются со своими демонами. Мученики помогают палачам, разжигающим для них костер. Тюрьма на самом деле беспредельна»*.

Впрочем, может, это и есть самый главный ужас той inferнальной жизни, которую, опираясь на какую-то свою идею, придумывает во все времена человек сам для себя?

Возможно.

Но в книге Захара Прилепина – совсем другое... Это не хождение по современным кругам ада с проводником Вергилием, все объясняющим, расставляющим по своим местам всякое добро и всякое зло. Но, скорее, – *экскурсия* по этим кругам. К тому же –

* Цит. по: *Тейтельбойм В.* Два Борхеса. Жизнь, сновидения, загадки. – СПб.: Азбука, 2003.

без проводника-автора, который для любой книги, тем более для такой – понятно, что не в лоб! – совершенно, как мне кажется, необходим.

Все, что только было возможно из реально бывшего, автор назвал – без эвфемизмов – своими собственными, подчас неблагозвучными именами. И уж дело читателя – увидит ли он сам за всем этим предлагаемое к осмыслению событие или же искореженного этими событиями человека. То есть – образ. А вдруг да и не увидит? И – никого вокруг. Особенно же – самого Захара Прилепина. Остро не хватает. Ведь не машина же все это написала, бесстрастно настучав на компьютере...

Попытка сохранить *тему* в чистом ее виде? Сделать так, чтобы сама эта тема сама о себе же и говорила?

Не уверен, что она говорит. Да и слишком сложна, чтобы существовать без приложимого к ней, предельно бесчеловечной, человеческого комментария.

Автор наверняка представляет себе больше, чем дает возможности представить все это, сделав выводы, самому читателю.

И мыслящий читатель, я уверен, произведет в себе соответствующее духовное вычисление и легко распределит по разным полюсам и добро, и сопутствующее ему зло. Он не заметит этой, случайно ли или же нарочно задуманной автором подставы – мол, сам, дорогой, разбирайся. Не заметит и останется довольным, что сам для себя нарисовал нужную картину, обрел истину.

Однако же читатель, просто информативно, что ли, читающий, – уловит содержание – и не более того. Об этом вот, втором, ничуть и не подумано.

Тот же «Архипелаг ГУЛАГ» (не предмет для чтения, но скорее – энциклопедия для изучения темы) весь был пронизан *субъективной* объективностью Александра Исаевича...

На минуту представил себе невозможное допущение: отношение к «Обители», например, Дмитрия Сергеевича Лихачева, бывшего там сидельца, едва там же и не расстрелянного.

Не сказал ли бы он так: да, неплохо для литературного текста, – возможно, что и почти правда...

Академик Лихачев слыл вежливым человеком.

Или – все того же Павла Флоренского. Не услышали бы мы от него вот такое: быть может, не надо было бы этого писать? Или же, если писать – то не о смертных днях, но о бессмертных душах: сохранятся ли они в этом, людьми сотворенном, но не-человеческом месте? Сохранятся в человеке, в этой вечной и истинной обители Божественного? Сохранятся – или погибнут?

Ответа на этот последний и совсем не риторический вопрос в романе так и не случилось. В солиднейшем многостраничном тексте, в этой «Обители», все души изначально даны замороженно-застывшими, как бы сохраненными несмотря ни на что. А это – неправда. Их судьба, скорее всего, – быть переломанными, колесованными, умерщвленными. А возможно – и нет.

Они же какими входят в этот инфернальный океан, такими в нем и существуют, и такими же выходят из него – хотя и, чаще всего, с пулею в затылок.

А что если их здесь и нет, этих душ?

Что если они здесь и быть не могут?

Поверится ли в такое? Боюсь, что поверится. Хотя тому же Артему часто бывала и совсем неприятной такая вот бездушная жизнь, во что бы то ни стало стремящаяся выжить, пусть даже и за счет других. Но сам он чувствовал себя в ней вполне комфортно. И всегда

...гнал от себя все эти мысли, потому что жизнь его не нуждалась в них нисколько, жизнь его нуждалась только в продолжении жизни.

Условно говоря, тема о душах – совсем не тема написанной Прилепиным книги.

Но что же она тогда, эта книга?

Это талантливо – профессионально талантливо! – написанный роман, где так и не поставлена завершающая точка над вечною буквой «і». Где нет никакой ясности, о чем, собственно, рассказанная история. О том ли она, как человек легко перестает быть человеком? Или о том, что остается именно человеком, пусть и в низком, почти животном понимании, навсегда потеряв возможность подниматься до Божественного? Или еще о чем-то?

На какую книжную полку все-таки ставить тяжело-толстый этот роман?

На полку с рассказами Варлама Шаламова, которого после первого мучительного прочтения трудно заставить себя вновь перечитывать.

Или, пожалуй, «Обитель» я поставил бы где-то рядом с «Факультетом ненужных вещей» Юрия Домбровского. Да и то не сейчас, а попозже, поскольку, мне кажется, – книга Прилепина слишком рано написана...

То есть, я бы поставил ее на полку *преждевременных* книг.

И в этом – главное.

«...и дальше думать было нечего».

Мне кажется, что эта книга обретет свое действительно значимое место в литературе лишь только после того, как забудутся первоисточники. Когда распадутся в прах и пыль все материальные свидетели того страшного времени. Когда уйдет в небытие последний узник архипелага.

Когда, наконец, забудутся и совсем нелитературно-литературные свидетельства таких писателей, как Варлам Шаламов или Юрий Домбровский.

Книги их не пострашнее ли будут?

Хочешь говорить о романе, а говоришь о другом. При этой теме *иначе* и не может быть.

Страшно не то, о чем написано в книге.

Страшно то, что *такая* боль-боль превращается в книгу.

ЕГИПЕТСКИЕ ЧЕТКИ

Владимир Шаров. *Возвращение в Египет: [роман в письмах]*. М.: АСТ, 2013. 759 с.

В связи с книжками меня всегда интересовали два вопроса. Первый – может ли книга изменить мир? И второй – действительно ли чтение объединяет людей?

В детстве, когда читала запоем, на оба эти вопроса с ликованием отвечала: да, да, да! Если книги меняют меня, будят эмоции и мысли, – значит, и с другими происходит то же самое. Следовательно, меняя людей, книги меняют и мир; более того, любовь к книгам – тот маркер, который позволяет найти в толпе «своего» человека, создать поле общения – и радоваться и удивляться уже вместе с кем-то...

Сейчас на оба этих вопроса я, пожалуй, отвечу «нет».

Не столь категорично, с допущениями и оговорками, тем не менее – нет.

Книги – всего лишь книги. Их пишут с многими целями, среди которых «прославиться» и «разбогатеть» занимают не последние места. А читают... Читают, в основном, для развлечения, даже самые лучшие, даже классику.

Литература, безусловно, влияет, но чаще всего – в силу многомерности и алогичности как человеческой психики, так и всего сущего – весьма странным и непредсказуемым образом. Например, статистика утверждает, что наиболее почитаемой социопатами книгой является «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Кто бы мог подумать. Отстраненность Холдена они принимают за бегство от реальности.

Такое длинное вступление мне понадобилось для разговора о романе Владимира Шарова «Возвращение в Египет». Потому что этот роман тоже отвечает на эти два вопроса. Отвечает парадоксально – не отвечая. Или новыми вопросами, количество которых растет по экспоненте.

Роман Шарова сегодня – один из самых читаемых в России. Получил «Русского Букера-2014», занял третье место в не менее престижной «Большой Книге». Автор рассказывает, что писал свой роман почти шесть лет и «шел за своими героями, держал их на коротком поводке. Они менялись. И я сам за это время становился немного неадекватным».

«Возвращение в Египет» – библейский роман, и по названию, и по содержанию. Он пронизан десятками аллюзий и цитат из Святого писания. Роман горький и местами страшный, ведь он рассказывает о тех темных десятилетиях XX века в истории России, в течение которых идеология и войны уничтожили миллионы людей, полностью сломав уклад жизни и миропорядок тех, кто выжил.

Роман по-новому интерпретирует историю бегства евреев из Египта. И не просто бегства – а возвращения. Почему возвращения? Автор объясняет это так: «Гоголь был писателем библейским. И мне стало казаться, что, идя из Египта, мы в какой-то момент повернулись и пошли обратно, вернувшись в итоге снова в Египет. Наша история XX века в моем представлении – это и есть возвращение в Египет»*.

* culture.ru/press-centre/11319?category=news

Возвращение в Египет – то есть в рабство...

Красное море – море революции, большевизма, но еще и море крови. Не все решились перейти на другой берег, когда его волны расступились. И среди тех, кто решился, немало было заплутавших, погибших потом в сомкнувшихся волнах.

«Возвращение в Египет» – это длинная, тяжелая в чтении история болезни, написанная, впрочем, не врачом, а пациентом – умным, образованным, думающим. Пациентом, который оказался с ужасом болезни один на один, – и он теряет ясность ума, твердость памяти, он впадает в суеверия, ныряя в какие-то запредельные глубины подсознания, пытаясь закрыться от этого ужаса, простого, очевидного и неизлечимого.

А пациентов на самом деле много. И все они связаны фамилией Гоголь: это дяди главного героя, Николая Васильевича Гоголя (Второго), потомка великого писателя, это друзья семьи, близкие. Письма в двадцати пяти папках, якобы затерявшиеся в Народных архивах при Московском историко-архивном институте в конце 1980-х, – вот основа текста.

Эпистолярный жанр сегодня, конечно, анахронизм. Книга трудно читается, уже к середине увязает во всех этих дядях, друзьях дома, художниках и «бегунах» и перестаешь сопоставлять их с указаниями относительно генеалогического древа семьи Гоголей, данными в начале. Глаза скользят от одного фрагмента письма к другому. И вдруг в какой-то момент включается совсем другая система восприятия. Некий «общий» взгляд, который за раздробленными кусочками прошлых, чужих и грустных жизней вдруг улавливает цельную картину, мозаику, суть которой – вот это сплетение орнаментов, ориентальных и европейских, где каждый узор неповторим, впадает в следующий неповторимый узор, а все вместе – вовсе не похоже на мемуары или художественный вымысел. А знаете на что похоже? На срез. Анатомически выверенный срез – только не живого или неживого объекта, а поколенческой ноосферы.

Цель семьи Гоголей, передающаяся из поколения в поколение, – дописать «Мертвые души». Шаров поясняет: «Незаконченные романы – это страшное искушение, с которым культура не знает, что делать. Это как незавершенное откровение – и, кажется, если этот роман был бы написан, то мы бы нашли, как должны жить». А ведь это главный «русский» вопрос двух столетий. Что делать? Как жить дальше? Куда жить? Куда идти?... Всюду – пустыня Зла и Порока. Куда податься из того гоголевского макабрического города N, откуда «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»*?

Шаров подробно и с удовольствием рисует картинку гоголевского мира, подобного Дантову аду. Есть у него и реальный ад, воронка в горах, в которую дальний родственник писателя, Коля Гоголь, ежегодно ведет по спирали козла отпущения. Но дело даже не в очередной аллюзии. А в том, что автор, кажется, всерьез верит в то, что дописанная книга может изменить реальную жизнь.

Тот вариант продолжения «Мертвых душ», который в виде синопсиса представляет на страницах романа Коля Гоголь... очень-очень странный. Чичиков, ставший одним из столпов новой церкви, причем старообрядческой. Может быть, это интересный ход, увлекательный с точки зрения истории, но не вызывающий читательского доверия.

* Цит. по: Карев И. Гоголем по «Букеру» // Газета.ru, 5 декабря 2014 г. (www.gazeta.ru/culture/2014/12/05/a_6330613.shtml).

Выше я написала о том, что теперь отвечаю на два своих главных вопроса – «нет». Потому что с годами перестала верить в могущество сослагательного наклонения, даже если дело касается вымысла. Не было, не состоялось, не дописалось – значит, так и было нужно. Истории нужны не только законченные книги, но и незавершенные. Может быть, так даже справедливее.

Ведь незаконченная книга – это как обрыв телефонной линии. Линию починить можно, но кто будет говорить по этому телефону в эпоху скайпов, беспроводного интернета и микрочипов?

Это все равно, что читать роман в письмах во времена, когда устарела уже и электронная почта...

И все же роман Шарова читают. Он в первых строчках рейтингов по скачиванию книг из интернет-библиотек. И в первых строчках рейтингов книжных магазинов.

Почему? Ведь роман метафоричен, его можно толковать произвольным образом. И ответов, конечно, он не дает тоже.

Может быть, эти вопросы мы все время хотим задавать сами себе? Не отвечать на них – а задавать, мучительно задевая края глубокой, как Дантов ад, раны в нашей общей культурной памяти. И, вероятно, получая при этом перебирании вечных египетских четок мучительное удовольствие.

Ведь ответы на такие вопросы до обидного просты. Хочешь жить – живи. Хочешь быть счастливым – будь им. Хочешь не страдать – не страдай. А простоты мы не любим...

Бах АХМЕДОВ

Чайка Фролова

Всеволод Бенигсен. Чакра Фролова. М.: Эксмо, 2013. 544 с.

Новый роман Всеволода Бенигсена чем-то похож на квест. Как в компьютерной Нигре, где герою нужно искать какие-нибудь сокровища, или выход из лабиринта, или еще что-нибудь ценное и важное. Найти нужно обязательно, иначе – проигрыш и «смерть».

Что – или кого – ищет главный герой романа, неудачливый режиссер Александр Фролов?

Как это ни банально прозвучит – самого себя. Мучительная рефлексия по поводу собственной незначительности, или, точнее, недовольности превращает жизнь Фролова в бесконечные попытки преодолеть размытость своего «я». Это роман о самоидентификации, и поэтому исторический фон (первая половина 1940-х), на кото-

ром разворачивается сюжетная линия, – выстроенная, кстати, умело и интересно, – имеет достаточно условное значение. С таким же успехом режиссер Фролов мог бы заниматься поисками своей личности и в наши дни. Ему представляется – и не без основания – что его присутствие в жизни других людей ничего не меняет, а отсутствие – чаще всего остается незамеченным. Фролов регулярно проводит странные эксперименты со своим окружением, чтобы понять, заметят ли его друзья, коллеги, любимая женщина, что его нет, или он так и останется некой средней величиной, которую без труда можно заменить другой?

На самом деле, вопрос «нехватки» волновал его гораздо больше, чем вопрос любви. И когда он впоследствии действительно исчезал (не звонил, не появлялся), то делал это вовсе не потому, что пытался забыть Варю, или хотел насолить ей, или проверить свои чувства, а потому, что его интересовала степень его нужности для Вари. И, надо сказать, крайне болезненно переживал свою заменимость. ...Нет, Фролов не был чрезмерно самолюбив, но незамечание его отсутствия или присутствия в той или иной компании, обществе, коллективе его корбило.

Сюжет романа вкратце сводится к тому, что Фролова вместе с его оператором направляют в июне 1941 года в некий передовой колхоз в Западной Белоруссии для съемок документального фильма. По дороге они сбиваются с пути и попадают в забытую Богом и советской властью деревню Невидово, не обозначенную ни на одной карте. С этого момента с главным героем начинается череда нелепых событий, в которых комическое нерасторжимо переплетается с трагическим, что только усиливает ощущение абсурдности происходящего. Начинается война, деревня постоянно переходит из рук в руки, по случайной ошибке обе воюющие стороны считают ее важнейшим стратегическим пунктом. При этом сами жители деревни воспринимают эту чехарду со сменой власти с каким-то поразительным философским спокойствием, словно для них это привычное дело. Они словно живут вне времени, в каком-то заколдованном пространстве...

Конечно, это не роман о войне: описание непосредственно боевых действий носит характер намеренной отстраненности от военных реалий. Но и пародией это назвать трудно. Автор предпочитает обыгрывать всем известные клише и складывает их в некую картину, словно элементы пазла. Каких-то элементов не хватает, а какие-то притягивают к себе слишком много внимания. Например, в одном из эпизодов, где Невидово захватывает банда уголовников (отсылка к «Холодному лету 53-го года?»), автор слишком увлекается подробным описанием творимых ими зверств над немецкими солдатами, так что повествование начинает напоминать известные детские садистские частушки.

Нельзя не сказать несколько слов и о стиле романа. Он написан спокойным и простым языком, без претензий, – в наше время уже это одно делает текст оригинальным. Но есть в романе несколько эпизодов, где Бенигсен не отказывает себе в удовольствии немного поиграть различными жаргонами. Так, уголовники у него разговаривают со всеми исключительно на блатной фене, а речь партизан из еврейского отряда густо насыщена характерными и так легко (слишком легко) узнаваемыми выражениями. Вроде: «Мотя, прекратите делать музыку, когда надо делать тишину!».

На протяжении всего романа Фролов, как истинно рефлексирующий интеллигент, перед тем как решиться на действие, пытается решить моральные дилеммы – и, как правило, в конце концов выбирает бездействие. Хотя и для своего бездействия он пытается построить что-то вроде оправдания. «Является ли несовершенство дурного поступка хорошим поступком?» – спрашивает он своего оператора Никитина. И после нехитрой цепочки логических построений и примеров приходит к следующему выводу: «При моральном выборе сам факт несовершенства чего-либо, ну, или, проще говоря, принятие позиции полной пассивности может означать как добрый поступок, так и дурной». Главный герой (и мы вместе с ним) задается вопросом по поводу собственной талантливости: действительно ли у него есть талант? А если есть, почему он никак не может проявиться? И только ли сталинский строй, при котором опасно выделяться, виноват в том, что Фролов не может реализовать свой дар? Если тот, конечно, у него присутствует... Автор не дает однозначных ответов на эти вопросы, оставляя читателю право на свою версию.

В конце романа, неожиданно для себя самого, главный герой вдруг совершает поступок. Отказывается провести съемку боя за Невидово, когда узнает, что этот бой приведет к огромным и совершенно неоправданным жертвам. Он знает, чем грозит невыполнение приказа начальства в военное время, и, тем не менее, чуть ли не впервые в жизни идет против течения.

...И только оказавшись в заключении, Фролов, наконец, обретает настоящую внутреннюю свободу, которой ему не хватало на протяжении всей предшествующей жизни.

Теперь ему предстояло стать никем и ничем в буквальном смысле – то есть лагерной пылью. Но именно сейчас он ощущал себя чем-то большим, чем был до этого».

Одна из самых сильных метафор «Чакры Фролова» – морские чайки, которые появляются, как обрамление, в начале и в конце романа. Собственно говоря, роман можно было бы назвать «Чайка Фролова», это даже точнее отражало бы его главную мысль. В начале книги мальчик Саша Фролов видит чаек с близкого расстояния на пляже, и реальные птицы поражают его полным несовпадением с тем образом чайки, который был у него до этого.

Как сочетались те гордо реющие в голубом небе или качающиеся на волнах аристократы моря вот с этими жирными опустившимися, сварливыми, жестокими существами, питающимися отбросами со скотобойни? И как происходит это падение в прямом и переносном смысле?

Среди этих разжиревших чаек Саша замечает одну, которая явно чувствовала себя чужой в стае. И остальные чайки тоже ее не принимают, всячески отгоняя от еды... На самой последней странице Фролов снова видит чайку, и ему кажется, что это та самая, которую он видел в детстве, та, которую отвергала стая...

Краем глаза Фролов заметил в небе какое-то движение. Он поднял глаза и улыбнулся. Это была чайка. Она кружила на месте, словно приветствовала Фролова. Словно это была та са-

Бах АХМЕДОВ. Чайка Фролова

мая чайка из детства, выжившая и долетевшая до края планеты. До края его, Фролова, жизни. С юга на север.

История, а точнее притча, рассказанная Всеволодом Бенигсенем, только на первый взгляд может показаться банальной. Она заставляет читателя спроецировать ее на себя и задуматься над тем, кем он является в этой жизни. И является ли вообще кем-то.

Юлия КОЛОТОВКИНА

Верно найденный ключ

Наталья Громова. Ключ. Последняя Москва. М.: АСТ, 2013. 412 с.

«Ключ. Последняя Москва» стал одним из знаковых романов уходящего года. Он «К»был удостоен премии журнала «Знамя», вошел в шестерку финалистов премии «Русский Букер» 2014 года за лучший роман на русском языке.

Эпиграфом к одной из частей книги стало стихотворение героини романа – Варвары Малахиевой-Мирович:

Ничто не проходит. Все с нами
Незримою жизнью живет,
Сплетается с нашими днями
И ткани грядущего ткет.

Эти строки созвучны одной из главных мыслей автора: прошлого не существует, а ушедшая жизнь проходит через настоящую. Тектонические пласты минувшего сдвигаются, из образующихся трещин появляются лица – людей великих и обычных, знаменитых и не очень.

О них и написан этот роман, значительную часть которого составляют их письма и выписки из дневников. Пространство человеческой памяти, где совсем неожиданно нужный ключ нашел нужную замочную скважину – и перед нами открылась «последняя Москва» с ее обитателями, арбатскими улочками, старыми домиками... Москва, исчезнувшая с карты современного мира.

Писательница уверена, что случайностей в жизни не бывает, что в определенное время мы обязательно встретимся с нужным нам человеком, переживем необходимые для нас испытания, прочтем важную для нас книгу. И все эти вещи должны про-

исходить в «сотворчестве с Богом»: «Если мы – дети Бога, значит, можно ничего не бояться и ни о чем не жалеть».

В романе удивительно воссоздана атмосфера и дух старой Москвы: ощущается запах прошлого, старые вещи можно почти потрогать. «Поминование воскрешает тех, кто сейчас смотрит на нас». Ведь для того, кто любил в этой жизни, смерти не существует. Умрут и забудутся лишь те, кто не любил никогда, «потому что и не жили».

В дневниках, которые изучает автор, продолжает жить Москва тридцатых «с взорванными церквями, с сотнями голодных на улицах, похоронами друзей-писателей и многим, многим другим». Из воспоминаний и писем вырисовывается объемный, живой образ Города: «...скользили по рельсам трамваи, пели птицы, шел дождь и отчетливо слышался запах сирени».

Жители столицы СССР 30-х годов тяжело переживают слом исторического центра города. Там зияет, по словам одной из героинь, «...страшно развороченная внутренность всей улицы». В конце книги мы находим отзвуки этой истории в жизни Натальи Громовой, когда, будучи еще девочкой, она увидела «ломку арбатских переулков». Но ни она сама, ни ее молодой отец не почувствовали, что потеряли ту историческую, *последнюю* Москву, которую уже никогда не вернуть. Вместо старых домов со своими историями и особым духом выросли бездушные стеклянные постройки. «Некому нам с папой было объяснить, что мы потеряли».

История России советского и постсоветского периода, по мысли автора, – это тот самый Новый Арбат, «развороченная внутренность» живого Города, уничтожившая все, что напоминало современникам о прошлом.

Убедительно описан быт 1930-х годов. Обшарпанные двери, облупившаяся краска, ржавые гвозди, дыры в подъездах, кривизна – последствия нищеты, слома и распада 1917 года.

Я плыву на обломке подгнившей доски
В необъятный простор океана.
Все, кто спасся, уже от меня далеки –
За стеною ночного тумана...

Барбара Малахеева-Мирович

Усталые, туго завинченные люди: «стукнуть неосторожно – и дзиинь, как пружина в часах, когда перекутишь ключик». Все чувствовали страшный предел – «градус безнадежности», всеобщая усталость царила в душах, но не было страха перед лицом будущего. Они срослись со своей Россией и именно поэтому «не бунтовали, не возмущались и не плакали над своей судьбой».

Ольга Бессарабова пишет в своем дневнике: «Все мы – на каком-то самом краю не то полыньи, не то обрыва. Не надо оглядываться в заколдованном лесу жизни. Окаменеешь или растерзают чудища, если оглянуться на них».

Наталья Громова вновь проводит параллели: 1917–1991–1993 годы. Та же темная толпа, словно выросшая из страшного пространства прошлого, – люди «из канализационных люков», с искривленными ртами... Город оставался им на растерзание.

В конце романа звучит вопрос: где же душа современного Города? Смогут ли сытые, сонные люди нашего времени рассказать своим детям, что любовь и сострадание к людям давно ушедшим соединяет прошлое и настоящее? Знают ли внуки и правнуки странников ночи 30-х – 40-х годов, каким тяжелым, одиноким и гибельным был их Город? Осознают ли, что каждый день ходят теми же самыми дорогами и что с прошлым их связывают крепкие нити?

Читать роман порой сложно. В нем нет стройного сюжета – заметки о том или ином герое состоят из обрывков жизненных линий. И только связь между отдельными персонажами помогает хоть как-то удержать конструкцию. Громова не задерживается надолго возле каждого из них. Закончив рассказ об одном, тут же переходит к рассказу о следующем, в результате образы большинства героев выглядят несколько незавершенными. На общем фоне выделяются всего лишь несколько фигур, о которых автор пишет немного подробнее: писательница Мария Иосифовна Белкина, Ольга Бессарабова и ее «старшая» подруга Варвара Малахиева-Мирович.

Автору удалось доказать, что все эти люди, да и сам Город – не в прошлом, они рядом с нами: «Непрожитая жизнь расстрелянных, замученных и убитых не могла исчезнуть. Их время, скорее всего, беззвучно течет рядом с нами. Спасение последующих поколений в том, чтобы услышать и увидеть эти жизни ... позволить напрасно погибшему человеку возродиться уже в нашем времени».

АВТОРЫ НОМЕРА

- АБАШИН Сергей – доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Член редакционных советов журналов «Этнографическое обозрение» (Москва), «Central Asian Survey» (Лондон), «Cahiers de l'Asie centrale» (Париж). Живет в Санкт-Петербурге.
- АХМЕДОВ Бах – поэт, прозаик, эссеист. Публиковался в альманахе «Анор», сборнике «Буквы на камнях» (2013), журнале «Звезда Востока». Живет в Ташкенте.
- ВОЛОС Андрей – прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации, российско-итальянской премии «Москва-Пенне», «Русский Букер» и других. Автор романов «Хуррамабад», «Аниматор», «Недвижимость», «Возвращение в Панчруд». Живет в Москве.
- ДАВШАН Александра – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Национального университета Узбекистана. Автор монографии «Азия в русской литературе XX века» и др. Награждена Золотой Пушкинской медалью Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (2002). Живет в Ташкенте.
- ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.
- ИВЕРОВ Михаил – поэт. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Фома» и других. Книга стихов «Метехский мост» (2014). Живет в Москве.
- КАЛАУС Лилия – писатель, книгоиздатель; главный редактор журнала «Книголюб» (Алма-Ата). Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.
- КОЛОТОВКИНА Юлия – литературовед, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.
- КРЮЧКОВ Павел – литературный критик, музейный работник. Заместитель главного редактора и заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир». Научный сотрудник Государственного литературного музея («Дом-музей Корнея Чуковского»). Лауреат телевизионной премии «Тэфи-2004» и премии «Нового мира» за 2006 год. Живет в Переделкино.
- МАРКЕВИЧ Альбина – музейный работник, литературный деятель. Работала в Музее Сергея Есенина в Ташкенте. Основатель и хранитель ташкентского Музея Анны Ахматовой. Награждена медалью Пушкина (2013). Живет в Ташкенте.
- МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования г. Сырдарья. С 1995 года живет в Ташкенте.
- МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа». Автор пяти книг стихов. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.
- Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.
- Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.
- СТЕКЛОВА Татьяна – архивист. Работала в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Живет в Ташкенте.
- УСТИМЕНКО Алексей – журналист, писатель. Окончил Ташкентский государственный университет. Был собственным корреспондентом по Средней Азии ряда московских изданий, главным редактором журнала «Звезда Востока», основателем и главным редактором «Востока Свыше» (2001–2011). Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2014 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Инна КУЛИШОВА. «Да», – говоришь Господу,
словно «Дай»...» – № 1-2 (XXXIII). С. 5.

Игорь МЕЛАМЕД. «В ненадежных и временных
гнездах...» – № 3 (XXXIV). С. 5.

Михаил ИВЕРОВ. Письмо. – № 4 (XXXV). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы главного редактора

«Большой Колпак». 425 лет преставления
блаженного Иоанна, Христа ради юродиво-
го, Московского (3 июля 1589 года). – № 3
(XXXIV). С. 6-9.

«Еще одно, последнее сказанье...» 900 лет пре-
ставления преподобного Нестора Лето-
писца, Печерского (27 октября около 1114
года). – № 4 (XXXV). С. 6-9.

Новостные страницы иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)

От Рождества до Петрова поста. – № 1-2
(XXXIII). С. 6-9.

«Белый цветок», молодежная конференция и
другие новости. – № 3 (XXXIV). С. 10-12.

«Просветила ум и сердце...» – № 4 (XXXV).
С. 10-11.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. На пути из Верного в Таш-
кент. К истории перенесения Туркестан-
ской кафедры в конце XIX – начале XX ве-
ков. – № 3 (XXXIV). С. 13-27.

Николай ВАСИЛЬКОВСКИЙ. «Попытаюсь уго-
ворить его бросить эту церковь...» Воспо-
минания о митрополите Иоанне (Вендлан-
де). – № 3 (XXXIV). С. 28-36.

Татьяна СТЕКЛОВА. Братья Богородицкие –
настоятели ташкентских храмов. По ма-

териалам архивных документов. – № 4
(XXXV). С. 20-23.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Роман ДОРОФЕЕВ. Храм великомученика Геор-
гия в Самарканде. – № 1-2 (XXXIII). С. 9-18.

Николай ГОМОЛИЦКИЙ. «Есть слух, что скоро
закроют совсем...». Самаркандский Геор-
гиевский храм в конце 1930 – начале 1940
годов: по страницам старых писем. – № 1-2
(XXXIII). С. 19-21.

РЕЛИГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Христианство, манихей-
ство, маздакизм: раннесредневековые ре-
лигии Узбекистана. – № 1-2 (XXXIII). С. 22-32.

Евгений МИРШИН. Ташкентская община
баптистов-отделенцев. Наблюдения пра-
вославного сектоведа. – № 1-2 (XXXIII).
С. 33-53.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Афтандил ЭРКИНОВ. Приключения «Золотой
Колыбели»: легитимизация власти в Ко-
кандском ханстве при Умар-хане. – № 1-2
(XXXIII). С. 54-69.

Светлана ГОРШЕНИНА. Закаспийская же-
лезная дорога: рождение мифа. – № 1-2
(XXXIII). С. 70-77.

Алексей ТУТОВ. Командарм «Крестьянской».
Штрихи к портрету Константина Монстро-
ва. – № 1-2 (XXXIII). С. 78-84.

Тема: Местная больница

Сергей АБАШИН. Сельская больница глазами
этнолога. – № 4 (XXXV). С. 40-50.

Виктор МОИСЕЕНКО. Режим Амалиного дома.
Сырдарьинские этюды. – № 4 (XXXV). С. 51-
62.

ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

Наталья СЕЛУЯНОВА. Семейная хроника Селуяновых. Публикация *О. Илюшкиной.* – № 1-2 (XXXIII), С. 124-138; № 3 (XXXIV). С. 95-102.

Виктор МОИСЕЕНКО. Войны никогда не кончались... Сырдарьинские этюды. – № 3 (XXXIV). С. 103-110.

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

Святитель Фотий КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ. Библиотека. Отрывки. Перевод с греческого и примечания диакона Владимира Василлика. – № 3 (XXXIV). С. 37-48.

Евгений БЕТГЕР. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» Ранние страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои. – № 3 (XXXIV). С. 48-58; № 4 (XXXV). С. 31-39.

Рубен НАЗАРЬЯН. «Идя навстречу нуждам Самарканда...» Самаркандская областная библиотека имени Пушкина. – № 3 (XXXIV). С. 59-64.

Софья КРУКОВСКАЯ. «Она оказалась дарственной надписью самого Жуковского...» Научная библиотека Государственного музея искусств Узбекистана. – № 3 (XXXIV). С. 65-69.

«Моя Библиотека». Бах Ахмедов, Александр Джумаев, Лилия Калаус, Вадим Муратханов, Алексей Устименко и Глеб Шульпяков рассказывают о своем «библиотечном» опыте. – № 3 (XXXIV). С. 70-83.

Александр ДЖУМАЕВ. Среднеазиатские библиофилы. Частные библиотеки позднесредневековой Бухары и Туркестана. – № 4 (XXXV). С. 24-30.

ДИСКУССИЯ

Алишер ФАЙЗ. Судьботворчество. – № 1-2 (XXXIII), С. 138-147.

Бахтияр БАБАДЖАНОВ. Колониальная власть в Туркестане и ислам. По поводу новой книги Ш. Мухамедова. – № 3 (XXXIV). С. 84-94.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО. Существует ли судьба? – № 4 (XXXV). С. 12-19.

ОЙКУМЕНА

Владимир САРИШВИЛИ. От Сиони – до Кашвети. Прогулка по православному Тбилиси. – № 3 (XXXIV). С. 111-117.

ПРОЗА

Виктор МОИСЕЕНКО. Переселенцы. Сырдарьинские этюды. – № 1-2 (XXXIII), С. 85-91.

Сергей ГЕРМАН. Обреченность (главы из романа). – № 1-2 (XXXIII), С. 92-124.

Андрей ВОЛОС. Должник (главы из нового романа). – № 4 (XXXV). С. 95-126.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*

В поисках чуда. – № 1-2 (XXXIII), С. 148-151.

Кем был богатый юноша? – № 3 (XXXIV). С. 118-121.

Социальные страницы

Лилии КАЛАУС

«Теплые» люди. – № 1-2 (XXXIII), С. 151-153.

Реставрация души. – № 3 (XXXIV). С. 121-122.

Литературные страницы

Вадима МУРАТХАНОВА

За пределы истории. Два романа о миссионерских путешествиях в русские земли. – № 3 (XXXIV). С. 138-141.

Усто Мумин: победа над биографией. – № 4 (XXXV). С. 92-94.

Тема: Поэзия и Вера

«Мы живем в языческом мире в его наихудшем варианте...» На вопросы ВС отвечает поэт *Инна КУЛИШОВА.* – № 3 (XXXIV). С. 123-132.

«Если мое внутреннее существо живо отзывалось на чужую боль...» На вопросы ВС отвечает литературный критик, редактор отдела поэзии журнала «Новый мир» *Павел КРЮЧКОВ.* – № 4 (XXXV). С. 63-70.

Тема: К 215-летию со дня рождения Пушкина

Рубен НАЗАРЬЯН. «Но мысль о друге...». Пушкин в жизни Вильгельма Кюхельбекера. – № 1-2 (XXXIII), С. 154-164.

Лейла ШАХНАЗАРОВА. «Ржавеет золото, и истекает сталь...» По страницам ташкентской «пушкинской» газеты (1997-1999). – № 1-2 (XXXIII), С. 165-173.

Ирина БОГОСЛОВСКАЯ. Библейские сюжеты Стефана Бакаловича. – № 3 (XXXIV). С. 133-137.

Павел КРЮЧКОВ. «Научить свой народ...» Корней Чуковский – составитель сборника библейских преданий для детей. – № 4 (XXXV). С. 71-76.

Александра ДАВШАН. «Родина детства, храни тебя Бог от метелей...» 1940-е – 1950-е годы в лирике Александра Файнберга. – № 4 (XXXV). С. 77-82.

Альбина МАРКЕВИЧ. «Счастливых снов и дней!...» Воспоминания о ташкентском детстве (1930-е – 1940-е годы). – № 4 (XXXV). С. 83-91.

РЕЦЕНЗИИ

Бах АХМЕДОВ. Между полюсами. (Константин Кравцов. «На север от скифов»). – № 1-2 (XXXIII), С. 174-175.

Евгений ОЛЕВСКИЙ. На орбите Окраины. (Шамшад Абдуллаев. «Приближение окраин»). – № 1-2 (XXXIII), С. 176-177.

Алина ДАДАЕВА. От Наяву до Нетинебудет. (Вика Осадченко. «Наяву и никогда»). – № 1-2 (XXXIII), С. 178-181.

Бах АХМЕДОВ. Собака, река, ветер... («Река души моей. Сборник современных узбекских рассказов»). – № 3 (XXXIV). С. 141-142.

Тема: Русский роман-2014

Алексей УСТИМЕНКО. Экскурсия по аду. (Захар Прилепин. «Обитель»). – № 4 (XXXV). С. 127-130.

Лилия КАЛАУС. Египетские четки. (Владимир Шаров. «Возвращение в Египет»). – № 4 (XXXV). С. 131-133.

Бах АХМЕДОВ. Чайка Фролова. (Всеволод Бенигсен. «Чакра Фролова»). – № 4 (XXXV). С. 133-135.

Юлия КОЛОТОВКИНА. Верно найденный ключ. (Наталья Громова. «Ключ. Последняя Москва»). – № 4 (XXXV). С. 136-138.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии — в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXXV
2014, № 4, октябрь-декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Подписано в печать 18.03.15 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № 22 (от 18.03.15).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz